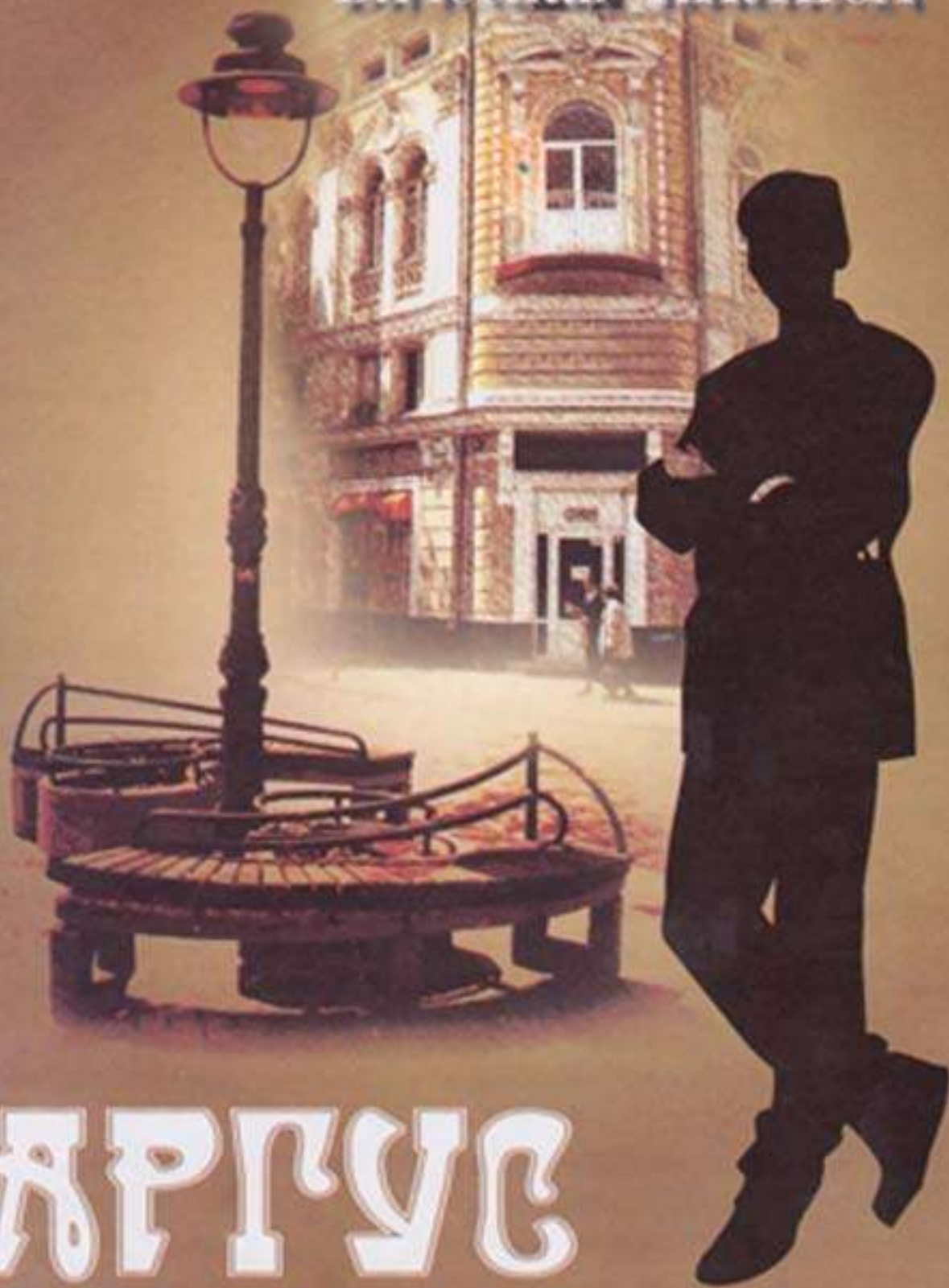

Вячеслав КИЛЕСА

АРГУС

ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО

АННОТАЦИЯ

Тема рассказов «Детективного агентства «Аргус» - «Перстень», «Многоженец», «Ожерелье», «Рейдер», «Бизнесмены», «Выборы», «Клад» - необычна, а главный герой – проживающий в городе Симферополе частный детектив Валерий Вилкин, - раскрывает сюжетные загадки не мускулами и револьвером, а посредством созданного им метода «психологической лингвистики». Впервые книга «Детективное агентство «Аргус» была опубликована в 2008 году тиражом 500 экз., в настоящее время имеется в большинстве электронных библиотек России.

Мистический детектив "Герб де Эмервилей"» окунет читателя в атмосферу тайны, окутывающей старинный замок, и познакомит с загадочным господином Дюреном, приехавшим в город Арион отыскивать украденные у него десять лет назад рукописи Сен-Жермена. Впервые опубликованный в 2004 году, «Герб де Эмервилей"» выдержал ряд публикаций в журналах Украины и Крыма. В настоящее время имеется в большинстве электронных библиотек России.

Художник: Жанна Будакова (село Апери острова Карпатос, Греция)

ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО "АРГУС" (Крымский детектив)

ПЕРСТЕНЬ

В это апрельское утро Валерий Вилкин сидел за столом в комнате, украшенной вывеской «Детективное агентство «Аргус», и подсчитывал, когда ему придется выбирать между нелечебным голоданием и возвращением в ряды государственных служащих, которые он покинул в позапрошлом месяце, превратившись из оперуполномоченного уголовного розыска в частного предпринимателя. Получалось, что если исключить из меню все, кроме воды и хлеба, то удастся дотянуть до конца мая, а если питаться так, как советует журнал «Здоровье», то агентство закроется через неделю.

Вздыхнув, Вилкин посмотрел на висевший на стенке календарь с улыбающейся Аллой Пугачевой, перевел взгляд в сторону окна, где виднелся ствол и нижняя крона орехового дерева, подумал, что напрасно надел куртку, поскольку день обещает быть жарким, и хотел подумать о чем-то еще, но... зазвонил телефон.

- «Аргус» слушает! – с надеждой объявил Вилкин в трубку.

В трубке засмеялись и спросили:

- Шерлок Холмс принимает?

- Принимает! – сердито ответил Вилкин. Звонил Саша Свидлов, приятель и бывший коллега по уголовному розыску.

- Как дела? – догадавшись о настроении друга, сочувственно спросил Свидлов.

- Хуже некуда! – вздохнул Вилкин. – Деньги заканчиваются. Часть отдал за аренду и обустройство помещения, часть – на объявления в газетах. А клиентов нет.

- Зато у нас: хоть метлой выгоняй! – похвастал Свидлов. – Государство – это фирма, а ты для населения: то ли нэпман, то ли жулик. Начальник спрашивает: возвращаться не надумал? Твое место тебя ждет.

- Нет! – сухо сказал Вилкин. - Пока! Некогда!

- До свидания! Понимаю: клиенты толпой ввалились! – съязвил Свидлов, не догадываясь, что в дверь агентства действительно вошла сухонькая старушка с газетой в руках.

- Это вы кражами занимаетесь? – спросила старушка, подозрительно рассматривая Вилкина.

- Я – ответил Вилкин, приглашая старушку к столу. – И не только кражами, но и другими преступлениями, в первую очередь против личности, а также сбором сведений об интересующих вас объектах.

- Образование какое? – усевшись на стул, начала допрос старушка.

- Стационарное отделение филологического факультета и заочное отделение юридического института плюс восемь лет работы в милиции – отрапортовал Вилкин.

- Грамотный! – похвалила старушка. – Хоть и молодой!

- Тридцать один год – пожал плечами Вилкин. – Если это недостаток, то, как говорит классика, со временем исправлю.

- Подходишь, – заключила старушка. – Слушай мою беду.

Старушка рассказала, что зовут ее Елизавета Сергеевна Тюбикова; она проживает в большом собственном доме на улице Кечкеметской вместе сорокатрехлетней дочкой Верой Ивановной и внучками Таней и Олей. Дочь разведена, работает поваром в столовой; старшая внучка Таня – секретарь-машинистка на заводе, а Оля учится на втором курсе строительного профтехучилища.

Жили дружно, пока неделю назад не исчез из запертой шкатулки золотой перстень с драгоценным камнем в форме печатки с непонятной надписью на нем: семейная реликвия с царских времен, сохраненная даже в военные и голодные годы. Обыскали дом, двор, но безрезультатно. Посторонние в доме не появляются, перстень взял кто-то из членов семьи, поэтому в милицию Елизавета Сергеевна не обращалась и очень обрадовалась, прочитав в газете об «Аргусе».

После первых слов Елизаветы Сергеевны Вилкин незаметно включил приделанный под столом магнитофон; так же незаметно выключив его, сказал:

- Заключим договор: я беру десять гривен в сутки и сто гривен после возвращения перстня.

Вилкин назвал минимальную сумму, но старуха осталась недовольна:

- Дорого что-то.. Я думала: дам тридцатку и перстень отыщешь. А сколько дней искать будешь?

- Пять – рискнул Вилкин, опасаясь, что старуха подымится и уйдет. – Учтите: в десять гривен входит мое питание и транспортные расходы.

- Ладно! – подумав, согласилась старушка. – Если харч твой... Но перстень найдешь за три дня.

Быстро, пока старушка не передумала, Вилкин заполнил два экземпляра договора, подписал и передал старушке, поставившей свою подпись после двукратного прочтения.

Старенький «Москвич», доставшийся Вилкину по наследству от отца, стоял рядом с подъездом. Посадив старушку на переднее сиденье, Вилкин включил зажигание и, выбирая кратчайший маршрут, через двадцать минут подкатил к дому Тюбиковых, по дороге расспросив старушку о внешнем виде и особых приметах перстня.

Тщательный осмотр трех комнат и двора, огороженного высокой каменной стеной, подтвердил предположение Елизаветы Сергеевны: кража совершена членом семьи. Посторонний заинтересовался бы Таниным магнитофоном, Веринной шубой или серебряными ложками в буфете.

Шкатулка стояла на этажерке в комнате Елизаветы Сергеевны; ключ от нее находился в нижнем ящике гардероба, о чем знали все домочадцы.

- Елизавета Сергеевна, давайте говорить на доверии – попросил Вилкин. – У вашей дочери и внушек есть близкие друзья или кавалеры, которым разрешается сюда приходить?

- Близких друзей нет, а ухажеров я сюда не допускаю, - категорично заявила старушка. – Так прямо и говорю: муж – пожалуйста, а остальных буду гнать поганой метлой. Зачем вам это: я весь день дома, только в магазин за продуктами выхожу.

- Но кавалеры, наверное, есть - настаивал Вилкин. – Кто они?

Старушка задумалась, припоминая:

- У Веры какой-то женатый инженер, они где-то на стороне встречаются. Таню несколько раз паренек с завода спрашивал: симпатичный, серьезный! А к Оле зашли как-то двое патлатых, так я их быстро отсюда отправила.

- А как реагировали члены семьи на пропажу перстня?

- Дочь вначале не поверила, решила, что я куда-то переложила и забыла об этом, - и приняла всерьез тогда, когда осмотрели дом снизу доверху. Таня отнеслась к пропаже равнодушно, - но она по характеру флегматик, а Оля сразу начала кричать, что перстень не брала и он ей даром не нужен.

- Где они сейчас?

- Вера и Танечка на работе, а Оля будет через полчаса.

- Тогда, с вашего разрешения, я осмотрю комнаты и подожду Олю.

- Пожалуйста, пожалуйста - замахала руками старушка. – А я пока оладьи испеку и чаек поставлю.

У девочек было одна комната на двоих, Вера Ивановна жила рядом, а напротив, через коридор, располагались кладовая и комната Елизаветы Сергеевны. Судя по скромной обстановке, Вера Ивановна довольствовалась статусом незамужней женщины и лишних денег не имела. Оля явно увлекалась

рок-музыкой, отдавая предпочтение, как объясняли прищипленные к стене рисунки и фотографии, группам со скандальной славой. Возле Таниной кровати стояла этажерка с книгами, подбор которых свидетельствовал о хорошем вкусе с налетом романтизма.

Во дворе послышался шум: кто-то шел, напевая песенку. Оля, – а это явно была она, – оказалась шатенкой среднего роста, изуродованной «хипповой» прической и пятнистыми варенками. Елизавета Сергеевна вышла ей навстречу: после короткой беседы Оля, негодуяще тряхнув головой, направилась в комнату к ожидавшему ее Вилкину.

- Здравствуйте! – с независимым видом объявила Оля, сердито глядя на Вилкина. – Вы что: в моих вещах роетесь? Я этого не разрешала.

- Просто рассматриваю, – успокаивающе произнес Вилкин. – Вы ведь знаете о пропаже перстня.

- Подумаешь, пропажа! Бабушка его потеряла, а теперь выдумывает, настроение всем портит. Никому он не нужен.

- Считаете, что перстень сам собой найдется? – осторожно спросил Вилкин.

- Не знаю, – растерялась Оля. – Может, найдется, а может, нет. Но я тут ни при чем, учтите.

- А кто «причем»?

- Да откуда я знаю!? Вот привязались!

- Виноват, исправлюсь! – улыбнулся Вилкин. – Что мы стоя разговариваем?! Давайте за стол сядем.

Негодующе фыркнув, Оля обошла Вилкина по кругу и села на самый дальний стул; Вилкин пристроился неподалеку. Ситуация его забавляла: эта сердитая девочка чем-то ему импонировала.

- Вы игры любите? – внезапно спросил Вилкин.

- Вот еще! – фыркнула Оля. – Что я: детсадовская?!

- Давайте попробуем: вы ведь хотите, чтобы вора нашли. Я буду называть слово, а вы противоположное по аналогии. Например: жена – муж, сестра – брат и так далее. Согласны?

- Ладно! – недоуменно сказала Оля.

- Свет!

Оля задумалась, потом произнесла:

- Ночь.

- Огонь! Быстрее говорите! – поторопил Вилкин.

- Ну, лед.

- Друг!

- Враг.

- Дом!

Оля опять задумалась:

- Улица, наверное.

- Перстень!

- Не знаю. Пусть будут серьги.

- Земля!

- Небо. Долго еще?

- Хватит. Спасибо. До вечера!

Зайдя на кухню, Вилкин по настоянию Елизаветы Сергеевны попил чай с оладьями, и, уточнив, как проехать на работу ее дочери, отправился в путь. Вера Ивановна оказалась невысокой, в меру упитанной женщиной, со спокойными движениями и рассудительным голосом. Узнав о цели визита, она вздохнула, произнесла: «Наверное, мама права: другого выхода не было» и, отведя Вилкина в пустующее подсобное помещение, приготовилась отвечать на вопросы.

- Ваше мнение о краже перстня? – спросил Вилкин.

- Двойственное. С одной стороны, мне жаль перстень: помню, как в детстве я показывала его подругам и мне все завидовали, потому что у меня было то, что отличало нашу семью от других. С другой стороны, я понимаю, что взял кто-то из дочек. А это не только материальная, но и моральная потеря: мы всегда доверяли друг другу и теперь этого не будет.

- Как вы думаете: кто виноват?

- Оля, конечно. Эти ее дружки: лохматые, с какими-то дикими песнями и поступками! Я пыталась переубедить ее, объяснить, что в ее годы ребята должны думать о карьере, стараться прилично выглядеть, а не изображать из себя соловьев-разбойников. Но она упрямая: если вобьет что в голову, - не выбьешь. И скрытная очень.

- А Таня?

- Это моя любимица. С детства носилась с ранеными птичками, обиженными кошками. Жажда кого-то спасти. На врача хочет учиться, но пока неудачно: дважды в медицинском институте до проходного бала не дотягивала.

- Скажите, а не было ли незадолго до кражи разговора о стоимости перстня?

- Был. Оля спросила, когда всей семьей ужинали: она на эту тему с Таней поспорила. Бабушка объяснила, что перстень несколько тысяч рублей стоит: его еще во времена императрицы Екатерины наш предок за военные заслуги получил.

Уточнив у Веры Ивановны ряд интересовавших его обстоятельств, Вилкин отправился к ждавшему его на улице «Москвичу». Заехав в ломбард, Вилкин убедился, что перстень туда не сдавали, после чего направился в читальный зал библиотеки, где около трех часов изучал литературу о перстнях. Посмотрев на часы, решил, что пора обедать, и поехал домой.

Вилкин жил вместе с матерью, Анной Николаевной, возле больницы имени Семашко. Район был тихий, спокойный; Вилкин помнил, как радовалась Анна Николаевна, проработавшая до пенсии заведующей кафедрой русского языка филологического факультета, когда получила эту двухкомнатную квартиру.

- Опоздал сегодня! – констатировала Анна Николаевна, открывая сыну дверь. – Или дело наконец-то появилось?

- Угадала. Разыскиваю перстень времен Екатерины Великой: а возможно, и более позднего времени.

Обедая, Вилкин попутно рассказывал о деле. Отец Вилкина погиб, когда Вилкин заканчивал пятый класс, и с тех пор мать стала для Валеры не только наставником, но и другом. Именно она помогла Вилкину создать то, что он назвал «психологической лингвистикой», позволяющей, основываясь на особенностях языка и психологии, определять реальные поступки и цели людей.

- Первые впечатления есть? – спросила Анна Николаевна, выслушав сына.

- Смутные. Неясно, кто и зачем, и непонятно, случаен ли предмет кражи.

Вечером Вилкин вновь был в доме Тюбиковых, попросив Елизавету Сергеевну позволить ему побеседовать с Таней.

Девушка Вилкину понравилась: миловидное лицо, стройная фигура, аккуратная одежда.

- Что думаете о краже перстня? – спросил Вилкин.

- Ничего, - пожала плечами Таня. – Я сомневаюсь, что его украли: потерялся, и бабушка напрасно запаниковала.

- Но дом осмотрели и ничего не нашли.

- Ну и что?! Может, в щелку в полу провалился, может, с мусором выбросили. А еще, я читала, вороны блестящее любят: бабушка положила перстень на подоконник, вороны его и украли.

- Может быть, - не стал спорить Вилкин. – Я с Олей играл в одну игру, давайте с вами попробуем.

Вилкин объяснил правила и назвал первое слово:

- Мороз!

- Жара.

-Дерево!

- Куст.

- Человек!

- Зверь.

- Голова!

- Туловище.

- Перстень!

- Кольцо.

- А вы быстро соображаете, - похвалил Вилкин девушку. – Время на раздумье не тратите.

- Можно идти? – спросила Таня.

- Конечно. Только скажите: парень, с которым дружите, Ягупов?

О Таниной симпатии Вилкину рассказала Вера Ивановна, характеризуя Ягупова как обаятельного, галантного кавалера.

Лицо Тани дернулось, стало злым, некрасивым.

- Вам какое дело?! – вспыхнула она и, хлопнув дверью, выскочила из комнаты.

Какое-то время Вилкин сидел, задумчиво глядя на дверь, потом встал и отправился на розыски Елизаветы Сергеевны. Нашел ее на кухне.

- Поужинаешь с нами? – увидев Вилкина, спросила Елизавета Сергеевна.

- Спасибо, не надо, - отказался Вилкин. – Скажите, кем были ваши родители?

- Работали в Петербургской Чека: отец – начальником отдела, а мать – служащей в канцелярии.

- Понятно. Значит, рассказ Веры Ивановны, что перстень получил за военные заслуги кто-то из предков – легенда?

Елизавета Сергеевна смутилась.

- Угадал. Я, когда дочке в детстве сказки рассказывала, эту историю придумала, - и сама в нее поверила. Отца в 1927 году в перестрелке убили, мама этот перстень в его вещах обнаружила. Откуда он у него, так и не узнали, но на всякий случай спрятали и никому не показывали: времена были страшные, читал небось. А как мой обман обнаружил?

- Судя по вашему описанию, перстень иудейский: такой раввины носили. Российская императрица не могла награждать им своих служащих, тем более военных.

- Надо же! – Елизавета Сергеевна с уважением посмотрела на Вилкина. – Шустрый какой: не ошиблась в тебе!

- Спасибо! До завтра!

Загнав машину в гараж – к счастью, он находился в общем дворе, где жил Вилкин, а не у черта на куличках - сыщик поднялся на свой четвертый этаж.

- Поздно как! – вздохнула Анна Николаевна. – Садись, ужинать будем!

Дождавшись, когда сын закончит пить чай, с любопытством спросила:

- Что выяснил?

- Многое, - с удовольствием сказал Вилкин. – Знаю, кто украл, предполагаю, почему и для кого. Смотри: в доме живут четыре человека, из которых кражу могли совершить трое. Для Веры Ивановны перстень имеет не материальный, а знаковый смысл: как память детства, как реликвия, имеющая благородную историю и переходящая по наследству. К тому же в ее возрасте, в случае острой нехватки денег, люди находят другие пути: заем у знакомых, на работе, а не воровство. Для девочек, с их неумением мыслить на много дней вперед, кража может предстать как нечто, выводящее из сложившегося тупика. Поэтому Вера Ивановна исключается, остаются Оля и Таня. Я поинтересовался у Веры Ивановны, как ведут себя девочки, когда хотят, чтобы им купили дорогую вещь. Оля канючит, устраивает истерики, Таня ходит обиженной, несчастной. Перед кражей никто из них ничего не просил, то есть ни в чем не нуждался, поэтому ясно, что кража совершена в интересах другого лица: друга или любимого.

Девочки – не профессиональные преступники, для них кража не является привычным событием. Вор осознает несправедность своего поступка, выстраивает свои поступки и слова так, чтобы его не поймали. Для Оли игра в слова, хотя это имело отношение к раскрытию преступления, была неинтересна, она не переживала за ее исход и не заботилась четко выполнять условия игры. А Таня очень старалась, не понимая, что доказывает этим заинтересованность в благополучном результате, и что предмет кражи постоянно присутствует в ее мыслях. Она даже убедительную версию пропажи перстня построила: в щель провалился, вороны унесли.

Таня – девочка романтическая, склонная к милосердию. Уверен, что эти ее качества кем-то – скорее всего Ягуповым – были использованы, чтобы толкнуть девушку на кражу. Думаю, Ягупов сочинил трагическую историю: жизнь или смерть, покров тайны и прочее, - и поймал Таню в силки ее мировоззрения. Она еще не понимает безнравственности своего поступка, а когда осознает...

- Ситуация может оказаться непредсказуемой, - продолжила мысль Анна Николаевна. – Помню: десять лет назад на филфаке одна из студенток, обманутая женихом, в окно выбросилась.

- Не так трагично, но ситуация сложная, - если я в ней правильно разобрался.

- Поживем – увидим! – философски заключила Анна Николаевна.
– Спокойной ночи!

На следующий день все свое внимание Вилкин сосредоточил на Танином кавалере. В отделе кадров завода знали Вилкина как сотрудника уголовного розыска, поэтому данные о Сергее Ягупове предоставили быстро. Выяснив, с кем из ребят Сергей дружит, Вилкин переговорил с ними, потом пообщался с родителями Ягупова и в обеденный перерыв, найдя Ягупова в заводской столовой, предложил ему посидеть на скамейке в соседнем парке.

Ягупов произвел на Вилкина двойственное впечатление. Это был приятной внешности паренек с копной каштановых волос и голубыми глазами, - из тех, что нравятся всем, - и в тоже время сыщик почувствовал в Сергее отсутствие твердой воли. Такие люди, как правило, бояться боли, любыми способами избегают неприятностей и стараются решение своих проблем взвалить на другого.

- У нас два варианта разговора, - внимательно глядя на Ягупова, сказал Вилкин. – В первом вы рассказываете мне, кому и при каких обстоятельствах отдали перстень, и тогда я подумаю, как вернуть перстень, не вмешивая вас в эту историю, во втором варианте вы все отрицаете и тогда мне придется применить к вам самые жесткие меры. У вас соучастие в краже, подпадающее под статьи уголовного кодекса, предусматривающие лишение свободы, поэтому никто с вами церемониться не будет.

Лицо Ягупова побледнело:

- Таня все рассказала? Я не знал, что перстень украден.

- Теперь знаете. У кого он сейчас?

- Какой-то блатной. Я недели три назад был в гостях у знакомой, там меня напоили и уговорили играть в карты, и я проиграл много денег. А на следующий день Шкет – так зовут парня, - встретил меня после работы, приставил к животу нож и пригрозил зарезать, если не отдам деньги. Только вы Тане об этом не говорите, я сказал, что у моей матери рак обнаружили и деньги для операции нужны.

- Как перстень отдали?

- Через знакомую, у которой в карты играли: Любой зовут.

Записав Любин адрес, Вилкин предупредил, чтобы Ягупов никому – в том числе и Тане – об их беседе не рассказывал, и поехал в РОВД к заместителю начальника уголовного розыска Саше Свидлову.

- Помнишь Шкета? – обменявшись приветствиями с другом, спросил Вилкин. – У него сейчас новая хата, где он лохов в карты обыгрывает: проверь по своим данным, кто там живет.

- Шкет, Шкет... пробормотал Свидлов. – Ах, да: ты три года назад в зону его отправлял.

- Он должен был в сентябре на волю выйти: или раньше, если под амнистию попал. Так что с адресом?

- Подожди, я проверю, - сказал Свидлов и вышел из комнаты.

Не было его долго: Вилкин начал проявлять нетерпение, когда Свидлов вернулся, держа в руках лист бумаги.

- Нашел! Лазейкина Любовь Михайловна, 32 года, тянула срок по малолетке за кражу, сейчас: скупка краденного, содержательница притона.

- Понятно, - кивнул головой Вилкин, подумав, что у Ягупова весьма странные знакомые. – Скажи: из ящичков моего стола ничего не выбрасывали?

- Нет. Я говорил: он тебя ждет.

- Там у меня карты лежат, которые у московского гастролера забрал: возьму, не возражаешь?

- Нет. Ты что: вместо детективного агентства решил карточный шалман открыть?

- Много будешь знать: быстро состаришься!

Забрав из ящичка стола три пачки нераспечатанных карточных колод, Вилкин попрощался с другом и отправился домой.

- Рано что-то: или клиент от договора отказался? – встревожилась Анна Николаевна.

- Клиент молчит и все терпит, – засмеялся Вилкин. – Готовлюсь к заключительной операции: изъятие перстня у шулера Шкета.

- Натравил бы на него Свидлова!

- Нельзя. Во-первых, для милиции главное: неотвратимость наказания, а не возвращение украденного, во-вторых, в нашем соглашении с Тюбиковой милиция исключается: происшествие должно остаться в семейном кругу. И это правильно. Ты знаешь: я на частный сыск перебрался не из-за желания легкую деньгу срубить. Работая в правоохранительной системе, понял: она настроена на розыск и наказание преступника, интересы жертвы для нее малозначительны и учитываются только для определения тяжести наказания преступника. Иногда жертва страдает от процесса раскрытия преступления больше, чем преступник: особенно в делах об изнасилованиях. А я считаю, что раскрытие преступления: это способ восстановления нравственной и материальной нормы для жертвы.

- Ты, Валерочка, идеалист: хочешь вершить правосудие своими руками, поскольку они чище, чем у других. Ты не солнышко: всех не согреешь, а обжечься можешь.

- Поживем – увидим! Я возьму напрокат твое и папино обручальные кольца.

- Они вернуться? – нерешительно спросила Анна Николаевна. – Это не только деньги, но и память.

- Не знаю, - честно ответил Вилкин. – Риск большой. Но у меня нет выхода.

- Значит, ситуация безнадежная, - грустно констатировала Анна Николаевна. – Бери.

Уединившись в своей комнате, Вилкин распечатал одну из колод и занялся изучением карточного крапа. Как и говорил гастролер, используется одна вдавненная точка, поставленная на верхней половине карты, дающая

информацию о масти и номинале. Четыре зоны в соответствии с мастями, точка в углу ромба – туз, посередине – десятка, на пересечении ромбов – девятка, - и так каждая из цифр и картинок. Что ж, выучить можно, главное: «набить» руку в узнавании и подмене карт.

До вечера Вилкин занимался работой с картами, потом поужинал и отправился в гости к гражданке Лазейкиной.

- Здравствуйте, Любовь Михайловна! – приветствовал сыщик открывшую дверь женщину. – У меня интересное предложение нашему общему другу Шкету: разрешите войти?

- Мент, что ли? – всматриваясь в Вилкина, спросила Лазейкина. Сыщик отметил, что стоявшая перед ним особа довольно привлекательна.

- Почти угадали! Но мой разговор отношения к этому не имеет: меня не интересует, с кем и на какую сумму денег играет Шкет в очко в вашей гостиной.

- А он, кстати, не играет: клиент сорвался, - усмехнулась женщина. – Так что заходите: какое ни есть, а развлечение.

Вслед за Лазейкиной сыщик вошел в большую комнату, главным украшением которой был расположенный в центре овальный стол с расставленными вокруг стульями. Сидевший лицом к двери парень занимался тем, что перебрасывал карты веером из одной руки в другую: Вилкин отметил, что крап на них такой же, как и на его картах.

- Посетитель к тебе – сказала Лазейкина. – Если не вовремя, скажи: выставлю вон.

- Отчего же! – окинув Вилкина взглядом, ухмыльнулся Шкет. – Проходите, гражданин капитан: гостем будете.

Кличка «Шкет» была получена из-за небольшого роста, что не мешало этому жилистому, крепко сбитому пареньку считаться опасным преступником.

- Зла на тебя, капитан, за свою отсидку не держу: расколол меня честно, хотя и не понял, как. Что понадобилось?

- Неделью назад ты перстень за карточный долг получил: вернуть надо, он ворованный.

- Я здесь при чем: спрашивай с того, кто воровал.

- Спросил. Нужен перстень.

- Неси деньги: отдам! – засмеялся Шкет. – Не понимаю, почему соучастием в краже не пугаешь или в камеру не сажаешь? Или, как сплетничают, вправду из милиции ушел?!

- Это роли не играет, - поморщился Вилкин. – Перстень ты неизвестно где держишь, а меня только он интересует. Понимаю, что даром не отдашь, поэтому предлагаю сыграть в очко: кто выиграет, тот и получит.

- Со мной? В очко? – Шкет явно был ошарашен. – В своем ли ты уме, капитан?!

- В своем. Или испугался?!

- На понт не бери. Не понимаю, в чем твой интерес?

- Я перстень пообещал вернуть. А слово свое держу.

- Теперь понятно. Хорошо: встречаемся завтра в семь вечера. Очко, тридцать две карты, новая колода, три выигрыша для победы. Туз - одиннадцать, фигуры – десять очков, остальные карты – по номиналу. Я ставлю перстень, а ты?

- Два золотых обручальных кольца.

- Не маловато ли? Кольцо с драгоценным камнем.

- Перстень еврейского происхождения, кто его купит?

- Да-а? Если докажешь, что жидовское, то согласен.

- Завтра докажу.

Встав, Вилкин направился к выходу; с интересом следившая за беседой Лазейкина быстро открыла перед ним дверь.

- Может, это не мое дело, - негромко произнесла она, выводя Вилкина на улицу, - но карты для Шкета – не забава, а профессия. Вы что: всерьез на выигрыш рассчитываете? Или другое надумали?

- Завтра узнаете! – улыбнулся Вилкин и, попрощавшись, отправился домой.

Вечер и следующий день Вилкин занимался подготовкой к карточному поединку. План игры был составлен заранее: пришлось пришивать специальные карманы к подкладке пиджака и в рукаве, снять наждаком часть кожи на подушечках пальцев, - чтобы чувствовались вдавленные точки на крапе, изучать вольты и приемы раздачи карт. Вилкин понимал, что имеет дело с шулером, но человеческая психология такова, что профессиональный обманщик обычно не учитывает, что к нему могут быть применены его же приемы.

В семь часов вечера Вилкин заходил в квартиру Лазейкиной.

- Показывай свою ставку, - велел Шкет, когда Вилкин уселся напротив него за столом.

Вынув из кармана взятые у матери обручальные кольца, Вилкин пододвинул их Шкету. Осмотрев их, Шкет пожал плечами:

- Вроде бы не туфта!

Достав из-за пазухи перстень, протянул его Вилкину.

- Видишь надпись на древнееврейском? – Вилкин повернул камень на перстне лицом к Шкету. - Она переводится: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенна его память».

- Откуда знаешь?

- В книге прочитал. Надписи подобного рода на Востоке - обычное дело.

- Ладно, играем! – решил Шкет. – Вот пять запечатанных колод: выбирай!

Вилкин ткнул пальцем в одну из колод. Отодвинув остальные на угол стола, Шкет небрежно распечатал пачку и, перетасовав карты, протянул Вилкину для снятия, после чего бросил по одной карте картинкой вверх себе и сыщику. У Вилкина оказалась восьмерка, у Шкета – валет. Следующая, закрытая карта была девятка и Вилкин понял, что проиграл: любая карта Шкета – кроме семерки - давала сумму большую, чем его семнадцать очков.

- Показываю! – сказал он, открывая карты.

- Не повезло тебе, капитан! – ухмыльнулся Шкет, бросая на стол валет и десятку. – У меня двадцать.

- Ты, случайно, не мухлюешь? – недоверчиво спросил Вилкин.

- Что ты, капитан?! – заулыбался Шкет, тасуя карты – Невинен, как младенец.

Вилкин понимал, что в первой игре Шкет проверял, не приготовил ли сыщик какие-либо сюрпризы. Убедившись в их отсутствии, теперь по правилам шулерской психологии этот кон Шкет должен отдать Вилкину: и действительно сыщик получил натураль при переборе очков у Шкета.

- Везунчик ты, капитан! – покачал головой Шкет. – Точно без перстня останусь!

- Смена сдающего при новой колоде! – потребовал Вилкин по праву победителя кона.

- Хорошо! – согласился Шкет и подмигнул Лазейкиной, сидевшей в стороне и с любопытством наблюдавшей за игрой.

Взяв перстень в левую руку, Вилкин пододвинул запечатанные колоды и начал по очереди их рассматривать, поднося поближе к глазам. Внезапно перстень выпал и запрыгал по столу: пользуясь тем, что Шкет и Лазейкина перевели взгляды на перстень, Вилкин отпустил колоду, упавшую вглубь пиджачного рукава и, тряхнув кистью, высвободил из карманчика рукава ткнувшуюся ему в ладонь «свою» карточную колоду.

- Эти беру! – Вилкин бросил запечатанные карты на середину стола. – А остальные, чтоб не перепутать, на тумбочку отнесу.

Переложив карты на стоявшую у окна тумбочку, – и незаметно закрепив «провалившуюся» колоду в карманчике рукава, – Вилкин вернулся на место. Он старался вести себя суетливо, создавая видимость человека, взявшегося не за свое дело и теперь жалеющего об этом. Он не сомневался, что Шкет мысленно над ним потешается: карты во всех запечатанных колодах были помечены и шансы победить у сыщика равнялись нулю. Шулер не подозревал, что его действия происходили в соответствии с намеченным Вилкиным планом, и когда Шкет проигнорировал обязательную жеребьевку на первого сдающего, то Вилкин позволил ему это только для того, чтобы на волне превосходства Шкет отдал ему один кон.

Распечатав карты и перетасовав их отрепетированными движениями, Вилкин протянул колоду для снятия: когда Шкет, отыскивая свою срезанную клином карту, протянул руку, Вилкин отодвинулся и мягко сказал:

- Пальчиком, сэр!

Удивленно посмотрев на Вилкина, шулер нехотя указательным пальцем сдвинул карты. Перенеся верхнюю часть карт в низ колоды, Вилкин оставил боковой сдвиг параллельно длинному краю карт, скрывая его ладонью левой руки, и, двигая карты к краю стола, согнул колоду вогнутой стороной к себе и резко отпустил колоду из правой руки, с легким щелчком прыгнувшей в ушедшую под стол левую руку. В этот краткий, длящийся не более двух секунд, момент Вилкин вернул сдвинутую часть карт в первоначальное положение и, аккуратно положив колоду на стол, начал раздачу. Взяв

выпавшую ему десятку, Шкет бросил взгляд на крап и покраснел от злости, поняв, что колода подменена.

- Головка заболела? – участливо спросил Вилкин, пододвигая Шкету вторую карту. – Послать за доктором Айболитом?

- Ничего, пройдет! – хрипло ответил Шкет, протянув руку за картой: Вилкин знал, что это девятка.

Сдав себе еще две карты, Вилкин развернул их картинками вверх и бросил на стол:

- Три семерки: тройной выигрыш!

- Но не у сдающего! – возразил пришедший в себя и что-то обдумывавший Шкет. – У нас русское, а не американское очко. Так что счет два – один. Новая колода и моя очередь выбирать.

Лазейкина, с интересом поглядывая на Вилкина, перенесла карты с тумбочки на стол: Шкет быстро выбрал одну из своих запечатанных колод, велел вернуть остальные на тумбочку; Вилкин с сожалением проводил глазами ту, что принесла ему выигрыш.

- Не всегда коту масленица! – ухмыльнулся Шкет, поймав взгляд Вилкина, и, распечатав колоду, передал сыщику:

- Тасуй!

Быстро перетасовав карты, Вилкин протянул их Шкету, сделав вид, что не заметил, как Шкет перед снятием сдал колоду двумя пальцами, нащупывая карту с подрезкой. Подровняв колоду, Вилкин взял левой рукой верхнюю карту и кинул Шкету: скользнув по столу, карта – это была десятка – едва не упала на пол. В ту секунду, когда Шкет смотрел на свою карту, Вилкин, опустив правую руку с колодой ниже уровня стола, уронил ее в пришитый вчера специальный карман на подкладке пиджака, вытащив одновременно двумя пальцами находившиеся в кармане свои карты. Возвращая левую руку к груди, взял верхнюю карту и положил перед собой картинкой вверх. Шкет озадаченно посмотрел на Вилкинскую семерку – вероятно, там намечалась другая карта, – потом открыл вторую карту, брошенную ему Вилкиным, и ошеломленно застыл. Вилкин знал, что у Шкета восемнадцать очков, тогда как у него вновь были три семерки.

- Очко! – Вилкин кинул свои карты на стол, положил перстень и обручальные кольца в карман. – Благодарю за игру!

Шкет взглянул на Вилкина, потом на Лазейкину – и захохотал.

- Ну, капитан, не ожидал, что вольты умеешь крутить! – продолжая смеяться, одобрительно произнес он. – Карты Чингиза?

Так звали московского шулера.

- Кто принес, тот знает, – дипломатично ответил Вилкин. – Будьте здоровы!

И, кивнув Лазейкиной, направился к выходу.

Открыв дверцу «Москвича», сел в машину, посмотрел на часы: было чуть более восьми вечера. Горели фонари; легкий туман полз по улицам Симферополя. Отъехав от дома Лазейкиной, сыщик свернул в сторону набережной. Он устал: напряжение последних двух дней сдавливало голову

железными обручами. Остановив машину, Вилкин подошел к парапету и долго стоял, слушая журчание воды. Если не хочешь лжи, найдешь правду, - но как трудно ее искать!

Вилкин начал думать о том, как отдать перстень Тюбиковым. Открыть глаза, чтобы из них потекли слезы?! Сломать судьбу девчонке во имя истины?!

- Вот дурочка!

Поняв, что произнес эти слова вслух, Вилкин улыбнулся, вернулся к машине и вскоре стучался в дом Тюбиковых.

Семья была в сборе.

- А мы решили, что вы ничего не нашли и сбежали! – язвительно сказала Оля.

- Приятно, когда о тебе хорошо думают, - Вилкин вытащил перстень из кармана. – Садитесь, разговор долгий будет.

Мельком взглянув на Таню, увидел, как напряглась она, с ужасом глядя на него, и незаметно подмигнул.

- Во-первых, Елизавета Сергеевна, вы ошиблись, считая, что кражу совершил кто-то из членов семьи, - начал Вилкин. – Перстень похитил вор-рецидивист по кличке Шкет. Он в дом забрался, когда Елизавета Сергеевна в магазин ходила, а поскольку ее отсутствие было недолгим, то больше ничего взять не успел. Во-вторых, перстень не простой. Он изготовлен в 17 веке в Чуфут-Кале в Крыму, а в 1823 году в Одессе был передан в подарок Александру Сергеевичу Пушкину княгиней Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой.

- Пушкину? Поэту? – перебила сыщика Вера Ивановна.

- Ему, - подтвердил Вилкин. – В то время было модно носить кольца, и когда в январе 1837 года Пушкина привезли раненого с дуэли, у него на руках было надето четыре кольца. Зная, что умирает, Пушкин отдал по ним распоряжения. Одно он велел разыграть в лотерею и его выиграла Мария Раевская, другое передал Далю, третье в виде большого изумруда досталось его секунданту Данзасу. А это, самое любимое – Пушкин называл перстень своим талисманом, - поэт подарил «любезнейшему другу» Василию Андреевичу Жуковскому. Семья Жуковских в 1887 году передала перстень музею Александровского лицея, ставшего позже Пушкинским музеем, откуда его украли 23 марта 1917 года. С тех пор сведений о перстне не было. Что дальше: решать вам.

Вилкин передал перстень Елизавете Сергеевне.

- Подумаем! В нашем роду воров нет и не было, и не мог мой отец... – сухо сказала старушка. – Ладно: деньги ты честно заработал: возьми! А что касается перстня... Ты о нем болтать не будешь?

- Нет! – спрятав в карман деньги, Вилкин поднялся, бросил взгляд на озабоченное лицо Тани и, отвесив общий поклон, направился к выходу.

- Спасибо! – В общем гуле раздавшихся благодарственных голосов он не услышал Таниного; пожав плечами, толкнул рукой дверь и, пройдя двор, вышел на улицу.

Анна Николаевна, услышав шаги сына, бросилась ему навстречу.

- Удачно? – с надеждой заглядывая ему в лицо, спросила она.

- Удачно! – улыбнулся Вилкин. – Принимай кольца!

- Слава Богу! – метнувшись на кухню, Анна Николаевна принесла

бутылку шампанского, бутерброды с сыром и колбасой. – Первое дело: надо отметить!

- Отличный повод для пьянки! – засмеялся Вилкин, наливая шампанское в бокалы.

- Поздравляю тебя, Валерочка! - Анна Николаевна легонько ударила краем своего бокала о бокал сына. – Я видела, как ты мучаешься: сумеешь или нет?!

- Еще не верится, что все получилось: особенно с картами. Шкет, наверное, до сих пор от злости бесится.

- Клиенты радовались?

- По-разному. Я их озадачил, оставив повод для раздумий: за это не благодарят.

Утром Вилкин вновь был в своем офисе. Почему-то был уверен, что Таня Тюбикова придет к нему или позвонит: хотя бы для того, чтобы выяснить, почему он солгал, - но она не пришла. А перстень поэта – Вилкин через полгода навел справки, - так и остался в списке пропавших.

МНОГОЖЕНЕЦ

С некоторых пор Вилкин начал делить дни на две категории: первая состояла из чтения книг, занятия - на коврике в углу комнаты - йогой и ожиданием клиентов, вторая была заполнена работой, не оставлявшей порою времени на еду и сон.

В это осеннее утро Вилкин, просмотрев сегодняшние газеты, углубился в изучение уолденской жизни Генри Торо, раздумывая, смог бы он, последовав примеру американского романтика, выдержать двухгодичное пребывание в лесу. По расчетам выходило, что вряд ли, и сыщик неожиданно огорчился.

Стук в дверь прервал его умствования, заставив перевести взгляд от книги на входившую в комнату женщину могучего телосложения: из тех, которых порой называют «бабищами». Такие женщины редко становятся предметом любви, зато любят иногда до одури, до самозабвения.

Отметив, что посетительница одного с ним возраста, Вилкин предложил женщине сесть за стул и незаметно включил спрятанный в столе магнитофон.

- Слушаю вас! – благожелательно произнес Вилкин, желая помочь мнущейся, не решающейся заговорить посетительнице. – Вас как зовут?

- Панина Клавдия Ивановна, - неожиданно звонким голосом ответила женщина, - Понимаете...

Женщина опять замялась, потом, решившись, быстро выговорила:

- Его нужно наказать. Пусть даже деньги не отдаст, хотя три месяца работы: хуже, чем в колхозе...

Заинтригованный Вилкин начал задавать вопросы, выяснив следующее.

Клавдия Ивановна проживала в небольшом домике с матерью и братом в поселке Зуя. Работала в колхозе, а когда он распался, начал работать продавцом в магазине. У брата семья, двое детей, в домике тесновато, вот и решила устроить свою жизнь замужеством. Читала объявления в газетах, но подходящего не находилось, пока в мае не наткнулась на такое: «Вдовец сорока лет, владелец большого сада и огорода, ищет трудолюбивую женщину для совместного проживания». Написала письмо по указанному адресу: город Симферополь, переулок Табачный, и вскоре пришло приглашение в гости. Вдовец – Петр Семенович Саржин – оказался крепким широкоплечим мужчиной несколько обезьяньей наружности, зато с прекрасным домом и приусадебным участком, в которые Панина мгновенно влюбилась, согласившись на предложение пожить до сентября: чтобы присмотреться и притереться. Рассчитавшись с работы и захватив чемоданчик со сменной одеждой, Клавдия Ивановна перебралась к Саржину, превратившись в работницу по дому и участку.

- Не поверите, - взволнованно рассказывала Панина, - в пять утра каждый день вставала и до ночи спину не разгибала, так много работы было. Да еще козел этот ненасытным оказался... Но терпела, надеялась: выйду замуж и все потихоньку перестрою.

- А он помогал вам по хозяйству? – поинтересовался Вилкин.

- Где там?! Четыре дня в неделю совсем куда-то уезжал, а в остальные дни если и бывал дома, то телевизор смотрел да водку с друзьями пил.

- А что за друзья?

- Не знаю. Разные были. Сумки какие-то приносили, с консервными банками.

- И чем закончилось?

- В сентябре потребовала оформить наши отношения. Саржин покивал головой и предложил мне съездить в гости к матери. Я поехала, а на следующий день незнакомый парень привозит на машине мой чемодан с вещами и записку от Саржина, что в качестве жены его не устраиваю. Стыдоба какая! Хорошо, дома никого не было: спрятала чемодан в чулан и помчалась в Симферополь. Так он меня и на порог не пустил. Замки на дверях поменял и овчарку привел. Забежала к соседям и узнала, что Саржин часто дурех вроде меня по объявлению находит, чтобы бесплатно на него работали.

- И что вы хотите? – спросил Вилкин.

- Наказать его! И пусть деньги за три с половиной месяца отдаст. Сделайте, прошу вас!

Вилкин заколебался. Дело было бесперспективным и проще было бы отказаться, объяснив, что в действиях Саржина отсутствует как криминальный состав, так и повод для разбирательства в гражданском суде, но... Вилкин представил, как эта глядевшая на него с надеждой женщина уйдет отсюда с раненой душой, обманутая, обиженная, опозоренная, - и, вздохнув, заполнил бланк договора, взяв пятьдесят гривен задатка и оговорив

в качестве гонорара тридцать процентов от суммы, которую удастся забрать у Саржина.

Попросив Клавдию Ивановну вернуться к пятнадцати часам, Вилкин закрыл за обрадованной посетительницей дверь, постоял, обдумывая план действий, потом, выйдя из агентства, сел в свой старенький «Москвич» и отправился в гости к Саржину. Приехав в переулок Табачный, Вилкин прошелся вдоль огородившего участок высокого каменного забора и застучал кулаком по железным воротам.

Раздался собачий лай; через минуту хриплый голос прикрикнул на псину и дверь в воротах распахнулась. Саржин оказался именно таким, каким описывала его Клавдия Ивановна: широкоплечий, с обезьяньей наружностью.

- Чего надо? – хмуро спросил Саржин.

- Детективное агентство – Вилкин показал пластиковое удостоверение. – Побеседовать надо.

- «Детективное»? – изумленно переспросил Саржин. В глазах его мелькнул страх. – Это что: «уголовка» так теперь называется?

- Пройдемте в дом: в ногах правды нет, - поморщился Вилкин. – Посидим, поговорим: все узнаете.

- Подождите: собаку на цепь посажу.

Минут через пять дверь опять распахнулась и сыщик, бросая взгляд по сторонам, пересек двор и вслед за Саржиным вошел в дом: добротный, с мансардой, застекленной верандой и множеством пристроек.

- Тут письмо на вас пришло, - сказал Вилкин, сев в предложенное хозяином кресло. – Пишут, что занимаетесь незаконными промыслами.

- Ах ты!.. – выматерился Саржин. – Баба небось пишет. Пригрел я тут одну проשמандовку.

- Не имеет значения, - сухо произнес Вилкин. – Все-таки: источник ваших доходов?

- Сад у меня, огород, - начал перечислять Саржин. – Подрабатываю иногда.

- Наркотики возите, что ли?

- Ну, парень – засмеялся Саржин. – Если письмо об этом, то можешь его выбросить.

- Это я об этом, а письмо о другом. У вас какая профессия, чем подрабатываете?

- Строить могу, водителем работал.

- Валютой, золотишком не промышляли?

- «Рыжье» - это для пацанов, - снисходительно объяснил Саржин. С каждой минутой он все более успокаивался.

- У вас ружье в углу стоит: разрешение на него есть?

- Могу показать.

Саржин поднялся, подошел к шкафу, вытащил оттуда охотничий билет и свидетельство о регистрации ружья и протянул Вилкину.

- Часто на охоту ходите? – просмотрев документы, Вилкин вернул их владельцу.

- Давно не ходил: некогда.

- А чем еще занимаетесь?

- Я говорил: садом, огородом. Собрал урожай, продал: вот и деньги.

- Это весь круг ваших занятий?

- Да. А что?

- Ничего. У вас две машины: «Ауди» и фургон. Зачем столько?

- «Ауди»- для поездок по городу, фургон – для рынка. Закон что: запрещает?

- Даже поощряет, - Вилкин встал, медленно направился к выходу. – Значит, живете за счет подсобного хозяйства и случайных заработков, других доходов нет?

- Да.

- Рад был познакомиться! – вежливо проговорил Вилкин, спускаясь с крыльца во двор. Саржин шел следом; потом, как Вилкин и ожидал, поравнялся и спросил:

- Слышь, начальник: что в письме? Ничего не сказал.

- Проверять будем, - равнодушно выговорил Вилкин. – О результатах узнаете.

Выйдя за ворота, он повернулся спиной к Саржину и направился к спрятанному за углом «Москвичу»; перед тем, как свернуть за угол, оглянулся: Саржин стоял на том же месте, озабоченно глядя вслед сыщику.

Обедать Вилкин старался дома: это было и экономнее, и вкуснее. Мать сыщика Анна Николаевна не зря шутила, что с уходом на пенсию приобрела специальность повара.

- Новое дело? – наливая сыну в тарелку суп с пельменями, с интересом спросила Анна Николаевна.

- Да.

Сыщик пересказал матери утренние события.

- И каков вывод?

- Приняв меня за работника милиции, Саржин испугался. Конечно, не истории с Паниной, хотя я дал понять, что письмо написала она, - он испугался моего появления в доме и каких-то фактов, которые могут в письме фигурировать. Построение фразы, слова «рыжье», «начальник» - свидетельство того, что он побывал на зоне. Умалчивает, где работает, незнакомые люди с сумками, приличные доходы, которые не объяснишь прибылью от сада и огорода: на чем-то криминальном он завязан, но на чем? Я назвал возможные направления деятельности: реакция нулевая. Понимаешь, мама, здесь тот случай, когда важно не то, что человек говорит или делает, а то, что он должен сказать или сделать, но не делает и не говорит. В коридоре я заметил удочки и рыбацкие сапоги, но слово «рыба» ни разу не было произнесено!

- Думаешь: браконьер?

- Сомнительно: все-таки в Симферополе живет, а не в Керчи. Но с рыбным промыслом связан, причем – вспомним консервы в сумках – не как одиночка, а как член организации. Скорее всего: нелегальная добыча и консервация икры с последующей переброской в Турцию и другие страны. В Крыму – доходное дело!

- Валера, но это опасно! – Анна Николаевна с тревогой смотрела на сына. – Организация – это не только бандиты, но и коррумпированная милиция, рыбнадзор, таможня. Тебя уничтожат.

- Постараюсь этого не позволить, - доев, Вилкин поднялся из-за стола. – Ситуация опасна не только для меня, но и для Саржина. Организация действует в темноте, когда высвечивается один из ее членов: убирают того, кто держит фонарь, или того, на кого направлен свет. Саржин не зря волнуется, он это понимает.

Поцеловав мать, Вилкин спустился к машине и отправился в агентство. Дожидаясь Панину, сделал несколько телефонных звонков, а когда Клавдия Ивановна пришла, усадил за стол и спросил:

- Ваш бывший сожитель увлекается рыбалкой?

- Удочки есть, но на рыбалку не ездит, - объяснила Панина. – Хотя, когда стирала его одежду, она всегда пахла рыбой. Я как-то спросила, так он нагрубил: не бабьего, мол, ума дело!

- А черная и красная икра у вас в доме часто бывала?

- Очень! Я еще удивлялась: откуда такое богатство?! Говорил, что друг у него - капитан рыболовецкого судна.

- Понятно. Я пообщался с Саржиным и должен сказать, что сожитель ваш гораздо опаснее, чем думаете. Иными словами, деньги у него придется забирать с риском для вашего здоровья. Готовы к этому?

- А что: прощать?! Если тронет: в милицию пойду! Пусть деньги отдает, их у него много. Однажды портфель домой принес, я случайно открыла: а он деньгами набит! Саржин, когда увидел, чуть меня не убил. Потом, когда успокоился, объяснял, что клад нашел. Слово я - последняя дура и всему готова верить.

- Клад? – переспросил Вилкин. – Но это прекрасно! Сейчас позвоните Саржину и повторите то, что я написал на бумаге. Потребуйте семь тысяч гривен: за работу и моральный вред. Деньги в течение недели должен выслать в Зую почтовым переводом.

- Да он удавится, но не вышлет! – прервала сыщика Панина. – Такую прорву деньжищ! Может, пятисот гривен хватит?

- Вышлет, если сделаете то, что скажу, - категорично ответил Вилкин. – Крикните, что если денег не будет, то сообщите о его рыбных делах в прокуратуру, – и тут же положите трубку. Поняли?

- Вроде бы! – нерешительно произнесла Панина. – Давайте вашу бумагу, поучу, чтобы не напутать.

Минут через десять, когда Панина твердо уяснила, что говорить, Вилкин, включив магнитофон, набрал домашний номер Саржина. Телефонный

разговор Панина провела хорошо, с достаточной злостью и твердостью, и, бросив трубку, удовлетворенно воскликнула:

- Как я его! Душа радуется!

- Рано радуется, - осадил ее Вилкин. – Все трудности – впереди. Кстати: ваши родные знают, что Саржин вас выгнал?

- Нет, - потупила голову Панина. – Я ничего не говорила, они думают, что я продолжаю жить у Саржина. А чемодан так в кладовке и остался.

- Очень хорошо! Берите бумагу и пишите: «Дорогая мама! Я боюсь за свою жизнь. Мой сожитель – Саржин Петр Семенович – угрожает мне убийством: из-за денег в портфеле, которые я у него видела. Говорит, что меня убьет, закопает в лесу, а чемодан с вещами подбросит вам в кладовку и скажет, что мы разошлись. Если убедитесь, что меня нигде нет, то я, скорее всего, мертва. Любящая дочь Клава».

- Дописать, чтобы она в милицию бежала? – расписавшись, спросила Панина.

- Нет: надо вовремя остановиться, - возразил Вилкин. – Она туда и так пойдет, но вначале с письмом к Саржину приедет. Когда ваша мать напишет заявление в милицию, то это потом можно расценить как заблуждение. Если она это сделает по вашему требованию, то вас привлекут к ответственности за клевету. Возьмите чистый лист бумаги, пишите еще одно письмо: «Уважаемая редакция! Мой супруг, Саржин Петр Семенович, нашел клад и скрыл его от государства. Я считаю, что это неправильно. Нужно жить по совести и закону. Объясните ему». Подпишитесь, поставьте сегодняшнее число и укажите все свои данные, в том числе номер паспорта. Обратный адрес – переулок Табачный, причем и на конвертах.

Подождав, когда Клавдия Ивановна заполнит адреса на конвертах и заклеит их, Вилкин улыбнулся:

- Вы – хороший клиент: исполняете все, что требую, и ничего не спрашиваете.

- Я думаю: вы его запугать хотите и на испуге деньги забрать, - улыбнулась Панина в ответ. – Угадала?

- Отчасти. Я его проблемами хочу озадачить и перетащить из темноты на солнышко: этого и честный человек не любит, не говоря о мошеннике... Слушайте внимательно: сейчас едем на почтамт, там вы отправите письма заказной корреспонденцией, после чего я отвезу вас к знакомой старушке, – будете жить у нее на полном пансионе, пока за вами не приеду. На улицу не выходить, не звонить и не писать. С этого момента вы для всех должны исчезнуть.

- Я с ума сойду от скуки! – заволновалась Панина.

- Телевизор смотреть будете и книжки читать. Поехали.

Устроив Панину на квартире, Вилкин отправился в редакцию газеты, где, зайдя в кабинет к заместителю редактора – бывшему однокурснику по филологическому факультету, - попросил при получении письма Паниной немедленно опубликовать его под заголовком: «Куда смотрит налоговая?». Выторговав согласие за бутылку коньяка, сыщик отправился домой.

- Логика и реальность – разные понятия, - сделала вывод Анна Николаевна, когда сын, поужинав, рассказал ей план своих действий. – А если что-то сработает не так или вообще не сработает? Тогда все, что ты нагородил, свалится на тебя или Панину: или на обоих.

- У меня нет выхода, - оправдывался Вилкин, понимая справедливость материнских слов. – Точнее: не вижу другого способа выиграть. В этом деле я и моя клиентка должны стать невидимками, поэтому я перевел Панину на нелегальное положение, а сам буду контактировать с Саржиным только по телефону.

- Инесса была права, - вздохнула Анна Николаевна. – Ты закончишь жизнь или мучеником, или святым.

Вилкин нахмурился, встал из-за стола. Напоминания о жене, бросившей его два года назад, все еще оставались мучительными.

- Прости, сынок, прости! – Анна Николаевна подошла к сыну, обняла его. – Вроде простое дело, а я за тебя боюсь.

- Честно говоря: я тоже! – сознался Вилкин.

В агентство Вилкин приехал рано утром. Из рассказа Паниной он знал, что по средам, пятницам, воскресеньям и понедельникам Саржин куда-то уезжал, возвращаясь поздно вечером. Сегодня была среда.

Открыв шкаф, сыщик выбрал на полке и надел на голову парик, приклеил небольшие усики и нацепил на нос очки с простыми стеклами. К гримировке Вилкин прибегал только в крайних случаях: сейчас был именно такой.

Оставив «Москвич» возле агентства, Вилкин доехал на маршрутке до остановки такси и, выбрав «Волгу» без обозначения принадлежности к таксопарку, предложил водителю:

- Нанимаю машину на два часа: плачу по договоренности. Нужно за одним фраером поехать.

Таксист заколебался, но размер оплаты оказался убедительным и вскоре такси стояло на углу Табачного переулка. Ждать пришлось недолго: вскоре показалось «Ауди» с Саржиным за рулем.

- Трогай за ним! – велел Вилкин.

Преследователя Саржин заметил минут через десять. Дважды «Ауди» останавливалось и его хозяин, со злостью поглядывая на замершую метрах в тридцати «Волгу», покупал то сигареты, то газету, потом «Ауди» ускорило ход и начало петлять по улицам, а когда это не помогло, Саржин, чудом избежав столкновения, промчался на красный свет светофора.

- Возвращаемся, - удовлетворенно велел Вилкин таксисту. – На бойню, потом к Центральному рынку.

Рассчитавшись с таксистом, Вилкин зашел на рынок, купил кусок мяса, затем посетил аптеку и, дождавшись нужной маршрутки, вскоре был в агентстве. Записав в блокнот номер машины и фамилию обслуживавшего его сегодня таксиста, Вилкин сбил в стакане усыпляющую смесь, пропитал ею мясо и, упаковав гостинец в пакет, отправился в дом Саржина.

На стук в ворота, кроме овчарки, никто не отозвался. Убедившись, что прохожих поблизости нет, Вилкин быстро залез на перекладину ворот,

достал из сумки кусок мяса и, показав его подпрыгивающей в остервенении овчарке, швырнул мясо так, чтобы оно упало возле собачьей будки. Спрыгнув на землю, Вилкин, чтобы не маячить возле ворот и успокоить собаку, прогулялся по соседним улицам, после чего вновь вернулся к Саржиновскому дому. Постучав в ворота и не услышав собачьего лая, Вилкин натянул на руки перчатки, открыл отмычкой замок на воротах и вошел во двор. Собака спала возле будки; Вилкин надел на нее цепь, нашел в сарае штыковую лопату и начал копать землю в огороде и в саду, создавая впечатление, что здесь что-то искали или прятали. Бросив лопату возле сарая, Вилкин, вновь используя отмычку, зашел в дом, где, открывая шкафы и переворачивая стулья, создал видимость тщательного и неумелого обыска. Вынув из сумки банку, открыл крышку и разбрызгал в спальне взятую на бойне бычью кровь. Закрыв входные замки, Вилкин, убедившись, что овчарка продолжает спать, снял с нее цепь, закрыл ворота изнутри на замок и задвижку, перелез через ворота и, снимая на ходу перчатки, поспешил прочь.

- Валера, а почему ты не захотел выяснить, куда и зачем ездит Саржин? – с интересом спросила вечером Анна Николаевна.

- Есть черта, где заканчивается Саржин и начинается организация, на которую он работает, и мне эту черту нельзя преступать. Я не хочу получать опасные для себя и не нужные для дела знания.

- А те безобразия, что ты у него дома и на участке устроил: для чего?

- Для человека самое страшное: столкнуться с непонятным. Вечером Саржин с трудом попадет в собственный дом, где неясно что и зачем делали и кого-то в спальне то ли ранили, то ли убили, - при том, что по двору бегают живая и невредимая овчарка, а из дома ничего не украдено. Если приплюсовать сюда визит работника милиции и слежку, то у Саржина есть о чем подумать. Утром он обнаружит, что на участке что-то искали или прятали, а к обеду появятся с обвинением в убийстве мать и брат Паниной, получившие письмо и обнаружившие чемодан в кладовой.

На следующий день около двенадцати часов Вилкин расположился в засаде у входа в переулок Табачный, ожидая, когда появятся гости из Зуи, - и они действительно появились. Что происходило в доме, Вилкин мог только предполагать, но видел, что родственники Паниной уходили злые и в тревоге. Купив в киоске газету, Вилкин нашел на третьей странице заметку «Куда смотрит налоговая?», вырезал ее ножиком из газеты, подчеркнул на обратной стороне одну из букв и, положив заметку в конверт, попросил проходящего мальчишку бросить конверт в почтовый ящик Саржина. Вернувшись в агентство, Вилкин напечатал на пишущей машинке отчет о своих действиях и положил его в ящик стола. Ближе к вечеру Вилкин прошел к ближайшему телефону-автомату, набрал Саржиновский номер и, когда трубку взяли, сказал, прижимая к микрофону носовой платок:

- У вас, кажется, неприятности, Петр Семенович? А все потому, что семь тысяч Паниной платить не хотите.

- Ах ты... – слышались ругательства. – Вот из-за чего все! Кукиш вам, а не деньги. Доберись до этой бабы: до смерти изуродую!

- Так вы это уже сделали, уважаемый Петр Семенович! – засмеялся Вилкин. – Убили ее в спальне, а труп на участке закопали. Или в лес ее вывезли, как обещали?

Вилкин слышал, как ошеломленный Саржин сопел в трубку.

- Кстати, налоговая к вам собирается: клад делить. Нехорошо государство обманывать!

- Да не знаю я о кладе! – взвыл Саржин. – Это Клавка все придумала!

- За что вы ее и убили, - согласился Вилкин. – Но время все уладить у вас есть: завтра до обеда!

И положил трубку.

Полужинав, Вилкин вышел на улицу и, найдя телефон-автомат, сунул за щеку скомканный кусок бумаги и набрал Саржиновский номер; когда снял трубку, булькающим голосом произнес:

- Петр Семенович, это друг ваш говорит. Вам эти гады анашу подложили: один пакет в доме, другой – на участке. Я слышал, как они договаривались, что если деньги не отдадите, милиции вас сдать. У меня с ними свои счета, поэтому вам и рассказываю.

- Из-за чего все? – быстро спросил Саржин.

- Из-за Клавки. Она – родственница серьезного человека, вам с ними не справиться. Сочувствую вам!

Положив трубку, Вилкин выплюнул бумагу и зашагал обратно.

- Чего ты добиваешься? – спросила Анна Николаевна, когда Вилкин вернулся домой.

- Создать для Саржина псевдореальность. Окружающая нас действительность реальна отчасти: в основном это плод нашего воображения и проекция опыта. И действительность, окружающая Саржина на этот час, не та, которая была три дня назад. Раньше он был хозяином положения, контролировал каждый ход, - а сейчас он окружен врагами и не знает, какой удар будет следующим.

- Думаешь, он отправит завтра деньги?

- Сомневаюсь! – покачал головой Вилкин. – Во-первых, он патологически жаден, иначе не придумал бы аферу с многоженством. Во-вторых, у него нет гарантий, что после семи тысяч не потребуют столько же. А в-третьих, решение он будет принимать завтра, а сейчас обыскивает дом в поисках анаши: ему этого занятия до утра хватит.

- Понимаешь, мама, - продолжил Вилкин. – Саржин столкнулся с тем, с чем никогда раньше не сталкивался. И завтра поймет, что решить эти проблемы самостоятельно не сможет, тем более с уверенностью, что против него работает организация.

- И тогда он побежит к руководству своей организации? – предположила Анна Николаевна.

- Обязательно. Причем постарается интерпретировать ситуацию так, что некто с использованием милиции через Саржина пытается добраться до организации и что опасность в первую очередь угрожает не Саржину, а его организации. Только при такой версии Саржину окажут помощь.

- А потом?

Вилкин вздохнул:

- Потом люди организации придут ко мне: ниточку я оставил.

- Заметка в газете? – догадалась Анна Николаевна.

- Да. И тогда начнется самое интересное и опасное.

Ожидаемые сыщиком гости пришли в конце рабочего дня. Их было двое: в костюмах с галстуками и кожаными папками в руках.

- Капитан налоговой полиции Еременко: вот удостоверение – представился тот, кто был помоложе. – А это мой коллега Сеницин. Мы к вам за разъяснениями по поводу одной заметки.

- Усаживайтесь! – пригласил Вилкин. – Всегда готов оказать помощь почти коллегам.

- Нам объяснили в газете, что вы очень хотели, чтобы это письмо было опубликовано. Почему?

Еременко подал Вилкину вырезанную из газеты заметку «Куда смотрит налоговая?». Сыщик повертел ее в руках, отметил на обороте подчеркнутую им два дня назад букву. «Так называемый Сеницин – это представитель организации, а Еременко – их человек в полиции» - решил Вилкин и широко улыбнулся.

- Двумя словами тут не обойдешься, объясню подробно. Ко мне несколько дней назад обратилась гражданка Панина по такому вопросу.

Вилкин рассказал о своей беседе с клиенткой, показал копию заключенного договора.

- Я пообщался с Саржиным, увидел, какие у него хоромы. Честным трудом такие не заработаешь, значит действительно, как хвастался моей клиентке, нашел клад. Вот и решил оказать на него давление.

- Значит, это вы были у Саржина под видом работника милиции?

- Извините, я у него был под своим именем и даже удостоверение показывал, - возразил Вилкин. – А за кого он меня принял – это его трудности.

- А блондин на «Волге», следивший за Саржиным: ваш напарник? – вновь спросил Сеницин.

- Нет, это тоже был я, - встав, Вилкин открыл шкаф, показал парик. – Но это была не слежка: я минут десять глаза ему помозолил, чтобы напугать. Кстати, у меня есть справка по этому делу: как своим коллегам, могу дать ознакомиться.

Вытащив из стола отчет по делу, Вилкин передал его Сеницину. Тот, не скрывая, что в пришедшей паре является главным, быстро пробежал отчет глазами.

- Значит, звонили тоже вы, - констатировал Сеницин. – Остроумно! Скажите, а в доме Саржина действительно спрятана анаша?

- Нет. Но – улыбнулся Вилкин, - я не удивлюсь, что, если моя клиентка не получит требуемую сумму денег, анаша там появится.

- Понятно, - кивнул головой Синицин. – Между прочим, куда вы Панину дели? Ее мать отнесла утром заявление в милицию с обвинением Саржина в убийстве.

- Клавдия Ивановна у подруги отдыхает, - объяснил Вилкин. – Но как только придет почтовый перевод: тут же появится и вместе с матерью заберет заявление.

- Спасибо за подробное объяснение! – Синицин, а за ним и Еременко встали. – Вы позволите захватить ваши записи, чтобы руководству могли доложить?

Синицин показал рукой на документы, которые читал.

- Конечно! – согласился Вилкин, подумав: «Часть из них для вашего руководства и писалась».

- У меня к вам просьба, - уходя, Синицин обернулся. – До двенадцати часов завтрашнего дня активных действий не предпринимать. Думаю, мы поможем вашей клиентке.

- Договорились! – пообещал Вилкин и с облегчением вздохнул, когда за посетителями закрылась дверь.

- И все-таки один прокол у тебя был, - выслушав рассказ сына, объявила Анна Николаевна. – Ты в разговоре не дал интерпретации фразе «рыбные дела», прозвучавшей в телефонном монологе Паниной. А фраза опасная и наверняка использовалась Саржиным при обращении к руководству организации.

- Синицин прочитал ее объяснение в моем отчете. Я там доказываю, что Саржин был браконьером-одиночкой, поэтому Панина и угрожала ему «рыбными делами».

- Как ты думаешь, чем сейчас занимается организация? – спросила Анна Николаевна.

- Изучает запись беседы со мной – она наверняка записывалась, – и шаг за шагом проверяет мой отчет по делу: от таксиста до телефонных звонков. Не волнуйся, мама, к завтрашнему вечеру все закончится!

Вилкин не стал добавлять, что если в отчете обнаружится нестыковка или ложь, то его автор до вечера может не дожить.

- Значит, завтра: со щитом или на щите! – грустно констатировала Анна Николаевна и сыщик догадался, что мать все понимает.

Приехав с утра в агентство, Вилкин по устоявшейся привычке отвесил поклон рассматривающей его с календаря Алле Пугачевой и, открыв «Уолден, или жизнь в лесу», углубился в чтение. Книжки ценились Вилкиным как собеседники, а не источники информации или эмоций, и Генри Торо со студенческих лет был его любимым визави.

Телефонный звонок раздался около часа дня, когда озабоченный Вилкин уже начал раздумывать о вариантах бегства в Россию.

- Извините за опоздание, Валерий Александрович! – послышался в трубке голос Синицина. – Объект вашего внимания упрямылся, еле уговорили. Деньги через полчаса вам принесут, причем, учитывая ваши расходы, не семь, а десять тысяч. Будем считать ваше дело закрытым.

- Спасибо, господин Синицын, за приятную весть! – обрадовано ответил Вилкин. – Будьте уверены: договоренность исполню!

Дождавшись, когда хмурый парень передал ему пакет с деньгами, Вилкин успокоил по телефону мать, сел в «Москвич» и через полчаса был у Паниной, встретившей его как родственника. Рассчитавшись с приютившей Панину старушкой, Вилкин отвез Клавдию Ивановну в Зую, а затем в Белогорский РОВД, где в течение часа уголовное дело против Саржина было прекращено.

Как всегда в таких случаях, Анна Николаевна купила шампанское и приготовила праздничный ужин.

- За твой успех, сынок! – подняв бокал, предложила тост Анна Николаевна.

- Скорее: за удачу! – поправил ее Вилкин и, осушив бокал, начал рассказывать.

- Побеседовав с Саржиным, я понял, что в одиночку денег у него не заберу. Тогда я начал превращать себя в организацию: мифическую для меня, но реальную для Саржина, тем более что эта организация в течение двух дней смогла угрожать Саржину следующими обвинениями: убийство Паниной, скрытие и присвоение клада, хранение наркотиков. Прессинг шел настолько плотно и необычно, что Саржин растерялся и сделал то, чего ему нельзя было делать: обратился за помощью в свою организацию. Но это было то, чего добивался я: мифическая организация не могла отобрать деньги у Саржина, тогда как для реальной организации это - пара пустяков.

А теперь поставь себя на место руководителей саржиновской организации: выясняя обстоятельства, они узнают, что Саржин занимался многоженством, прогуливаясь по самому краешку закона. Мало того: он ведет себя глупо, позволяя сожительнице заглядывать в портфель с деньгами и болтать о «рыбных делах». Выясняется также, что Саржин обманул свое руководство, поскольку враждебной организации не существует, а есть сыщик, чьи заботы дальше Саржиновской личности и получения денег с Саржина не распространяются. Получается, что Саржина атакуют из-за его афер с женщинами, а он в своих личных интересах пытается использовать организацию. Из-за неосторожных и корыстных действий Саржина организация была вынуждена высветить коррумпированного представителя налоговой полиции Еременко и потратить время и деньги на изучение обстоятельств дела. Серьезные люди такого не прощают. Регулируя ситуацию, мне и Паниной закрыли рот деньгами, а Саржина... Не хотел бы я оказаться в его шкуре.

- Как говорили древние: не будем о печальном! – махнула рукой Анна Николаевна. – Каждый сам готовит свою судьбу. Что ж: еще раз за удачу!

- За удачу! – улыбнулся Вилкин. – И не будем бить бокалы: пригодятся для празднования следующего дела!

ОЖЕРЕЛЬЕ

Дождь начался еще ночью и «дворники» «Москвича» с трудом разгребали падающий с небес поток воды. Поставив машину у подъезда, Вилкин, согнувшись под ударами капель, - он не любил зонтов, и старался обходиться без них, - нырнул в бетонный проем и, пройдя по коридору, открыл замок на двери агентства. Поздоровавшись с презрительно посматривающей на него с настенного календаря Аллой Пугачевой, походил вокруг стола и, подойдя к окну, долго смотрел, как, увеличиваясь, бегут по тротуару ручьи.

- Пропал день! – подумал Вилкин. – В такую погоду собаку на улицу не выгонишь, не говоря о клиенте.

Раздумывая об этом, Вилкин не обратил внимания на остановившийся внизу «Мерседес», из которого, раскрыв зонтик, выбрался невысокий толстяк в черном костюме. Пробежав глазами по фасаду здания, толстяк удовлетворенно кивнул головой и вошел в подъезд. И только тогда, когда в дверь постучали и на пороге агентства показался толстяк из «Мерседеса», Вилкин понял, что его предсказания не сбылись.

- Садитесь! – пригласил он толстяка, показав рукой на стул.

Усевшись, толстяк некоторое время изучал Вилкина, потом произнес:

- У вас хорошая репутация и, как мне сказали, вы умеете держать язык за зубами. Дело совершенно конфиденциальное и важное.

- Слушаю вас! – поощрительно сказал сыщик.

Толстяк замялся, потом, собравшись с духом, сообщил следующее.

Он, Панкратиотов Герман Николаевич, владеет большим ювелирным магазином. Торговля носит законный характер, но иногда к нему попадают вещи сомнительного происхождения, сбыт которых приносит значительные барыши. Неделю назад из Москвы очень авторитетный в своих кругах человек привез Панкратиотову для продажи ожерелье огромной ценности. Панкратиотов спрятал ожерелье дома в тайнике и практически нашел на него покупателя. Но вчера перед закрытием магазина в кабинет Панкратиотова зашел человек, показал удостоверение на имя майора милиции Сиваша и ордер на обыск, и предложил добровольно выдать ожерелье. Услышав от Панкратиотова, что он не понимает, о чем идет речь, майор, пригласив в качестве понятых продавщиц, обыскал все помещения магазина. Когда обыск не дал результатов, майор Сиваш позвонил из кабинета Панкратиотова в дежурную часть милиции и приказал срочно собрать специальную группу с овчаркой для обыска дома Панкратиотова. Потребовав, чтобы группа заехала в начале за ним, Сиваш вышел ожидать ее на улице. Оставшись один в кабинете, перепуганный Панкратиотов позвонил домой жене, велел ей достать из тайника ожерелье и поехать с ним ночевать к кому-нибудь из знакомых. Жена так и сделала, но когда она с ожерельем в сумочке выходила из дома, возле калитки из темноты на нее напал сзади какой-то человек. Обхватив одной рукой женщину за шею, он другой рукой прижал к ее лицу тряпку с хлороформом. Когда жена очнулась, то ожерелья в сумочке не было.

Мало того: сегодня утром Панкратиотов отправился в отдел милиции, где его встретили как сумасшедшего, поскольку майор Сиваш у них не работает и с обыском никого к Панкратиотову не посылали.

- Копию постановления о производстве обыска майор вам оставил? – спросил Вилкин.

- Нет. Дал почитать, потом забрал.

- А кто утвердил постановление?

- Прокурор Желватенко: я это запомнил, поскольку шапочно с ним знаком.

Порывшись в столе, Вилкин достал оттуда «Справочник следователя» и, открыв на нужной странице, показал Панкратиотову:

- Ваше постановление на обыск было такое же или чем-то отличалось?

- Тютелька в тютельку! – всмотревшись, объявил Панкратиотов.

- Понятно, - нахмурился Вилкин. – Поскольку из вещей ничего не изымалось, акт об изъятии не составлялся?

- Документов больше никаких не писалось, - подтвердил Панкратиотов. – А что: надо было?

- Нет, - покачал головой Вилкин. – Все сделано процессуально грамотно. Скажите, а когда майор звонил в дежурную часть милиции, он называл кого-то по фамилии?

- Да: Шевченко Василия, причем Васей позже звал, по-свойски. Кличка овчарки еще упоминалась: Черныш.

- А вы удостоверение майора внимательно читали: его срок действия не истек?

- Точно! – обрадовался Панкратиотов. – Удостоверение настоящее, не подделка, я внимательно смотрел, но что-то показалось странным. Теперь понимаю: оно продлено не было. Но вел себя как настоящий милиционер: я с ними сталкивался, повадки знаю.

- Здесь все ясно, идем дальше, - решил Вилкин. – Кто знал о существовании у вас ожерелья?

- Тот, кто его привез: но он сразу уехал в Германию, будет через две недели. Да и не стал бы пакостить: мы деловые отношения давно поддерживаем! Моя жена знала о тайнике, но ничего об ожерелье. Вроде бы все.

- Покупатель, - напомнил Вилкин.

- Войтенко Иван Семенович. Думал об этом, но.. Лет пятнадцать друг друга знаем, – с сомнением произнес Панкратиотов. – Торговался долго, хотел цену сбить, я не уступил. Нормальное явление. Серьезный человек, на криминал не пошел бы!

- Так не было криминала, - усмехнулся Вилкин. – Обыск? Над вами дружески пошутили. Жену ограбили? Мягко, без физических воздействий, причем на улице, без проникновения в дом. И вещь забрали ворованную, поэтому в милицию заявить не можете, ко мне пришли.

- Правильно рассуждаете, - подумав, согласился Панкратиотов. – Значит, Войтенко?! Урою гада!

- Стоп! – перебил Вилкин. – Никого вы не урете! Я даже не начинал расследования, могу ошибаться. Когда у вас встреча с Войтенко?

- Сегодня в семнадцать часов у меня в доме.

- Тогда так: ни вы, ни ваша жена не должны никому говорить о краже. Если Войтенко спросит по телефону, приходит или нет, скажите, чтобы приходил. Я буду участвовать в разговоре в качестве представителя владельца ожерелья. Понятно?

- Да.

- Отлично. Подпишем договор, потом проедем к вам в магазин, я осмотрюсь, затем вместе с вами и продавщицами составим словесный портрет Сиваша. А к семнадцати часам ждите меня в гости. Согласны?

- Конечно, - кивнул головой Панкратиотов.

К обеду дождь закончился и когда Вилкин приехал домой, к ждавшей его Анне Николаевне, то имел все основания бодро заявить, что был прав, не взяв утром зонт, поскольку тот все равно ему не понадобился. Засмеявшись, Анна Николаевна быстро поставила на стол тарелки с супом, жареной картошкой и отбивными, после чего, усевшись напротив сына, начала выпытывать подробности нового дела.

- Смотри, что получается, - доев отбивную, начал рассказывать Вилкин. – Профессионально совершенное преступление – обыкновенная работа, в процессе которой используются приобретенные производственные навыки: как у токаря при изготовлении деталей. Причем «окраска», - способ совершения криминального действия, – у преступника не меняется, она пожизненная. Вор-домушник всегда проникает в жилище только в отсутствие хозяев, грабитель раздевает прохожего с использованием ножа или кастета, бандит, вламываясь в дом, привязывает хозяев к стулу и с помощью раскаленного утюга выпытывает, где спрятаны ценности, после чего хозяев, как правило, убивают. Что интересно в нашем случае? Преступление совершено на грани закона, то есть так, что его можно истолковать как розыгрыш или восстановление справедливости. В том же ювелирном магазине были очень ценные изделия, который обыкновенный грабитель изъял бы на основании: «похожи на украденные, разберемся, вернем», но этого сделано не было. Почему?

- Преступники не хотели, чтобы у Панкратиотова были основания написать в милицию заявление о краже, - догадалась Анна Николаевна. – Это были грабители, уклонявшиеся от официальной регистрации их в качестве грабителей. Для профессионального преступника подобная регистрация безразлична, тогда как... Ты хочешь сказать, что преступные действия были совершены людьми, далекими от криминального мира и старающимися не попасть в этот контингент?

- Конечно. С другой стороны, эти люди прекрасно разбираются в преступной психологии. Они знали, что ожерелье спрятано где-то в доме, но, чтобы избежать разбойного нападения, с помощью обыска и звонка в дежурную часть поставили Панкратиотова в такое положение, что он

заставил жену достать ожерелье из тайника и унести за пределы территории, на которой будет производиться обыск.

- Люди, знающие воровской мир, но к нему не принадлежащие? – задумалась Анна Николаевна. – Получается: сотрудники милиции?

- Один из них – точно. Использовались навыки и умения, присущие сотруднику милиции: процессуально грамотно проведенный обыск, тон разговора и поведение, использование реальных имен – прокурора Желватенко, дежурного милиции Василия Шевченко, розыскной собаки Черныш. И я уверен, что удостоверение майора Сиваша – не поддельное, а принадлежащее уволенному сотруднику милиции. Как правило, никто при увольнении удостоверений не сдает, пишут объяснительную, что потеряли.

- Преступник при обыске показал свое удостоверение? – недоуменно спросила Анна Николаевна. – Слишком нагло, не поверю.

- Думаю, что кто-то из знакомых майора Сиваша тайно позаимствовал – постоянно или временно – его удостоверение. Причем этот «кто-то» - тоже бывший сотрудник милиции, внешне похожий на Сиваша.

- Получается: круг поиска очерчен! – резюмировала Анна Николаевна. – А если удостоверение – подделка?

- Психологически не состыковывается. Среди преступников есть профессионалы, умеющие изготовить любой документ, - но они работают для своих. Бывшему работнику милиции никто удостоверение делать не будет, а если сделает, то тут же сдаст. Существуют фирмы, изготавливающие подобные документы по роду своей деятельности, но они работают по заказам организаций. Уговорить какого-нибудь мастера на нелегальный заказ: попасть в зависимость от его языка. А печать МВД? Подделка подобных печатей преследуется законом, кто станет рисковать?! К тому же вспомни: у удостоверения закончился срок действия, что для фальшивого удостоверения невозможно.

- Убедительно! – согласилась Анна Николаевна. – Но как мог бывший сотрудник милиции узнать, что барыга Панкратиотов продает украденное ожерелье?

- Думаю, после разговора с Войтенко многое станет ясным. Если у Войтенко на момент ограбления неоспоримое алиби, то преступление организовал он. Что касается второго исполнителя, то этот человек должен быть связующим звеном между организатором преступления и мнимым майором Сивашом. К тому же у этого субъекта интересный способ нападения: сзади, с обхватом за шею и зажимом рта. Это – один из профессиональных приемов насильника женщин.

Поговорив с Анной Николаевной, Вилкин отправился в гости к Саше Свидлову, работавшему заместителем начальника уголовного розыска.

- Как дела у частного капитала? – спросил Свидлов, пожимая руку сыщика. – Прибыль, наверное, мешками считаешь?!

- Дециметрами! – засмеялся Вилкин. – Могу часть прибыли на тебя в ресторане потратить, только в одном пустяке помощи: несколько лет назад из

милиции уволился майор Сиваш. Ты не мог бы узнать: когда уволился, обстоятельства увольнения, адрес проживания?

- В каком-то деле у тебя выплыл? – посмотрел на сыщика Свидлов.

- Скорее: его удостоверение, - объяснил Вилкин. – Причем нехорошо выплыло.

- Фамилия знакомая, - задумался Свидлов. – Позвони завтра. Как поживает Анна Николаевна?

- Работает у меня доктором Ватсоном, - улыбнулся Вилкин. – Все дела с ней обсуждаю.

Поболтав о разном, друзья расстались. Заехав в библиотеку, Вилкин полистал литературу о драгоценностях и, поскольку время близилось к семнадцати часам, отправился к Панкратиотову.

Осмотрев место, где вчера вечером отняли ожерелье у жены Панкратиотова, Вилкин подошел к сделанной из кованых железных прутьев калитке и нажал кнопку звонка. Его ждали: калитка открылась. Пройдя по кирпичной дорожке мимо бассейна, Вилкин, любуясь красотой стоявшего в глубине двора двухэтажного особняка, подошел к ждавшему его на крыльце Панкратиотову.

- У вас что: даже собаки нет? – спросил Вилкин.

- Дом на охранной сигнализации: в случае тревоги здесь через пять минут будет милиция.

- Понятно, - сказал Вилкин, подумав, что план ограбления, придуманный майором Сивашом, был единственным способом «по-тихому» забрать ожерелье. – Войтенко не звонил?

- Нет. Не знаю, что и как ему говорить.

- То же, что в прошлый раз: требуйте максимальную цену. И соглашайтесь со всем, что скажу я, - говоря это, Вилкин одел рыжий парик, бороду и темные очки и пояснил удивленному Панкратиотову, - Симферополь – город маленький, он может меня знать.

Войтенко приехал на «Ауди» минут через десять: это оказался сухопарый старик с седой шевелюрой и внимательными глазами, опиравшийся при ходьбе на трость.

- С кем имею честь? – кивнув подбородком в сторону Вилкина, спросил Войтенко, пройдя в дом и усаживаясь в кресло.

- Представитель моего клиента: деньги увезет, - объяснил Панкратиотов.

Войтенко нахмурился и с сомнением посмотрел на Вилкина:

- Ты же знаешь, разговоры такого рода тет-а-тет вести надо. Впрочем...

Пожевав губами, Войтенко сухо спросил:

- Ты цену ту же держишь?

- Да. Реальная стоимость ожерелья гораздо выше.

- Возможно, - произнес Войтенко, помолчал, о чем-то думая и искоса поглядывая то на Панкратиотова, то на Вилкина, словно ожидая каких-то слов, потом, поняв, что ничего не дождется, резко сказал:

- Я, как и ты, телефонам не доверяю, поэтому приехал лично сказать: от сделки отказываюсь, слишком дорого просишь.

- Могли бы и по телефону позвонить, - прищурившись, небрежно бросил Вилкин.

- Прямо с самолета: в Киеве два дня был, с Давыдовым общался: Герман его знает!

- Вот как! – облегченно сказал Панкратиотов, - Помню Аркадия, помню!

Вновь нависло молчание. Панкратиотов бросил недоуменный взгляд на Вилкина. Тот, словно только и ждал этого, заулыбался и развел руками:

- Дорого, согласен! Хозяин готов отдать ожерелье за цену, которую предлагали вы!

Войтенко оторопело посмотрел на Вилкина, потом на молча кивнувшего головой Панкратиотова и осторожно произнес:

- Прекрасно. Несите ожерелье.

- Оно не изменилось с тех пор, как вы его осматривали. А денег ваших мы не видели.

- Не взял деньги, - растерянно выговорил Войтенко. – Не думал, что цену сбросите. Сейчас съезжу.

- Это несерьезно! – сурово заявил Вилкин. – Прийти за товаром без денег... Сделку с вами пока приостанавливаем, других поищем.

- Прыткий вы больно, молодой человек в бороде! Так со мной говорить! Ты, Герман, не с теми дружишь!

Окинув Вилкина злобным взглядом, Войтенко поднялся и, не прощаясь, ушел.

- Напрасно вы так! – обращаясь к сыщику, разгневался Панкратиотов. – Видите: алиби у него! Друг друга столько лет знаем, а вы нас почти поссорили!

- Помиритесь, когда ожерелье у вас окажется, - жестко заметил Вилкин. – Выхода не было. Не мог же сознаться, что ожерелье отобрали: кто бы вам после этого что-либо доверил!

- Вы правы! – опомнился Панкратиотов. – Но Войтенко в этом не виноват, ищите другого!

- Возможно! – не стал спорить Вилкин. – Но придется кое-что проверить, перед тем как из списка подозреваемых вычеркнуть. Расскажите, что о нем знаете.

Закончив беседу с Панкратиотовым, Вилкин вновь посетил Сашу Свидлова и вернулся домой.

- Войтенко живет с племянником в особняке в районе Московского кольца, - пересказывал Вилкин добытые сведения Анне Николаевне. – Несколько фирм, связи за рубежом. Жена давно умерла, племянник – Кураганов Андрей Викторович, тридцати четырех лет, холостой, - единственный близкий родственник. Кураганов помогает Войтенко в делах, но дядя не всегда доволен племянником, поскольку Кураганов посещает рестораны и волочится за женщинами.

- Почему ты уверен, что Войтенко – организатор ограбления? – недоуменно спросила Анна Николаевна. – Знал про ожерелье: ну и что?

Проговорился племяннику, тот на пару с майором Сивашом совершил хищение.

- Что они теперь с ожерельем будут делать? В ломбард сдадут? – с иронией спросил Вилкин. – Для перепродажи ворованной вещи подобной ценности нужны серьезные связи: откуда они у бывшего мента и молодого повесы?! Нет, на ожерелье замахнулось влиятельное лицо. К тому же Войтенко, приехав без денег, себя выдал: так мог поступить только человек, знающий, что продавать нечего. И про алиби: зачем сообщать? Деловые люди информацией о поездках с посторонними не делятся, - а я для него был случайный и даже подозрительный субъект, замаскированный бородой и париком.

- Если организатор Войтенко, то ожерелье давно за пределами Крыма, - подумав, прикинула Анна Николаевна.

- При транспортировке возможны опасные случайности. Пока не уляжется суматоха, Войтенко будет хранить ожерелье в тайнике.

- Получается: Войтенко, его племянник и майор Сиваш, – сделала вывод Анна Николаевна. – Или кто-то еще?

- Ты торопишься: круг лиц не определен. Участие племянника: ничем не обоснованное предположение. На виновность Войтенко указывают косвенные улики. Реален только майор Сиваш. Им не может заняться милиция, поскольку нет заявления о преступлении, и он недосыгаем для расследования криминального мира, поскольку находится вне его поля зрения, - поэтому Сиваш в безопасности. К тому же он неизвестен, поскольку «майор Сиваш» – это маска.

- Грабители учли все, кроме наличия «Аргуса»?! – улыбнулась Анна Николаевна.

- Да, - согласился Вилкин. - И когда они это поймут: мне несдобровать!

Утром Вилкин поехал не в агентство, а к Свидлову. Пришлось подождать, пока Александр Николаевич закончит планерку: когда-то Вилкин тоже принимал в них участие.

- Заходи в кабинет! – пригласил друга Свидлов. – Чай будешь?

- Нет. Рассказывай!

- Майор Сиваш – парень из породы правдоискателей, я его потом вспомнил. Прекрасный следователь, но три года назад вынужден был уволиться: отказался закрыть дело на родственника важной особы. Живет с семьей на улице Кечкеметской, работает юристом в фирме «Аист», занимающейся железнодорожными перевозками. Что касается второго фигуранта, – Свидлов с интересом посмотрел на Вилкина, - ты оказался прав: пять лет назад на Кураганова действительно было заведено уголовное дело по заявлению гражданки Петренко: Кураганов затащил в машину ее тринадцатилетнюю дочь, вывез за город и изнасиловал. Вел дело следователь Немихын, но до суда ничего не дошло: пропала часть документов, потерпевшая написала отказное заявление и Кураганов остался на свободе. На преступных деяниях Кураганов более не попадался, в отличие от

Немихына, четыре года назад уволенного по подозрению в получении взятки. Где Немихын сейчас: неизвестно.

Поблагодарив друга за информацию, Вилкин захватил в агентстве миниатюрный фотоаппарат и отправился в фирму «Аист». Найдя директора, Вилкин представился коммерческим директором днепропетровского ОАО «Свема», желающим воспользоваться услугами «Аиста» для отправки товара по железной дороге в Днепропетровск. Обсудив финансовую часть сделки, директор «Аиста» вызвал юриста – им, как Вилкин и предполагал, оказался бывший следователь Сиваш, - и велел показать представителю ОАО «Свема» проект договора о перевозке товара.

Распровавшись с директором «Аиста», Вилкин перешел в кабинет Сиваша, где минут двадцать обсуждал проект договора. Разговорившись с Сивашом, Вилкин пожаловался, что Симферопольский филиал ОАО «Свема» не может найти юриста, поскольку директор ищет бывшего работника милиции – они надежнее, - и спросил у Сиваша, нет ли кого-то на примете. Поколебавшись, Сиваш назвал несколько человек, которые работали ранее в милиции и могут претендовать на должность. Записав, как с ними связаться, Вилкин незаметно сфотографировал Сиваша и, положив проект договора в папку, отправился восвояси. Часть задачи была исполнена: в числе названных Сивашом лиц фигурировала фамилия Немихына.

- Как ты догадался, что Кураганов проходил по делу об изнасиловании? – удивлялась Анна Николаевна.

- Я тебе говорил: способ нападения на жену Панкратиотова. Бездеятельность и деньги развращают человека, - узнав о его тяге к женскому полу, я допустил, что Кураганов развлекаться изнасилованиями, тем более что это – наиболее безопасное для преступника преступление. В отличие от западного мира, где закон оберегает женщину, украинские женщины перед насильником беззащитны, это преступление доказать трудно. Поэтому девяносто процентов изнасилованных не заявляют в милицию, а из оставшихся десяти процентов только часть дел добирается до суда. Кураганову в тот раз не повезло: он затащил девочку в машину на глазах у школьных учителей.

- Негодяй! Но благодаря этому случаю ты вышел на Немихына. Теперь достаточно его сфотографировать и показать фотографию Панкратиотову, - обрадовано сказала Анна Николаевна. – Уверена: это и есть майор Сиваш.

- Неприемлемо! - раздраженно ответил Вилкин. – Что сделает Панкратиотов, опознав фотографию?

- Захочет побеседовать с Немихиным, - нерешительно произнесла Анна Николаевна.

- Естественно! Панкратиотов наймет пару бандитов, увезет Немихына в какое-нибудь логово, где, загоня иглы под ногти и подпаливая пятки, выяснит подробности кражи ожерелья, после чего Немихына закопают в землю. И я, сыщик, становлюсь, с одной стороны, невольным соучастником убийства, с другой – свидетелем, знающим, кто убийца. Как ты думаешь, я долго после этого проживу?

- Бросил бы ты это дело, Валерочка! – схватилась за сердце Анна Николаевна. – Я теперь ночей спать не буду!

- Перестань, мама! – отмахнулся Вилкин. – Обычное дело! Клиент всегда опаснее противника: хотя бы потому, что тебя знает. Мое правило: держать клиента при расследовании в неведении и сообщать о результатах розыска, а не о пути, по которому шел. Я – всего лишь частный сыщик: со средним знанием приемов борьбы, без стоящей за спиной организации, даже без оружия. Моя сила - в уме, принцип работы – невидимка.

- Панкратиотов наверняка спросит, чем занимаешься.

- Исследую места, где может всплыть ожерелье. Дня на три этой версии хватит, а потом: или грудь в крестах, или голова в кустах! – засмеялся Вилкин. – Мама, не волнуйся, все обойдется!

- Зачем ты Сиваша сфотографировал: ведь он даже не подозревает об ограблении? – успокоившись, спросила Анна Николаевна.

- Сравню с фотографией Нимыхина: если черты общие, то все сомнения отпадут: именно удостоверение Сиваша использовалось Нимыхиным при обыске у Панкратиотова.

Нимыхин жил в Марьино в однокомнатной квартире, которую получил после развода с женой и размена жилплощади; когда Вилкин подъехал на «Москвиче», он как раз выходил из подъезда и был настолько похож на Сиваша, что сыщик сразу его узнал. Щелкнув фотоаппаратом, сыщик с этой же целью отправился в район Москольца, потом посетил ряд магазинов и старые развалины за железнодорожным переездом, - и ближе к вечеру вернулся домой.

- Вот она: преступная троица, – поужинав, Вилкин разложил фотографии Нимыхина, Войтенко и Кураганова на столе. – Как думаешь: что делать дальше?

- Если не хочешь использовать возможности Панкратиотова – тогда... - развела руками Анна Николаевна. – Напугаешь тем, что знаешь об их участии в ограблении, и потребуешь за молчание ожерелье?

- После чего превращусь в объект охоты... Их слишком много: целых трое, нужно это количество уменьшить

- Ты собираешься кого-то ликвидировать? – испугалась Анна Николаевна.

- Мама, ты перепутала меня с бандитом, - засмеялся Вилкин. – В моей работе смертные случаи исключены. А трудности кое-кому испытать придется, в том числе физические. Я собираюсь общаться только с одним из них.

- Войтенко? – спросила Анна Николаевна. – Он – главный и знает, где ожерелье.

- Об этом должен знать еще один человек – племянник и ближайший помощник. Войтенко – старик, в таком возрасте нужно предусмотреть все: в том числе внезапную смерть или больницу.

- Но лишь Войтенко имеет право решать: отдать или не отдать ожерелье! – запротестовала Анна Николаевна. – Ты ведь по мирному хочешь, без насилия.

- Я его право проигнорирую, - объяснил Вилкин. – Мне Войтенко не по зубам, он меня на куски разорвет, если узнает о моем существовании.

- Тогда Немыхин: единственный, кто засветился. Он понимает, что с ним сделает Панкратиотов, и пойдет на все в обмен на твое молчание. Милиционер-оборотень: наказать его надо!

- Мама, я занимаюсь розыском, а не наказанием: пусть об этом заботится государство. Мне необходимо ожерелье, а Немыхин его в руках не держал. Слабое звено троицы: Кураганов!

- Насильник – всегда трус! – согласилась Анна Николаевна. – И при ограблении не перетрудился: в темноте напал сзади на пожилую женщину! Что будешь делать?

- Сегодня – пятница: я выяснил, что Кураганов по пятницам отдыхает в ресторане «Кечкемет». Думаю, участие в ограблении не повлияет на его привычки.

До ресторана Вилкин добрался на маршрутке. Был поздний вечер: убедившись, что курагановский «Мерседес» стоит на обочине дороги рядом с «Кечкеметом», Вилкин универсальной отмычкой открыл замок на задней двери и нырнул в кусты. Визжащие звуки сигнализации разорвали воздух; из ресторана выскочил швейцар, взглянул на номер «Мерседеса» и поспешил обратно. Минут через десять, пьяно покачиваясь и матерясь, из ресторана выбрался Кураганов. Выключив пультом сигнализацию, Кураганов, проверяя, дернул переднюю дверцу. В тот момент, когда Кураганов нагнулся к машине, Вилкин, неслышно подойдя сзади, оглушил его ударом резиновой палки по голове. Подхватив падающее тело, сыщик быстро обшарил курагановские карманы, переправил в свою сумку ключи от машины, техпаспорт, водительское удостоверение и пульт, сковал наручниками руки и ноги Кураганова и затащил его на заднее сиденье. Открыв переднюю дверцу, сел за руль, включил мотор и направился в сторону вокзала. Переехав железнодорожный переезд, углубился в район старых развалин. Здесь несколько месяцев назад Вилкин обнаружил глубокий подвал с прочной железной дверью. Приделав к двери замок, а к стенам – специальные приспособления, сыщик превратил подвал в тюремную камеру, - пока еще ни разу не использованную.

Остановив машину возле развалин дома, где находился подвал, сыщик включил фонарь, снял с начавшего приходить в сознание Кураганова наручники; поддерживая под руку, завел Кураганова в подвал, раздел догола и приковал наручниками к торчащему из стены железному кольцу. Положив курагановскую одежду в висевший возле двери шкафчик, Вилкин запер подвальную дверь и сел в машину. Включив мотор, осторожно, чтобы не пробить шины, выехал из развалин и отправился в Марьино. Учитывая позднее время и роскошную машину, Вилкин остерегался бдительных гаишников и не удивился, когда возле гостиницы «Москва» был остановлен

дорожным патрулем. Передав подошедшему сержанту техпаспорт и курагановское удостоверение водителя с пятьюдесятью долларами, Вилкин, благословляя продажность современных Соловьев-разбойников, положил возвращенные документы в карман и продолжил путь.

Остановив машину возле подъезда пятиэтажки, где проживал Немыхин, Вилкин носовым платком протер все, до чего дотрагивался руками, засунул под сиденье водителя ключи от машины, пульт, техпаспорт и курагановское водительское удостоверение, захлопнул дверцы «Мерседеса» и быстрым шагом направился к ближайшему телефону-автомату. Бросив монеты, набрал номер немыхинского телефона. Трубку взяли не сразу: Немыхин, конечно же, спал.

- Кто? – услышал Вилкин злой голос.

- Я – дружок Кураганова, звоню по его просьбе, - зачастил Вилкин. – Люди Панкратиотова вышли на Войтенко, требуют ожерелье. Войтенко решил вас сдать: Андрей слышал разговор. Причем Войтенко утверждает, что ожерелье у вас.

- А почему Андрей не позвонил? – перебил сыщика Немыхин.

- Он далеко, на пути в Россию. Жить хочется: а тут неизвестно, как карта ляжет. Не верите: позвоните на Москольцо, попросите Андрея к телефону – услышите, как Иван Семенович врать будет... Но чего разбудил: по просьбе Андрея его «Мерседес» к вашему дому подогнал, чтоб было на чем из Крыма выбираться. Документы и ключи – под сиденьем водителя. До рассвета не уедете: вам кранты!

Вилкин повесил трубку и зашагал в сторону больницы имени Семашко. Минут через семь повезло поймать такси и вскоре он открывал дверь в свою квартиру, где его ждала ни на минуту не прилегшая Анна Николаевна.

Проснулся Вилкин поздно и не торопясь позавтракал, пересказывая матери события прошлой ночи.

- А зачем раздевать было? – возмутилась Анна Николаевна. – Это бесчеловечно!

- Точное определение, - согласился Вилкин. – Через одежду человек принимается обществом, одежда позволяет человека чувствовать себя личностью: даже угнетаемой и пытаемой. Голый человек – это существо, тварь дрожащая. Представь: он очнулся, темнота, холод. Кричит, приходится мочиться и испражняться под себя, хочется пить. Не знает, почему здесь оказался, мучается мыслями: а предположения всегда страшнее действительности, потому что грехов накоплено много и все в сознании прокручиваются.

- Все равно: жестоко! – отрезала Анна Николаевна.

- А девушек насиловать не жестоко? Я уверен: таких случаев немало было, лишь один на поверхность всплыл, да и тот Немыхин замазал.

- Может быть, - смутилась Анна Николаевна и перевела разговор на другое:

- Как думаешь: где Немыхин?

- В очень глубокой норе, из которой не скоро вылезет. Он наверняка сразу позвонил Войтенко и объяснение уважаемого дядюшки, что Андрюша загулял, вряд ли ему понравилось. Главное: вчера мне противостояла шайка из трех человек, а сегодня остался один, обзванивающий всех знакомых и уже понявший, что племянник и Немыхин исчезли.

- Ты к Кураганову вечером пойдешь? Будь осторожен: он разозлен, может напасть.

- Он, мама, на шею мне от радости бросится. Потому что с определенного момента для человека в его положении самое страшное: мысль, что за ним не придут.

По дороге в агентство Вилкин заехал в магазин и купил необходимое оборудование, затем посетил старый чердак заброшенного дома. После недавних дождей тянуло прохладой: природа готовилась к зиме. Вилкин представил сугробы, лед на дорогах и пожегся: он не любил чукотских радостей. «Гонорар, обещанный Панкратиотовым, значителен, можно до весны агентство закрыть, - размышлял Вилкин. – Хотя без работы: что я и зачем?».

В агентстве, кивнув Алле Борисовне, сыщик проверил автоответчик: звонил Панкратиотов. Набрав его номер, сыщик заверил клиента, что дело близится к завершению и ожерелье через пару дней будет у него. Обнадеживать Панкратиотова было опасно – мало ли что случится? – но Вилкин боялся самостоятельных действий клиента, способных разорвать сплетенную им паутину.

Около девятнадцати часов – время, когда Войтенко возвращался с работы, - одетый в комбинезон Вилкин расположился в кустах возле дома старика. Вскоре темноту прорезали лучи фар: к дому подъехала одна машина, потом другая. Из первой вылез Войтенко; открыв гаражные ворота, он загнал туда «Ауди» и, махнув рукой второй машине, скрылся во дворе. Мигнув фарами, вторая машина – это был «Опель» - развернулась и уехала.

- Перепугался старик: охрану нанял! – чертыхнулся Вилкин. – Придется действовать по другому варианту.

Поднявшись с земли, Вилкин почистил комбинезон и прошел на соседнюю улицу к «Москвичу». Дорога к развалинам заняла полчаса. Включив фонарь, сыщик открыл замок на двери, натянул на голову омовскую шлем-маску и вошел в подвал.

Сидевший на корточках Кураганов поднялся. Он дрожал от холода, ноги были вымазаны экскрементами.

- Пить! – попросил Кураганов хриплым голосом.

Отвернув колпачок, Вилкин протянул пластмассовую бутылку с водой; осушив ее, Кураганов бросил бутылку на пол и повернулся к сыщику:

- Кто вы? Что вам нужно?

- Во вторник вы и Немыхин хитроумным способом забрали у Панкратиотова ожерелье. Немыхин сознался и все рассказал: вы готовы поступить так же?

- Зачем вам, когда все знаете?

- Этим компроматом я буду держать вас в руках. Готовы к рассказу?

- Если нет?

- Тогда я уйду и вспомню о вас весной.

Кураганов помолчал, потом покорно сказал:

- Я расскажу все.

Магнитофон работал на батарейках; включив его, Вилкин поднес микрофон к лицу Кураганова.

Услышанное совпало с предположениями сыщика: Войтенко предложил ограбление, Немыхин разработал план и совместно с Курагановым его осуществил.

- Расскажите о других махинациях вашей троицы.

- Это зачем?

- За тем же. Обещаю: если продолжите вести себя правильно, данные сведения дальше меня не уйдут.

Запинаясь, Кураганов продолжил рассказ. Преступных эпизодов оказалось много: Вилкин даже подумал, что при желании на раскрытии некоторых из них мог бы хорошо заработать.

Проверив качество записи, Вилкин объявил:

- Я освобожу вас, если отдадите ожерелье.

- Но дядя убьет меня! – в ужасе закричал Кураганов. – Вы не знаете, какой это страшный человек!

- Наоборот: будет благодарен!

Вилкин сообщил пленнику часть своего замысла.

- В момент получения ожерелья я отдам пленку с вашими откровениями. Видите: в шкафчик ее положил, поэтому копию сделать не смогу. А на новую кассету вы наговорите следующее.

Сыщик продиктовал короткий текст, который Кураганов, заучив, повторил в микрофон.

Оставив Кураганову пакет с продуктами, теплый плащ и включенный электрофонарь, Вилкин замкнул подвал и отправился домой. Поужинав, со вздохом сказал Анне Николаевне.

- Извини, мама, но вынужден тебя поэксплуатировать. С домашнего телефона звонить нельзя, поэтому около двадцати трех часов будь у телефона-автомата на соседней улице: он работает, я проверил. Бросишь монеты, наберешь этот номер. Когда услышишь голос, включишь магнитофон и поднесешь к трубке. Текст закончится, вешаешь трубку, выключаешь магнитофон и возвращаешься. Давай прорепетируем.

Убедившись, что Анна Николаевна все делает правильно, Вилкин полежал на диване и, взяв сумку, отправился в район Московского кольца.

Войтенковский дом светился в темноте окном кабинета. Вилкин постоял, посмотрел на часы. В кармане лежали ключи Кураганова от всех дверей, но воспользоваться ими сыщик опасался, поскольку сигнализация наверняка была включена. Сейчас все зависело от Анны Николаевны.

К тому, что ее сын стал частным сыщиком, Анна Николаевна относилась неодобрительно, поскольку его авантюрные трюки вредно отражались на ее

здоровье. Но она видела, с каким упоением разгадывает Валерий головоломные задачи, понимала, что ее сын: талантливый детектив, живущий согласно жизненному предназначению, - и, пряча сомнения и опасения, старалась помочь ему в делах.

К телефону-автомату Анна Николаевна пришла заранее и минут десять мерзла на холодном ветру. Дождавшись, когда маленькая стрелка часов уткнется в цифру «одиннадцать», бросила приготовленные монеты в щель телефона-автомата и набрала номер. Трубку взяли сразу. Анна Николаевна растерялась, слегка замешкалась потом включила магнитофон. Раздался хриплый, измученный голос Кураганова:

- Дядя, это Андрей. Стою на остановке напротив гостиницы «Москва». Денег нет, машину забрали, еле живой, вот-вот упаду. Приезжай за мной.

Бросив трубку, Анна Николаевна выключила магнитофон и побрела домой.

Минутная стрелка давно минула цифру «двенадцать» и поползла дальше, а из дома Войтенко никто не выходил. Вилкин начал волноваться за мать: не случилось ли чего? Наконец зажегся свет во дворе, стукнула входная дверь, послышались шаги. Загудел мотор, открылась дверь гаража и «Ауди» выползла на улицу. Вилкин приготовился к броску и, когда Войтенко выбрался из машины, чтобы закрыть гараж, подскочил сзади и прижал тряпку с хлороформом к лицу старика. Тот судорожно взмахнул руками и осел на землю. Торопливо сковав его руки и ноги наручниками, Вилкин заклеил рот старика скотчем и усадил на заднее сиденье «Ауди». Закрыв гараж, сел за руль и оцепенел: на улицу заезжал, рассеивая темноту фарами, знакомый «Опель»: Войтенко не рискнул ехать за племянником без охраны. Обернувшись, Вилкин дернул старика за одежду так, чтобы тот упал на заднее сиденье и не был виден в свете фар, направил «Ауди» в противоположную от «Опеля» сторону и, высунув из окошка руку, махнул, приглашая следовать за собой. Свернув несколько раз в боковые улочки, Вилкин выбрался на шоссе и помчался в сторону железнодорожного вокзала, решая, что предпринять. Возле привокзальной площади Вилкин миганием поворотных фонарей предложил «Опелю» свернуть к перрону, но тот продолжал следовать за «Ауди», - возможно, охрана что-то заподозрила. Миновав сквер, Вилкин затормозил перед перекрестком. Как он и ожидал, из остановившегося позади «Опеля» минут через пять вышел водитель и направился к «Ауди», желая, видимо, разобраться в ситуации. Подождав, пока охранник приблизится вплотную, сыщик резко тронулся с места, свернул направо и, петляя в переулках, помчался в сторону Залесской. Вилкин не обольщался: в столь позднее время машин в городе почти не было и «Опель» вскоре его догонит, - со всеми неприятными последствиями. Оставалось единственное: заметив возле многоэтажки ряд припаркованных на ночь машин, Вилкин поставил рядом «Ауди». Подбежав к уткнувшейся в тротуар «Волге», снял с нее брезентовый чехол и накрыл им «Ауди». Оглянувшись, метнулся в темный подъезд и замер, увидев выскочивший на улицу «Опель». Доехав до многоэтажки, «Опель» остановился; трое мужчин,

выбравшись из машины, замерли, напряженно прислушиваясь. На соседней улице послышался гул мотора: охранники мгновенно влезли в «Опель» и ринулись в ту сторону.

Из осторожности Вилкин простоял в подъезде около часа. Он понимал, что Войтенко давно очнулся, но наручники и брезент не позволят ему выйти из машины, а скотч не даст возможности кричать. Убедившись, что ничто не нарушает тишину, Вилкин вернул на место брезент, пропитал носовой платок хлороформом и приложил к лицу ворочавшегося на заднем сиденье Войтенко. Усадив старика поудобнее, сел за руль и вскоре затаскивал Войтенко на чердак заброшенного дома.

Было далеко за полночь, когда Вилкин в шлеме-маске спустился в подвал. Судя по состоянию Кураганова, тот был на грани нервного срыва.

- Не переживайте! – мягко проговорил Вилкин, ставя на пол канистру с водой. – Помоетесь, оденетесь и вновь увидите небо в алмазах.

Сняв наручники, Вилкин дал возможность Кураганову смыть с себя нечистоты, кинул ему полотенце и положил рядом одежду. Убедившись, что Кураганов готов к поездке, завязал ему на голове войлочный колпак с отверстием для рта, сковал за спиной руки и отвел к заднему сиденью «Ауди». Нападения со стороны Кураганова не ожидалось - кроме того, что тот был достаточно деморализован, предложенный Вилкиным вариант позволял Кураганову не бояться Панкратиотова и остаться хорошим для дяди, - но Вилкин предпочел перестраховаться.

Велев Кураганову лежать и не поднимать голову, Вилкин снял маску и направил многострадальное «Ауди» к Московскому кольцу. Опасения сыщика увидеть возле Войтенского дома знакомый «Опель», к счастью, не оправдались. Остановившись возле ворот, сыщик вновь надел маску, освободил Кураганова от колпака и наручников и, дав в руки ключи, отправил за ожерельем.

Наступил самый опасный момент: во-первых, ожерелье могло быть перепрятано, во-вторых, Кураганов мог закрыться в доме или попытаться сбежать. В первом случае пришлось бы вновь укладывать Кураганова на сиденье «Ауди» и ехать пытать Войтенко, во втором случае, как объяснил сыщик Кураганову, лежавшая в его кармане магнитофонная кассета будет направлена всем заинтересованным лицам, а грабители переданы Панкратиотову.

Вероятно, угрозы сыщика оказались достаточно убедительны, потому что Кураганов вскоре вышел из дома, держа в руках пакет с ожерельем. Внимательно рассмотрев его при свете фар, сыщик бросил ожерелье в сумку; смочив носовой платок спиртом, протер в «Ауди» места, до которых дотрагивался, и занялся инструктажем Кураганова:

- Заведите машину в гараж и ложитесь спать. Вот кассета: убедитесь, что здесь ваша информация и сразу ее уничтожьте. Ваш «Мерседес» с документами у Немыхина: он взял все в качестве компенсации за предоставленные об ограблении сведения. Вот ключи от наручников: утром я сообщу по телефону, где находится ваш дядя: заберете его. Дяде скажете

следующее: Немыхин - предатель. Вас оглушили неизвестные люди и спрятали в подвале. Не стесняйтесь, рассказывайте об ужасах обращения с вами. О признаниях на пленку молчите: их не было. Вас заставили, угрожая паяльной лампой, сказать в магнитофон слова, выманившие дядю из дома. Потом вам предложили отдать ожерелье в обмен на дядину жизнь: и вы были вынуждены это сделать. Повторите!

Убедившись, что Кураганов не путается в тексте, Вилкин подхватил сумку и, снимая на ходу маску, направился прочь. Было слышно, как Кураганов заводит «Ауди» в гараж. Пройдя две улицы, Вилкин забрал со стоянки «Москвич» и через полчаса был дома, сразу попав в объятия так и не прилегшей спать матери.

Будильник прозвенел в семь часов; с трудом поднявшись, спавший не более двух часов сыщик поехал к Панкратиотову.

Осмотрев ожерелье в лупу, Панкратиотов взволнованно сказал:

- Да, это оно. Вы его разыскали, да еще за четыре дня. Удивительно! Сейчас принесу деньги.

Рассчитавшись, Панкратиотов осторожно спросил:

- Вы не расскажете, кто меня ограбил?

- Нет, - улыбнулся Вилкин. – Условиями договора это не предусмотрено.

- Я заплачу столько же, сколько за возврат ожерелья, - нахмурился Панкратиотов.

- Еще раз нет, - твердо сказал Вилкин. – Но за эти деньги могу дать вам совет.

- Говорите, - подумав, сказал Панкратиотов.

- Не имейте больше дел с Войтенко, продайте ожерелье другим.

- Понял! – со злобным удовлетворением произнес Панкратиотов и, открыв сейф, передал Вилкину еще одну пачку денег. – Я учту ваш совет.

Распрощавшись с Панкратиотовым, Вилкин отправился домой, решив, что Алла Борисовна и агентство обойдутся сегодня без него. Загнав «Москвич» в гараж, позвонил по телефону-автомату Кураганову и вскоре был на своем четвертом этаже, где его ожидало шампанское и счастливая Анна Николаевна.

- Для частного сыщика дело, заканчиваясь, не должно иметь продолжения: особенно такого, где сыщик становится объектом охоты, - выпив бокал шампанского, начал объяснять Вилкин. – Возьмем фигурантов последнего дела. Для Немыхина я не существую, он прячется от Войтенко и Панкратиотова. Если учесть, что Кураганов считает его вором и предателем, сбежавшим с «Мерседесом», то сомневаюсь, чтобы Немыхин когда-нибудь появился в Симферополе и мог мне угрожать. Следующий – Кураганов, которого я основательно обидел. Но я был временной угрозой, которая исчезла после возвращения пленки. Из-за того, что данная пленка все-таки была, Кураганову невыгодно мое обнаружение – могу разболтать, - он предпочитает, чтобы я навсегда оставался в тени. Ненавидит Кураганов вора Немыхина, из-за которого оказался в подвале, а боится Панкратиотова: вдруг узнает, кто глушил хлороформом его жену. Последний – Войтенко,

наверняка уже сообразивший, что против него работали люди, нанятые Панкратиотовым. Но выход на этих людей – на меня, значит, - возможен только через нанимателя: а я сомневаюсь, чтобы после моего совета Панкратиотов восстановил дружбу с Войтенко. Фактически я объяснил Панкратиотову, кто его ограбил, и не удивлюсь, если в ближайшее время Войтенко ждут роскошные похороны. Впрочем, если Войтенко проявит ловкость, то в гробу понесут Панкратиотова: но в этой очередности пусть разбираются сами. А мы выпьем за здоровье сыщика Вилкина и его ассистентки Анны Николаевны!

РЕЙДЕР

В тот вечер они сидели в ресторане: Валера Вилкин, Анна Николаевна и Саша Свидлов с женой Люсей. Пригласил всех Валера, – дело об ожерелье принесло значительные деньги, да и перед Сашей был в долгу. После двух бутылок шампанского и коньяка настроение у всех было праздничное, даже Анна Николаевна пыталась рассказать какие-то литературные анекдоты. «Пора размяться!» - объявила Люся, и, схватив Вилкина за руку, потащила на танцплощадку, где колыхались в музыкальном ритме несколько пар. Звучала совсем не ресторанная песня «Позвони мне, позвони!» из кинофильма «Карнавал» и Вилкин, поддерживая пустяковый разговор с Люсей, сразу вспомнил Инессу: учившиеся на одном курсе филфака СГУ, они подружились на студенческом осеннем балу, где звучала эта же песня, и Вилкин, набравшись смелости, сознался, что три года ее любит, на что Инесса, посмотрев с жалостью, сказала, что такие долговременные чувства заслуживают попытки взаимности. Потом было половодье страсти, выбросившее их, как льдинку, в комнату ЗАГСа, где, после нескольких лет величайшего счастья и невероятной боли, они встретились уже для развода.

Из отдельного кабинета ресторана вышла пара, присоединившаяся к танцующим, и Вилкин, кружа Люсю, столкнулся с ними вплотную и почти не удивился, увидев, что партнершей красивого блондина с уверенными движениями была Инесса: разгоряченная и веселая. Глаза их встретились. Инесса застыла на месте: потом кивнула, опустил лицо вниз и, оставив своего спутника, быстро вернулась в кабинет. Блондин, недоумевая, обернулся, что-то понял, окинул Вилкина злобным взглядом и зашагал вслед за Инессой.

Вечер был испорчен.

- Пора идти: поздно! – объявил Вилкин. Все начали молча собираться и Вилкин догадался, что они тоже видели его бывшую жену.

Сейчас было утро. Зайдя в комнату агентства и поздоровавшись с календарной Пугачевой, Вилкин грустно спросил: «А почему у вас, Алла Борисовна, семья не сложилась?». Работать не хотелось, да и дел не намечалось. Пошел дождь. Вилкин остановился у окна: что-то эта погода напоминала. Да, Львов. Пять лет назад Вилкин учился там на курсах офицеров милиции. Была осень, шли дожди... Вечера он проводил в театре, поражаясь изяществу, с которым женщины в черно-белом, похожие на

переодетых графинь, продавали программки. До казарм было недалеко; как и сейчас, он не любил зонты и перебегал от дома к дому, ежась от попадающих за шиворот капель. Фонари, отталкивая луну, купались в брусчатке мостовых; изредка мелькал силуэт прохожего да шелестели шинами автомашины. Воздух пьянил.. Казалось, по силам все.. В ребяческом порыве он подпрыгивал, ловил ртом росинки дождя – и был счастлив.

В дверь постучали; вошел, держа в руке портфель, высокий, крепко сложенный мужчина с акульим ртом.

- Валерий Александрович?! – полувопросительно, полуутвердительно произнес высокий мужчина. – Я к вам по делу.

- Садитесь! – пригласил Вилкин, проходя к столу. Лирическая часть кончилась, начались будни.

- Соломатин Аркадий Львович, директор корпорации «Абсолют», - представился высокий мужчина. – Ситуация у нас следующая.

Соломатин сообщил, что в корпорацию еще год назад входили одиннадцать предприятий, на сегодня осталось девять. Рейдер захватил ОАО «Симтраб» и ООО «Рустам»: дерзко и неожиданно. Недвижимость ООО «Рустам» находилась в банковском залоге: этот залог тайно перекупили, недвижимость мгновенно выставили на торги, приобрели за бесценок и тут же продали по высокой цене добросовестному приобретателю. Фирма, производившая первоначальную покупку, самоликвидировалась, директор исчез.

- С ОАО «Симтраб» мы опростоволосились, - продолжал рассказывать Соломатин. – Некто Синюхин был держателем маленького пакета акций, который мы так и не удосужились выкупить. Этот пакет у него приобретают, по выдуманым основаниям подают иск в суд, арестовывают судебным решением наш пакет акций, потом в течение одного дня люди охранной фирмы «Беркут» захватывают предприятие и находящиеся там учредительные документы и печать, тут же проводится псевдособрание акционеров, меняющее состав правления и Наблюдательного совета, собственность «Симтраба» продается за гроши липовой фирме, которая ее перепродает и испаряется в воздухе.

- Выяснили, кто за этим стоит? – спросил Вилкин.

- ООО «ТрансСибирь»: захватывают территорию и наши направления деятельности.

- Понятно, - кивнул головой Вилкин. – И что они проглатывают сейчас?

- ОАО «Таврика» - фирму, с которой в 1991 году я начинал свое дело. Устав остался старый: из-за лавины дел забыли внести изменения. «Таврике» принадлежит пять гектаров земли на южном берегу Крыма, причем право собственности, как сейчас выяснилось, было оформлено с незначительными нарушениями. В результате через три дня: судебное заседание, причем дело рассматривается тем же судьей Карайкиным, что и в случае с ОАО «Симтраб».

- Ваши меры противодействия? – спросил Вилкин, стараясь припомнить нормы хозяйственного права, применимые к данной ситуации.

- Наняли юридическую фирму, которая пытается вернуть утраченную собственность и воспрепятствовать захвату «Таврики». Заплатили журналистам ряда газет, начавших пиар-кампанию против «ТрансСибирь». Заключение договора с охранной фирмой «Тайфун», организовавшей круглосуточное дежурство на территории «Таврики». Устраняем погрешности в уставных и прочих документах остальных своих предприятий, – перечислил Соломатин и продолжил:

- Понимаю, что частный сыщик с рейдером не справится, поэтому цель моего визита: найти среди моих доверенных людей крысу, работающую на «ТрансСибирь».

- Откуда уверенность в наличии крысы?

- Нанял человека со стороны и провел собственное расследование: слишком удачно «ТрансСибирь» была по нашим уязвимым точкам. К тому же, как выяснилось в судебных заседаниях, «ТрансСибирь» имела копии учредительных и иных документов атакуемых предприятий. А вы знаете: подобные бумаги не для

всеобщего пользования.

- Что выяснили?

- Под подозрением четыре человека: коммерческий директор Иванченко Степан Данилович, начальник юридического отдела Ванин Игорь Анатольевич, начальник службы безопасности Порошин Сергей Савельевич и мой заместитель Сорокин Виктор Аркадьевич. Они имели доступ ко всем документам и при желании могли их скопировать. В этой папке сведения о каждом из них.

Соломатин открыл портфель, вытащил оттуда пухлую картонную папку и положил на стол.

- Кто руководит «ТрансСибирью» и действиями против вас? – спросил Вилкин, отодвигая папку на край стола.

- Степанов Илья Семенович: генеральный директор со всеми вытекающими полномочиями. Женат, двое детей, живет в доме на улице Павленко.

- Это реальное лицо, обладающее властными полномочиями, или за ним кто-то стоит? – уточнил Вилкин.

- Более чем реальное. Все решения принимает самостоятельно. Умен, энергичен, жесток. Но вам он не нужен: займитесь этими четырьмя.

- К сожалению, придется заниматься не только подозреваемыми, но и Степановым, - задумчиво проговорил Вилкин. – У вас досье на него есть?

- Конечно, - пожал плечами Соломатин. – Я взял копию: на всякий случай.

Вынув из портфеля еще одну папку, Соломатин передал ее Вилкину.

- Кто знает, что вы обратились ко мне? – положив папки в ящик стола, спросил сыщик.

- Никто.

- Очень хорошо: пусть так и останется! Ваши телефоны сейчас запишу. Запомните: многое из того, что предложу сделать, покажется странным, но исполнять нужно неукоснительно, - это обязательное условие.

Вынув из ящика стола проект договора, Вилкин заполнил пустые графы и передал договор Соломатину. Внимательно прочитав текст, Соломатин согласно кивнул головой и расписался. Встав, передал сыщику пачку денег в качестве аванса, взял портфель в руки и, еще раз кивнув головой, вышел из комнаты.

Открыв папку с делами сотрудников корпорации «Абсолют», Вилкин тщательно их изучил, обращая особое внимание на биографии и увлечения, потом взял в руки досье на Степанова и, увидев фотографию директора «ТрансСибири», остолбенел: на него смотрели злые, с прищуром, глаза блондина, составлявшего вчера компанию Инессе. Вилкин быстро перелистал досье: да, вот данные о любовнице директора «ТрансСибири»: Караманова Инесса Алексеевна, работает консультантом Степанова по организационным вопросам, проживает в снятой для нее любовником квартире на улице Козлова.

Отодвинув досье в сторону, Вилкин встал, прошелся по комнате. «Отказаться от дела? - мелькнула мысль. – Но это удар по репутации, да и не могу я всю жизнь бегать от Инессы... Оставить ей город и уехать в другой? А мама? И потом: это мой город».

Вернувшись к столу, Вилкин погрузился в мрачное молчание; хмуро улыбнулся и пожал плечами:

- Все, что могу.

Приехав домой на обед – не на «Москвиче», а на «Фольксвагене», купленном на заработанные деньги, - Вилкин поделился с Анной Николаевной новостями. Анна Николаевна погрузилась: ей нравилась бывшая невестка и она считала уход Инессы от Валерия трагическим недоразумением:

- Тебе будет нелегко в этом деле.

И, переводя разговор на другую тему, спросила:

- Кто такие «рейдеры»?

- Так в колониальной Британии назывались военные корабли, уничтожавшие транспортные и торговые суда противника. Сейчас рейдерами называются юридические лица, чья деятельность направлена на захват – путем различных махинаций – других предприятий. Это волки, загрызающие слабых и неумелых.

- Валера, но «ТрансСибирь», как я понимаю, могущественная организация. Как сможет противостоять ей частный сыщик?

- Ты, мама, впадаешь во всеобщее заблуждение, - улыбнулся Вилкин. – «ТрансСибирь» состоит из двух частей. Первая – обычное предприятие, занимающееся хозяйственной деятельностью. Вторая часть – это и есть собственно рейдер: ориентированное на грабеж бандитское формирование во главе с вожаком. А способы борьбы с бандами изложены во всех учебниках по криминалистике.

- И все равно вестерн: шериф против толпы злодеев, - не успокаивалась встревоженная Анна Николаевна. – В кино шериф побеждает, в реальности сила ломит солому.

- Сила может промахнуться, а солома оказаться стальной, - улыбнулся Вилкин. – Скажи: когда армия уходит завоевывать чужую страну, что остается у нее за спиной?

- Семьи солдат, база, источники снабжения, - начала перечислять Анна Николаевна.

- Беззащитная страна. Я уже говорил, что атака рейдера проходит по принципам действия уличного грабителя: внезапность, использование силы и оружия, исчезновение с похищенным. Совершая нападение, грабитель боится: сопротивления жертвы, постороннего вмешательства, потери награбленного, - поэтому эти этапы отрабатываются и контролируются. Но одна ситуация во внимание не принимается: превращение грабителя в объект ограбления.

Поработав с принесенными Соломатинным бумагами, Вилкин съездил к знакомому адвокату, подробно охарактеризовавшего Василия Степановича Карайкина, изучил подъезд дома, где жил судья, побродил по пустынной, прощающей с осенью набережной, и вернулся в агентство.

Дедуктивный талант Вилкина проявлялся в умении думать. Собирались разрозненные факты, на основе которых выстраивались версии, пока – молнией в ночи – не выкристаллизовывался верный путь.

Написав текст с вопросами, Вилкин передал его Соломатину, договорившись, что тот задаст их поодиночке подозреваемым, а магнитофонную кассету с записями беседы предоставит сыщику. Вилкин предложил также подготовить и осуществить ряд мероприятий; изучив их, Соломатин удивленно хмыкнул и, с уважением взглянув на сыщика, пообещал исполнить.

- У меня создалось ощущение, что ты блуждаешь среди трех сосен, - подождав, когда сын закончит ужинать, участливо сказала Анна Николаевна. – Я права?

- Да, только сосен больше, - вздохнул Вилкин. –Скульптор создает статую, стесывая с камня все лишнее. Не знаю, что убрать, что оставить. Ведь действие необратимо.

- Давай разберемся, - предложила Анна Николаевна. – Первая сосна – предатель в корпорации «Абсолют», вторая - директор Степанов, третья – «ТрансСибирь». Правильно?

- Ты забыла о главной фигуре: судье, - покачал головой Вилкин. – Только его решение оправдывает действия рейдера до суда и создаст условия будущих действий.

- Судья-взяточник... – протянула Анна Николаевна. – Не понимаю: льготы, прекрасная зарплата. Сколько судья должен получать денег, чтобы перестать брать взятки?

- Уровень зарплаты и вымогательство не взаимосвязаны, - пожал плечами Вилкин. - Это проблема социального воспитания, которую нельзя решить повышением зарплаты и ужесточением законов.

- Ты хочешь сказать, что законы почти не влияют на мораль, поскольку она древнее и сильнее права? Мораль вкладывается в человека с рождения, а право – кусочками – гораздо позже. Так? – спросила Анна Николаевна.

- Не только. Общество живет моралью, государство – законами. И пока мораль будет поощрять воровство - а украденное несут в семью под аплодисменты домочадцев, - закон бессилён. Какую бы зарплату не платили судьям и чиновникам: они будут брать взятки, потому что это не стыдно.

Утром Вилкин поехал в агентство не сразу: нашлись другие дела. В их числе была встреча на главпочтамте с директором корпорации «Абсолют»: получив от него пакет с документами и магнитофонную кассету, Вилкин закрылся в агентстве и около двух часов анализировал запись беседы Соломатина с Иванченко, Порошиным, Ваниным и Сорокиным.

- Какие выводы? – полюбопытствовала после обеда Анна Николаевна.

- Получается, что виноваты все, - пожал плечами Вилкин.

- Где-то ошибка: или в анализе, или в исходных данных.

- Ответ состоит из слов, ориентированных на личность их задающего, мнения о предмете вопроса и желания изменить его для собственного интереса. Монтень не зря говорил, что слово принадлежит наполовину тому, кто говорит, наполовину тому, кто слушает, - встав, Вилкин прошелся по комнате. - Коммерческий директор Иванченко: на протяжении разговора менял позицию, уклонился от двух ответов, пытался выяснить цель беседы. Начальник юридического отдела Ванин осторожничал, произносил общие фразы, не реагировал на хамство, вел себя так, будто разговор не выходит за рамки повседневного. Начальник безопасности Порошин замкнулся, отвечал односложно, дважды был неправдив. Заместитель директора Сорокин хитрил, имитировал обиду, делал вид, что не понимает вопросы. Члены команды, проработавшие много лет вместе, так себя не ведут. Каждый что-то скрывает, но что? Нечто, не имеющее отношения к делу, или искомое?... Что касается ложности посылок... Предатель – не один из четверки, а некто пятый?

- И это может быть не один, а двое или трое, - заметила Анна Николаевна.

- Чем больше фигурантов, тем быстрее разоблачение, – покачал головой Вилкин. – Для объема предательства достаточно одного, второй лишний. Что касается пятого... Ситуация, когда ожидаешь все.

Разложив на столе переданные Соломатиним документы, сыщик весело сказал:

- Неси свой паспорт, заполни графы и поставь внизу подпись.

- Зачем? – удивилась Анна Николаевна, послушно открывая шкафчик.

- С этого момента ты, мама, становишься обладателем пакета акций предприятия «Рапсодия», входящего в состав корпорации «Абсолют»: причем не с сегодняшнего дня, а с прошлого года. Когда заполнишь

документы, я отправлю копии господину Степанову с предложением, которое его заинтересует.

- Приятно чувствовать себя рантье, - усмехнулась Анна Николаевна, просматривая акции. - И надолго у меня этот статус?

- Как одежда у актеров: после спектакля сдать в костюмерную... Заполнила? Пиши письмо:

«Уважаемый Илья Семенович! В моей собственности находится пакет акций ОАО «Рапсодия». Я конфликтую с руководством предприятия, поэтому не была приглашена на январское собрание акционеров, внесшее изменения в устав хозяйственного общества. Это – прямое нарушение закона, поэтому прошу поддержать меня в борьбе против Соломатина. Готова рассмотреть предложение о продаже акций. Мои интересы в переговорах будет представлять мой сын Вилкин Валерий Александрович, телефон его офиса 27-79- 00».

Дописав последнюю фразу, Анна Николаевна озадаченно подняла голову:

- Зачем ты подставляешься? Степанов сразу тебя вычислит.

- Вряд ли: он меня не знает, видел мельком.

- Найдется кому о тебе рассказать.

- Инесса? Она гордилась своей порядочностью.

- Какой ты глупый! – вздохнул Анна Николаевна. – То, что отдаляется, рассматривается как потеря. Для женщин реально только сегодняшнее.

Самоуверенно махнув рукой, сыщик отксерил документы, положил копии вместе с письмом в конверт и спустился вниз, к машине. Заехав на главпочтамт, оформил письмо как заказное и позвонил Соломатину, попросив подъехать к кафе.

- Я трачу на вас много времени, а результата не вижу, - недовольно сказал Соломатин, усаживаясь за столик напротив Вилкина.

- Даже Бог трудился над созданием мироздания целых шесть дней, - усмехнулся Вилкин. – А я всего лишь сыщик.

- У нас суд послезавтра, который мы наверняка проиграем, - нервно пожаловался Степанов. – Мои юристы предложили Карайкину крупную сумму, но он отказался: то ли мало предложили, то ли боится.

- Уверен: когда Соломатин расплачивался с судьей первый раз, то процесс передачи денег зафиксировал на видеопленку, - объяснил Вилкин. – Теперь судья у него в пожизненном плену.

- Правильно: как я не догадался?! – раздосадовано воскликнул Соломатин. – Тогда надеяться не на что: в апелляции и кассации у Степанова все схвачено.

- Не будем торопиться с выводами, - успокаивающе произнес Вилкин. – Я хотел бы пообщаться с каждым подозреваемым через покрытое эмульсией стекло: чтобы я его видел, а он меня нет.

- Сегодня не получится: Иванченко по делам в Керчи, а Ванин в суде по трудовому спору с нашим бывшим работником. Да и стекло нужно купить и установить.

- Тогда утром. Будете вызывать по одному и говорить, что выявлен шпион, работающий на Степанова, и нужно его допросить.

- Иванченко и Сорокин могут удивиться и начать возражать.

- Скажете каждому, что только ему доверяете. А чтобы допросы не затягивались, установите на моей половине кнопку звонка, ведущего в ваш кабинет: после моего сигнала будете их забирать и отправлять с поручениями, чтобы между собой не общались.

- Столько хлопот! – вздохнул Соломатин. – Единственная надежда, что у вас что-то получится. Учтите: если с заданием не справитесь, то сделаю все, чтобы вышвырнуть вас из Симферополя. До завтра!

Кивнув головой, Соломатин поднялся и вышел. Посмотрев ему вслед, Вилкин грустно улыбнулся. Обилие денег и власти страшно тем, что вытесняет из сознания все человеческое даже у симпатичных тебе людей.

Заказав кофе, Вилкин не торопясь осушил чашку и, сев в машину, отправился на улицу, где в двухэтажном здании размещалось правление ООО «ТрансСибирь». Изучив подъезд и прилегающие улицы, Вилкин долго сидел в машине, созерцая входящих и выходящих из здания, потом с болью в сердце увидел спускающихся по ступенькам Инессу и Степанова, оживленно переговаривающихся и усаживающихся в «Мерседес», - и понял, что сюда его привело желание увидеть бывшую жену. Включив двигатель, довел машину до набережной и, усевшись на парапете, вспоминал прошлое, пока наступившая темнота не поторопила домой.

- Скажи, Валера, а меры, принимаемые Соломатиным – статьи в газетах, толпа юристов и прочее – защитят от рейдера? – накормив сына ужином, затеяла разговор Анна Николаевна.

- Нет. Они рассчитаны на субъекта правовых отношений, а рейдер – вне их. Он - рыцарь Дикого поля, где царит сила.

- Получается, что с рейдером невозможно бороться?

- Почему же? - задумчиво возразил Вилкин. – Только нужно спуститься со ступеньки закона на ступеньку морали, - что я и делаю.

Заехав утром в агентство, Вилкин загримировался стариком, - причем так удачно, что Соломатин его не узнал и пытался выгнать из кабинета. Когда ситуация разъяснилась, Соломатин провел сыщика в пустую соседнюю комнату и усадил за стеклянную перегородку.

Первым вошел Иванченко: высокий широкоплечий мужчина с уверенными движениями. Усевшись перед непроницаемым для него стеклом, Иванченко с некоторым недоумением посмотрел на стекло и сердито спросил:

- Я вас знаю?

- Возможно, - приглушенным голосом ответил Вилкин.

- Что вы успели у нас украсть?

- Сведения о поставках товаров и закупке продукции, их объемы.

- Так это ты сорвал нам сделку в Днепропетровске? – вызверился Иванченко. – Твое счастье, что спрятан за стеклом, а то расквасил бы тебе морду!

Вилкин неопределенно хмыкнул.

- Ладно, Соломатин с тебя шкуру спустит, не сомневаюсь. В общем, возьмешь бумагу и напишешь о сделках, где ты нам навредил. Понял?

- А вы мне за это заплатите?

- Что? – изумленно переспросил Иванченко. – Ну и наглец!

- Я бесплатно ничего не делаю, - сообщил Вилкин.

- Может, и заплатим, - подумав, неуверенно сказал Иванченко. – Как Аркадий Львович решит.

Вилкин нажал кнопку звонка. Через минуту открылась дверь и появился Соломатин:

- Хватит, Иван Данилович. Есть срочное дело.

Охотно поднявшись со стула, Иванченко недоуменно покосился на стекло и вслед за Соломатиным вышел из комнаты.

Минут через десять в комнату осторожными шагами вошел пожилой мужчина предпенсионного возраста. Усевшись на стул, неторопливо открыл блокнот и сухо спросил:

- Как звать, любезнейший?

- Константин Макарович, - прошепелявил Вилкин.

- Я работаю начальником юридического отдела, фамилия моя – Ванин Игорь Анатольевич. Вы у нас в каком отделе работаете?

- В коммерческом, у Иванченко.

- Странно! – задумался Ванин. – А как вы умудрились учредительные документы «Симтраба», «Рустама» и «Таврики» выкрасть из сейфа и передать руководству «ТрансСибири»?

- Мне помогли.

- Интересно! – оживился Ванин. – Кто?

- Некто из вашего отдела.

- Из моего? – ошеломленно переспросил Ванин и задумался. – Это многое объясняет... Вы можете назвать данное лицо?

- Конечно. За большие деньги.

- Понимаю... – опять задумался Ванин. – Думаю, что удастся уговорить Аркадия Львовича. Ваши сведения стоят любых денег.

Вилкин нажал кнопку звонка. Открыв двери, Соломатин попросил Ванина пройти к нему, и комната опустела.

Сорокин оказался красивым мужчиной среднего возраста с цепкими, внимательными глазами. Быстро зайдя в комнату, он некоторое время молча сидел, барабая пальцами по столу, потом спросил:

- Вы в каком отделе работаете?

- Юридическом.

- Вот как!.. – протянул Сорокин. Лицо его оживилось. – Вы имели доступ ко всем учредительным и другим документам «Симтраба», «Рустама» и «Таврики»?

- Только некоторым.

- А именно?

- Уставы «Симтраба» и «Рустама».

- Как шла передача документов «ТрансСибири»?
- Получал по телефону инструкции и оставлял пакет в условленном месте.
- Как получали оплату?
- По почте, переводом.
- С кем из руководства «ТрансСибири» были на связи?
- Со Степановым, директором «ТрансСибири».
- Часто встречались?
- Редко.
- Какие интересные моменты были в разговорах?
- Я понял, что у него в «Абсолюте» есть еще свой человек, и я дублирую его действия.
- А кто это: он не сообщил?
- Нет.
- Как вас раскрыли?
- Случайно.

Вилкин нажал кнопку звонка. Услышав звук раскрывающейся двери, Сорокин нетерпеливо повернул голову и, увидев Соломатина, удивленно привстал.

- Есть срочное дело, Виктор Аркадьевич, - приветливо сказал Соломатин.
– Пойдемте.

- Но я еще не закончил, – запротестовал Сорокин.

- Потом, потом! – властно объявил Соломатин. – Поторопитесь!

Появление в комнате Порошина сыщик заметил не сразу: настолько бесшумно и незаметно прошел тот к стулу. Вперив взгляд в стекло, Порошин зло спросил:

- Ты кто?

- Человек. А вы кто?

Порошин с неудовольствием поморщился:

- Меня зовут Сергей Савельевич, я возглавляю безопасность «Абсолюта».

А поскольку, как мне сообщили, ты покушался на ее устои, то общаться мы будем долго, и удовольствия от этого общения я не обещаю.

- Я хороший! – запротестовал Вилкин.

- Ты что, издеваешься?! – возмутился Порошин. – Жаль, стекло мешает: постучал бы по башке.

- Ты за что меня ударил балалайкой по спине? – пропел Вилкин. – Я за то тебя ударил, что понравилась ты мне!

- Ну, знаешь!.. – разъяренно поднялся со стула Порошин. – Мне и стекло до тебя добраться не помешает!

Вилкин торопливо нажал кнопку звонка.

- Что-нибудь выяснили? – спросил Соломатин, когда, отправив Порошина с поручением, вернулся в комнату.

- Вы оказались правы: предатель – один из четверых.

- Кто это? – напрягся Соломатин.

Вилкин задумался:

- У меня нет прямых доказательств, это будет мое слово против его слов.

- Я постараюсь вам поверить, - пообещал Соломатин.

- Не уверен, что это получится, а если получится, то будет правильным, - покачал головой Вилкин. – Предлагаю решить проблему по-другому. Мы знаем, что крыса выполнила свою задачу и затаилась. Из норки она вылезет только за новой добычей. Эту приманку нужно организовать.

- Как?

- Я подумаю, - уклончиво пообещал сыщик, прощаясь с Соломатиним.

Выйдя на улицу, Вилкин с грустью ощутил наступление зимы. Впрочем, учитывая, что на календаре была середина декабря, а температура не доходила до минусовой, зима явно запаздывала, и Вилкин был благодарен ей за возможность еще немного пожить в осени. И все же... Вздохнув, сыщик ускорил шаги и вскоре был возле оставленной на соседней улице машины.

- Зачем потребовалось стекло: ты ведь был в гриме? – удивилась Анна Николаевна, выслушав рассказ сына.

- Я не хотел, чтобы собеседником подозреваемых был определенный человек. Трое разговаривали с пустотой, предатель – с зеркалом, то есть с самим собой.

- Основной упор ты сделал на вопрос. Почему?

- Вопрос строится на имеющемся знании. Спрашивающий сообщает вопросом, что и сколько он знает, а также то, что его интересует.

Как всегда при анализе, Вилкин, рассуждая, начал бродить по комнате.

- Коммерческий директор Иванченко интересовался только собственными проблемами. Я понял, что у него в сделках есть серьезные проколы, причем по его вине: поэтому и нервничает. Начальник юридического отдела Ванин, участвуя в судах против «ТрансСибири», догадался, что служебная документация, часть которой хранится в его сейфе, попала к противнику, и его могут обвинить в предательстве, - поэтому был осторожен. Он обрадовался, узнав, что шпион выявлен. Что касается Порошина, то Соломатин сделал ошибку, взяв его на должность начальника безопасности корпорации. Порошин – бывший работник милиции, он умеет идти по следу, но в вопросах контрразведки слаб, - и понимает это. Я поставил его в нетривиальную ситуацию и он из нее не выбрался. Агрессивно повел допрос, злясь, что не его служба выявила шпиона, - и ненавидя за это последнего. А заместитель директора Сорокин... Его интересовал человек, а не вред, нанесенный корпорации, его вопросы свидетельствовали, что последнее Сорокину известно. Все, что он спрашивал, било в одну цель: провоцируют его или за стеклом сидит реальный шпион. Я прервал выяснение моей личности и оставил Сорокина в недоумении, и теперь у него один выход: обратиться за разъяснениями к Степанову.

- Ты сможешь об этом узнать?

- Конечно. Когда Соломатин направил Сорокина проводить совещание на первом этаже, я зашел в кабинет замдиректора и под воротником пальто Сорокина прикрепил микропередатчик.

- И что?

- Получилось. В обеденный перерыв Сорокин вышел на улицу и позвонил Степанову из телефона-автомата. Разговор я записал: Степанов объяснил Сорокину, что его провоцируют, велел ни на что не реагировать и дал правильный совет: выяснить, опрашивал ли лжешпиона еще кто-нибудь из руководящего звена корпорации. Если опрашивал, то можно быть спокойным: подозревают многих, а не его одного. Обрадовал Сорокина, что операция близка к завершению и вскоре тот получит оставшуюся сумму денег и сможет уехать с женой в США.

Приехав в агентство, Вилкин кивнул портрету Аллы Пугачевой и набрал номер телефона Соломатина:

- Аркадий Львович, в вашем кабинете установлена видеокамера?

- Нет.

- Нужно срочно и незаметно ее установить: и чтобы никто, кроме вас, не знал.

- Хорошо: позвоню в одну организацию. Думаю, часа за два управятся.

- Потом соберите совещание руководителей служб - с присутствием подозреваемых - и в конце, вынув из сейфа кожаную папку, покажите ее и похвастайтесь, что наняли организацию, разработавшую мероприятия по противодействию «ТрансСибири», и через неделю с рейдером будет покончено. Папку на глазах у всех вернете в сейф.

- А где папку взять?

- В магазине. Пошлете кого-нибудь, чтобы купил.

- И что туда положу?

- Пока любые бумаги. Вечером передам план мероприятий: в этой папке будете его хранить.

Соломатин что-то сердито прорычал и бросил трубку. Вилкин усмехнулся: выхода у Соломатина не было и он сделает так, как предложил сыщик.

На составление плана мероприятий ушло два часа. Пропитав бумаги специальным красителем и упаковав в конверт, Вилкин совершил поездку в магазины «Фарба» и «Электроника». Вернувшись с новым ведром, банками краски, растворителем и пакетом с аппаратурой для подслушивания, сложил все в углу и занялся приготовлением одежды на завтрашнее утро.

Встретив после работы Соломатина, сыщик передал ему конверт и попросил, не открывая, положить в папку. Следующие полтора часа сыщик следовал на машине за Сорокиным, дожидаясь нужного ему звонка, после чего со вздохом облегчения отправился домой.

- Что принес день? – спросила Анна Николаевна.

- Кое-что, - довольным тоном объявил Вилкин. – Наживка для крысы приготовлена, лежит в папке. Сорокин общался со Степановым, рассказал, что лжешпиона подсовывали не только ему – как я и надеялся, подозреваемые поделились впечатлениями. Сообщил о папке, - но Степанов воспринял информацию скептически, с ухмылкой, как очередную провокацию. Ничего, завтра он поменяет мнение.

- А что произойдет завтра?

- Очень важное событие.

...Судья Василий Степанович Карайкин любил точность и выходил из квартиры, спускаясь к ждавшему его личному автомобилю с нанятым водителем, ровно в восемь часов утра. Размышляя о том, куда потратить принесенные клиентами в последнем месяце деньги - купить на имя дочки еще один дом в Ялте или ограничиться Севастополем, - Василий Степанович не обратил внимания на неторопливо поднимающегося по ступенькам старика с ведром, наполненным краской. Брезгливо поморщившись от неприятного запаха, он прошествовал мимо угодливо склонившегося маляра и оторопел, когда ведро оказалось надетым ему на голову, а поток краски хлынул по лицу вниз. Одновременно он почувствовал, как кто-то, подставив подножку, толкнул его в спину, - и, покотившись по каменным ступенькам, заорал от ужаса и боли, выплевывая изо рта попавшую туда краску. Между тем пакостный старик быстро, - пока не успели открыть двери встревоженные жильцы, - съехал по периллам вниз, сунул бороду и парик в вытасченный из кармана полиэтиленовый пакет и, вывернув наизнанку пиджак, превратившийся из малинового в серый, неторопливо вышел из подъезда. Пройдя по улице, свернул за угол и, сев за руль «Фольксвагена», поехал в агентство.

Переодевшись в обычную одежду, Вилкин посвятил дообеденное время общению с Соломатиным и наблюдению за Сорокиным. Как он и ожидал, в обеденный перерыв заместитель директора выскочил на улицу и побежал к телефону-автомату.

- Зачем на работу звонили: это опасно! – услышал сыщик сердитый голос Сорокина.

- Прекратите истерику: мало ли кто вам звонит?! – послышался голос Степанова. – Срочно нужны документы из папки, которую вчера демонстрировал Соломатин. Они могут оказаться важными.

- Но вчера вы...

- Я ошибся. Ключ от сейфа у вас есть: вечером жду с информацией на даче. Эта услуга оплачивается отдельно: деньги получите сразу.

Разговор закончился. Положив трубку, Сорокин с озабоченным лицом поспешил на работу, а Вилкин отправился обедать.

- Врачи говорят, что картофель нельзя совмещать с мясом, а у тебя почти все блюда такие! – лукаво заметил Вилкин, с удовольствием доедая картофельное пюре и котлету.

- Как не стыдно! – возмутилась Анна Николаевна. – Сам меню составлял!

- Ну и что?! Ты – мама, должна предостеречь!

- Ладно! – согласилась Анна Николаевна. – С сегодняшнего дня начнешь питаться салатом из сырой капусты, моркови и вареной свеклы.

- Я пошутил!

- А я нет, - непреклонно заявила Анна Николаевна. – Зачем так с судьей поступил? По радио передали: хулиганский поступок! Человек в возрасте, государственный служащий, а ты...

- Лицо, преступающее законы, является преступником, и должно быть готово, что отнесутся к нему соответственно. Мои действия - рабочий момент, другого выхода не было.

- Почему?

- Как ты думаешь, что главное для рейдера при проведении операции захвата?

- Наглость, информация, умение ударить в незащищенное место – начала перечислять Анна Николаевна.

- Согласен, - кивнул головой Вилкин. – Но основное: время, исчисляемое от начала до конца операции. Все расчеты, все действия при рейдерской атаке привязаны к временным элементам. Изменить это время, растянуть или уменьшить – и операция провалится. Мой утренний сюрприз забрал у рейдера запланированное им время, - и атака прервалась.

- Положение рейдера ухудшилось? – удивилась Анна Николаевна.

- Конечно. Судебное заседание перенесено на неопределенный срок, шпион на грани провала. Степанов наконец-то понял, что против него работает серьезный противник, - почему и заинтересовался документами из кожаной папки. Вечером он их получит: я договорился с Соломатиным, что тот оставит Сорокина на полчаса в своем кабинете.

Те, кто почему-либо проявил любопытство к дальнейшим действиям сыщика, остались бы довольны: тот вел себя в соответствии с канонами профессии. Переодевшись в старика, Вилкин с наполненными пакетами сумкой побродил поочередно возле машин Сорокина и Степанова; собирая неудачно уроненные пакеты, прикрепил под днище машин «маячки», сигнализирувавшие о местонахождении объекта. Вернув себе нормальный облик, поехал к Свидлову, где минут тридцать на что-то его уговаривал, пока тот, получив от Вилкина обоюдоострое шило с тонким и толстым острием, не чертыхнулся: «Ладно, побуду гаишником: давай приемник «маячка». На что ты меня только не толкаешь!». Последнее, что сделал Вилкин, перед тем как скрытно отправиться за Сорокиным на Степановскую дачу, была подготовка справки Соломатину, доказывающая предательство его заместителя.

Дача оказалась расположенной в уютном месте в сорока минутах езды от Симферополя. Проехав вдоль высокого забора, Вилкин остановился на соседней улице: мощности приемника хватало, чтобы слышать разговор между Сорокиным и Степановым.

- Интересно! – бормотал Степанов, просматривая составленный Вилкиным план. – Вывести из игры Карайкина... Это уже сделано... Пока Карайкин в больнице, через подкормленного зампреда суды срочно передать дело купленному судье Исукину и вынести решение в пользу «Абсолюта»... Понятно, примем меры... Главный бухгалтер «ТрансСибири»... Черт, оказывается, эта стерва нас предает! Сыграть на доверии с помощью акций «Рапсодии» и обвинить Степанова... меня, значит!.. в мошенничестве, возбудив уголовное дело... Затем.. Знаешь, Инна, Соломатин прав: если бы не мои контрмеры, через неделю мы бы сдали позиции... Спасибо, Виктор

Аркадьевич! Возьмите деньги: вы их заслужили! Если узнаете о людях, работающих против нас, гонорар удвою!

- Не озадачивай человека, - послышался голос Инессы. – Я догадываюсь, кто наш противник: мы сегодня получили его письмо по поводу акций «Рапсодии».

- Ты имеешь в виду Анну Николаевну Вилкину? Она же старуха!

- Я говорю о ее сыне, моем бывшем муже: Вилкине Валерии Александровиче. У него свое детективное агентство «Аргус» и отзывы о нем положительные.

- Один человек: против меня? Шутишь?! Хотя, если привлечь кого-то, использовать деньги Соломатина... У тебя все на уровне догадок, правильно?

- Да.

- Завтра доставим его на дачу и разберемся. Спасибо, Виктор Аркадьевич! Можете идти!

Включив зажигание, Вилкин направил машину в сторону города. На душе было сумрачно и тяжело. Обычная история: знаешь, что произойдет именно так, – но не веришь!

- А нас, мама, сегодня предали, - устало объявил Вилкин встречающей его Анне Николаевне.

- Расскажи! – нахмурилась Анна Николаевна.

Выслушав рассказ сына, Анна Николаевна долго молчала, потом задумчиво произнесла:

- Она старается быть полезной, - значит, не все у нее со Степановым гладко.

И добавила, глядя на сына:

- Тебе надо ее забыть.

- Без прошлого жить легче, умирать тяжелей, - вздохнул Вилкин. – Потому что, остановившись, не на что оглянуться.

- Дача... Тебе опасно туда ехать, - встревожено сказала Анна Николаевна.

- Перестань! – пожал плечами Вилкин. – Степанов все-таки не уголовник. Да и Инесса рядом.

- У тебя странное мнение о ее порядочности, - недовольно заметила Анна Николаевна.

- Посмотрим, - ответил сыщик.

Рабочее утро Вилкина началось с посещения Соломатина. Оставив справку о Сорокине и повторив схему предстоящих действий, сыщик отправился в агентство. Зайдя в комнату, остановился перед календарем с портретом Аллы Пугачевой и сердито сказал:

- Никаких приветствий: вы мне не нравитесь. Мне никто сегодня не нравится.

Сел за стол и застыл в ожидании.

Телефонный звонок раздался через полчаса.

- Валерий Александрович? – послышался в трубке приветливый голос Степанова. – Я – генеральный директор «ТрансСибири» Степанов Илья

Семенович. Мы получили письмо Анны Николаевны и готовы обсудить условия приобретения пакета акций. Вы согласны?

- Конечно.

- У меня нет времени подъехать, прошу вас выйти на улицу и сесть в ожидающий вас «Мерседес». Приедете: попьем кофе, поговорим. Хорошо?

- Ладно.

Положив трубку, сыщик посмотрел на часы, позвонил Свидлову и Соломатину, после чего, засунув в потайной карман ключи от наручников, вышел к «Мерседесу». Посмотрел на двух крепко сбитых парней: один - за рулем, второй – на заднем сиденье, невесело улыбнулся и открыл переднюю дверцу.

- Поехали! – мотнул головой, устраиваясь поудобней.

Машина быстро тронулась с места. Минут через семь Вилкин начал оглядываться по сторонам, затем повернул лицо к водителю:

- Куда мы едем? – выговорил он – и потерял сознание от сильного удара по затылку.

Очнулся сыщик в углу большой комнаты, с руками, заведенными за спину и прикованными наручниками к батарее водяного отопления. Застонав от боли в затылке, поднял голову - и услышал взволнованный голос Инессы:

- Тебе больно?

Повел глаза в сторону: Инесса сидела неподалеку, встревожено склонившись в сторону Вилкина.

- Очень! - усмехнулся сыщик. – Можешь вызвать врача.

- Не могу, - извинилась Инесса. Сыщик поймал себя на том, что любуется ее лицом. – Илья скоро приедет, – не понимаю, он давно должен быть, - поговорит с тобой и отвезет в больницу.

- Кладбищенскую? – вновь усмехнулся сыщик.

- Что ты: он цивилизованный человек! Умный, энергичный! - убежденно произнесла Инесса и, с вызовом глядя на Вилкина, сказала:

- Я горжусь его любовью ко мне.

- Если ты чем-то гордишься, то у тебя его немного, - повернув голову, Вилкин взглянул на часы. – Двенадцать: я был без сознания более двух часов?

- Наверное, - отмахнулась Инесса. Ей хотелось поговорить о другом.

- Догадываюсь, что меня осуждаешь. Любовница: ну и что? Я значу для него больше, чем жена, он без меня не может жить: и это не просто слова.

Опершись спиной на батарею, Вилкин лежал, рассматривая Инессу.

- Ты почему молчишь? – набросилась на него бывшая жена.

- Вспоминаю Бальзака: «Женщина должна принадлежать тому мужчине, который избавит ее от проблем».

- Да, его деньги, влияние ограждают меня от неприятностей быта, - согласилась Инесса. – Но я всегда хотела большего.

- Ты всегда хотела того, чего у тебя не было, - с сожалением резюмировал Вилкин. – Как старуха из Пушкинской сказки.

Инеcса сердито поcмотрела на Вилкина, встала, подошла к окну. Обернувшись, устало сказала:

- Может, ты и прав.

И быстро спросила:

- Ты меня еще любишь?

- Да. Но это моя проблема. Как писал Апостол Павел, любовь не должна требовать своего. Я ничего от тебя не хочу.

- А ты ничего от меня не получишь. Да, как человек ты лучше Ильи, - но любят не за это.

- Понимаю, - медленно произнес Вилкин. – Все одностороннее: было, есть, будет. Я подозреваю, что вообще тебя выдумал. А для идеала безразлично, какая ты в жизни. Но что-то должно светить: лучиком звезды Бетельгейзе.

Инеcса долго смотрела на Вилкина, потом грустно покачала головой:

- Несчастный выдумщик! Ты всегда будешь один, потому что женщины любят победителей. А ты в любом раскладе остаешься в лагере побежденных.

Распахнулась дверь: вошел Степанов.

- Невезучий день: еле добрался, - пожаловался он кинувшейся к нему Инеcсе. – Как наш герой? Готов к исповеди?

- Я не стала ничего объяснять, - сообщила Инеcса. – Надеюсь, вы найдете общий язык.

Усевшись на стул, Степанов добродушно сказал:

- Извините за наручники, но мало ли какие приемы вы знаете! Охрану оставил во дворе, поговорим без свидетелей.

- Чего вы хотите? – спросил Вилкин.

- У меня оказался следующий документ - раскрыв папку, Степанов показал сыщику копию похищенного Сорокиным плана действий против «ТрансСибири». – Ваш?

- Мой.

- Прекрасно. Как вам удалось склонить на свою сторону моего главного бухгалтера?

- Деньги.

- И все это доказуемо?

- Естественно.

- Что ж, не зря я отстранил ее с сегодняшнего дня от работы. Зампредседателя суда и судья Исукин: тоже деньги?

- Не только. Зампредседателю еще раньше по другим делам подsunул в постель малолетку и все задокументировал: сейчас пригодилось.

- Ценная информация! – обрадовано заявил Степанов. – Предлагаю следующее: вы начинаете работать на меня. Плачу в два раза больше, чем Соломатин.

- Прошу отвести меня в туалет, напоить кофе и дать полчаса на размышление.

- Согласен! – кивнул головой Степанов. – Сейчас позову охрану.

- Ты играешь с огнем! – взволнованно проговорила Инесса, когда Степанов вышел из комнаты. – Я знаю: ты врешь, зачем-то тянешь время. Когда Степанов это поймет, он впадет в бешенство. Ты не представляешь, какой он тогда!

- Психология тирана несложна, это не «перпетуум мобиле», – пожал плечами сыщик. – Ты всегда присутствуешь при допросах?

- Никогда.

- Понятно. Он хочет продемонстрировать, как ломает меня и превращает в лакея.

Зашедшие вместе со Степановым в комнату два охранника – те самые, что приезжали в «Мерседесе», – молча отстегнули наручники и провели Вилкина в туалет, а после стояли за его спиной, ожидая, когда он допьет приготовленный Инессой кофе. Степанов тоже выпил кофе и затеял с Инессой разговор, расписывая перипетии предстоящего совместного посещения Нью-Йорка.

Приковав сыщика к батарее, охранники вышли. Откинув вновь начавшую болеть голову, Вилкин попытался расслабиться, но мешал самодовольный голос Степанова.

- Ваши полчаса истекли, - Степанов вновь уселся на стул. – Вы готовы обсуждать условия?

- Нет.

- Не понял, - удивленно протянул Степанов. – Нового времени на раздумья предложить не могу: мне пора возвращаться на работу.

- Тогда повторяю: нет!

- Вы отказываетесь от двойной оплаты вашего труда?

- Да. Я – сыщик, а не проститутка, в моей профессии гонорар означает многое, но не все.

- Зачем тогда так много мне рассказали? Я все использую против Соломатина!

- И сделаете ошибку, - сыщик на секунду закрыл глаза: разговор вступил в решающую фазу. – Вам план принес Сорокин?

- Откуда вы?.. – подхватился Степанов. – Что с ним?

- Предполагаю, что утром его допросили. Поскольку улик много – записи телефонных переговоров с вами, видео съемка проникновения в директорский сейф и копирование плана, руки в розовых пятнах от соприкосновения с красителем – он быстро сознался и сейчас, чтобы избежать возбуждения уголовного дела и возместить причиненные им убытки, переводит на бухгалтерский счет «Абсолюта» полученные от «ТрансСибири» деньги.

- То есть этот план мероприятий... – ошеломленно начал Степанов.

- Фикция!

- Сволочь! – Степанов с размаха ударил сыщика по лицу. Закрыв глаза от боли, сыщик почувствовал, как из разбитого носа течет по лицу кровь.

- Илья, не надо, - закричала Инесса. – Ты обещал!

- Хорошо! – зло взглянув на сыщика, Степанов отошел в сторону. – Запру тебя на неделю на даче: пока с Соломатиным разберусь! Идиот! Ты только притормозил неминуемый процесс: корпорация все равно будет моей. Потеря Сорокина меня не огорчает: он свое сделал.. Радуйся, что нашлась заступница и когда все закончится, тебя отпустят без ущерба для здоровья. И не вздумай больше становиться на пути генерального директора «ТрансСибири» Степанова!

- Сколько сейчас времени? – повернувшись к Инессе, спросил Вилкин.

- Пятнадцать часов, - изумленно ответила Инесса.

- Вы сюда выехали в десять часов, - обращаясь к Степанову, продолжил Вилкин. – По пути вас остановил патруль ГАИ: долго проверял документы, аптечку, огнетушитель. Только отъехали: спустило колесо. Поставили запасное, но через пять минут оказалось, что пробито еще одно колесо, пришлось клеить шину и в итоге дорога заняла около трех часов. Правильно?

- Допустим, - осторожно произнес Степанов. – Вот кому обязан... Тебе зачтется... И что?

- Вынужден вас огорчить: с одиннадцати часов директором ООО «ТрансСибирь» является другой человек. Более того: в двенадцать часов бывшее ваше предприятие выставлено на торги и куплено влиятельной донецкой фирмой.

- Ты лжешь! – выдохнул Степанов.

- К сожалению, нет. В десять часов тридцать минут ваше предприятие было захвачено охранной фирмой «Тайфун». Сейф взломали – из-за потери ключей, - поставили печать на заранее подготовленные с соответствующими подписями документы, внесшие изменения в учредительный пакет, эти изменения в течение получаса зарегистрировали во всех государственных инстанциях. Вам пора искать другую работу.

Повернувшись, Степанов выскочил в соседнюю комнату.

- Звонить побежал, - усмехнулся Вилкин, стараясь придать затекшему от неподвижности телу более удобное положение.

- Это правда? – спросила Инесса. Лицо ее было потерянным и отстраненным.

- Конечно.

- Он тебя убьет! – убежденно произнесла Инесса. – Он тебя убьет.

- Естественно, - согласился Вилкин. - И ты окажешься соучастником. Любовь, скрепленная кровью. Главное: труп хорошо спрячьте, с этим всегда проблема.

- Как ты можешь? – с ужасом глядя на Вилкина, начала говорить Инесса и замолчала, потому что в комнату, держа в правой руке монтировку, ворвался Степанов.

Первый удар Вилкину удалось принять на плечо, зато следующие попали в голову. Инесса пыталась схватить Степанова за руки, но от толчка плечом полетела на пол. Вилкин стиснул зубы, сдерживая рвущийся из горла крик. Он понимал, что его положение безнадежно, разве что произойдет то, на что надеялся, приводя Степанова в неистовство. И надежда оправдалась: он

увидел, как Инесса, с искаженным от горя лицом, схватила фарфоровую статуэтку и ударила Степанова по затылку.

- Не волнуйся, он жив, - кровь, заливавшая сыщику лицо, мешала ему говорить. – У меня в кармане ключи от наручников: нам пора убираться, пока охрана не приковала тебя к соседней батарее.

- Ты специально это затеял, да? – Инесса постаралась придать телу Степанова положение поудобней и стояла, гневно глядя на сыщика. – Знал, что не позволю тебя убить.

- Я надеялся, - осторожно произнес Вилкин. – Есть предложение поторопиться.

- Негодяй! - нагнувшись, Инесса достала из кармана сыщика ключи и открыла замок наручников.

С трудом поднявшись, Вилкин прошел в ванную, смыл с лица кровь, обвязал полотенцем голову и, вернувшись в комнату, распахнул окно.

- Во дворе охрана, придется уходить огородами. Твоя машина на улице?

- Нет, возле крыльца.

Застонав, Степанов пошевелился.

- Быстрей! – Вилкин перевалил через подоконник на землю, протянул руки Инессе.

- Иди один, - покачала головой Инесса. – Мое место рядом с ним.

- Боюсь, ты ошибаешься, - Вилкин с сожалением посмотрел на Инессу. – Прощай!

И, отвернувшись, направился к огораживавшему дачу забору. В голове шумело; Вилкин чувствовал, как тяжелеет полотенце, пропитываясь продолжающей сочиться кровью.

Через забор удалось перебраться только с третьей попытки. Свернув за угол, сыщик поплелся по обочине в противоположную от дачи Степанова сторону. Напрягая остаток сил, вышел на соседнюю улицу, увидел ждавшую его машину Саши Свидлова, - и потерял сознание.

...В палату к сыщику Соломатин смог попасть только через неделю. Поставив возле тумбочки пакет с фруктами, с некоторой растерянностью посмотрел на его обвязанную бинтами голову и спросил:

- Как самочувствие?

- Нормальное! – улыбнулся сыщик. – Через пару дней выпишут.

- Поздравляю! – Соломатин смущенно откашлялся. – Сообщаю сводки с фронта военных действий. Я предложил Степанову на выбор: уголовное дело за ваше избиение или добровольное переселение за пределы Крыма, - он выбрал последнее. Дело по «Таврике» прекратили. Продажа «ТрансСибири» возместила ущерб, нанесенный рейдерским захватом «Симтраба» и «Рустама». Сорокин уволен. И еще одна новость, отчасти вас касающаяся, - Соломатин внимательно посмотрел на сыщика, - Караманова Инесса Алексеевна тоже выехала из Симферополя, - но в ином направлении, чем Степанов.

- Спасибо, Аркадий Львович! – сыщик невесело усмехнулся. – Это мне уже сообщили.

- Хорошо! – успокоился Солматин. – Последнее: вы сделали больше, чем должны по договору. Фактически вы спасли корпорацию, - Солматин еще раз внимательно посмотрел на сыщика. – Это из-за ваших личных претензий к Степанову?

- Возможно, - не стал уклоняться от ответа Вилкин.

- Я так и думал, - кивнул головой Солматин и медленно добавил:

- Вы не обидитесь, если я заплачу не более той суммы, что указана в договоре, плюс ваши расходы на лечение?

- Нет, - равнодушно согласился Вилкин. – Это справедливо.

- Но, - Солматин многозначительно поднял вверх указательный палец, - по решению собрания акционеров пакет акций «Рапсодии», находящийся во временном пользовании Анны Николаевны, передается в ее собственность.

- Еще раз спасибо! - Вилкин протянул руку Солматину. – Мама очень обрадуется.

Пожав руку Вилкину, Солматин встал и вышел из палаты. Проводив его глазами, сыщик достал из-под подушки смятое, зачитанное письмо:

«Я похожа на мячик, упавший в воду и плавающий вокруг водоворота, именуемого «Валерий Вилкин». Ушла, старалась забыть, но ты появляешься вновь, и кажется, что нет от тебя спасения. Я любила Степанова, - надежную пристань и берег, - но ты поставил нас в ситуацию выбора, и каждый выбрал другое, оттолкнув любовь. Как ты и пророчил, он сорвал злость на мне и даже пытался ударить, не поняв, что я не могла купить счастье ценой твоей смерти.

Если прольешь воду на огонь, не будешь иметь ни воды, ни огня. Оставшись на обломках, уезжаю из любимого мной Крыма, спасаясь от многого, в том числе от тебя. Ты умный, а ум жесток. Будь осторожен: не вынуждай меня часто плакать, потому что Бог считает слезы женщин».

Сложив письмо, сыщик сунул его под подушку, негромко произнес:

- Люди одиноки, потому что вместо мостов возводят стены.

...Когда через два дня, освобожденный от бинтов, Вилкин ужинал в домашней обстановке, Анна Николаевна не выдержала и спросила:

- Валера, это дело по рейдеру настолько запутано, ты можешь объяснить?

Доев, Вилкин отодвинул опустевшую тарелку и спросил:

- Мама, кто такие «гунны»?

- Кочевники, - опешила Анна Николаевна. – В шестом или седьмом веке разгромили Древнеримскую империю.

- Правильно. Сражаясь с римлянами, гунны использовали следующую тактику: задние ряды стреляли из луков вверх, а когда легионеры поднимали щиты, защищаясь от падающих сверху стрел, передние ряды гуннов стреляли прямо, уничтожая римлян. Мои удары по рейдеру тоже шли по разным направлениям, обозначенным как время и пространство. Первый удар отложил судебное решение, переориентировал Степанова на ложный план мероприятий, растянув тем самым время рейдерской операции. Для нанесения второго удара нужно было вычислить место, позволяющее выманить туда Степанова и удержать на период захвата здания

«ТрансСибири». Когда бандой управляет тиран, достаточно убрать его с территории событий, – хотя бы на дачу, – и можно делать с оставшимися все, потому что никто из них не умеет принимать решения. Акции ОАО «Рапсодии» в качестве приманки, невольно ставший двойным агентом Сорокин, переоценка на тот момент моей личности, нейтрализация главного бухгалтера «ТрансСибири» плюс помощь переодевшегося в гаишника Саши Свидлова изменили пространство, – и рейдер оказался в незнакомой стране. Стал королем, лишенным окружения.

- И все?

- Нет. Было еще одно направление, главное для меня: Инесса. Я сделал ставку на ее порядочность – и оказался прав. Как я и надеялся, Степанов этого не понял – поэтому не простил.

- Ты их разлучил: сознательно и жестоко! – грустно констатировала Анна Николаевна.

Сыщик невесело улыбнулся, подошел к окну: в воздухе кружили маленькие белые снежинки. Зима! В сгущающейся темноте четырехугольными звездами светились окна соседних домов: город готовился ко сну.

- Неси шампанское, мама! – попросил сыщик. – Отпразднуем завершение дела.

Налив шампанское в бокалы, сыщик медленными глотками выпил вино, поставил бокал на стол и вновь подошел к окну, созерцая белый хоровод.

Он победил, но радости не было, – и он знал, почему.

БИЗНЕСМЕНЫ

- Диван купил, министерское кресло, книжный шкаф, – Саша Свидлов с интересом рассматривал агентство Вилкина. – И все, конечно, на несправедно нажитые деньги.

- Типичный представитель теневой экономики, – согласился Вилкин. – Приходи с Люсей в воскресенье, новоселье отпразднуем.

- Ты неподалеку от автовокзала особняк купил? – уточнил Свидлов.

- Да. Больше месяца в агентстве не появлялся: продавал свою квартиру, искал подходящее жилище. Очень удобно: особняк, хоть и старый, но двухэтажный, неподалеку рынок, троллейбусная остановка. Гараж, высокий каменный забор, большой двор: мама мечтает, когда весна наступит, огородом заняться. А у тебя как?

- А-а! – махнул рукой Свидлов. – Пришел новый начальник милиции Чакур, привел свою козлу. Мой шеф, начальник розыска, отправлен на пенсию: меня предлагал, но где там... Такое мурло посадили!

- Обычное дело: ценится преданность, а не профессионализм, – согласился Вилкин. – Ничего, выдержишь: не первый раз.

- И не последний! – вздохнул Свидлов. – Ладно, пока!

Проводив приятеля, сыщик вернулся в помещение, с удовольствием осмотрелся: действительно, стало лучше. Настенный календарь с Аллой Пугачевой хорошо смотрится: пришлось поискать, но достал.

Вилкин подошел к окну. Снег лежал пушистыми сугробами. Несколько февральских окон – и наступит март.

Позади послышался шум. Вилкин оглянулся: без стука открыв дверь, в комнату ввалилось существо двадцати четырех – двадцатипятилетнего возраста, в замызганном бушлате с погонами лейтенанта милиции и решительным выражением лица.

- Валерий Александрович? Я ваш новый участковый инспектор Иващенко, - окинув цепким взглядом помещения, лейтенант удовлетворенно кивнул головой и плюхнулся на стул. – Садитесь, поговорим.

Вилкин молча вернулся в кресло, незаметно включил магнитофон и скусающе посмотрел на участкового.

- Вы, стало быть, частный предприниматель, детективными делами промышляете? – сурово спросил лейтенант.

- Ну, - односложно ответил сыщик, пытаясь понять цель визита.

- Слежки устраиваете, баб, которые от мужей бегают, в постели с любовниками фотографируете, - плотоядно причмокнул губами участковый. – Так?

- Да, - сознался Вилкин. – Кошку недавно с дерева снял: пять гривен заплатили!

- Ишь ты! – позавидовал участковый. – Что ж: бизнес есть бизнес! Так вот: вы на моей территории работаете.

- Ну и?

- А так. Я жизнью рискую, вас от бандитов защищая, поэтому поощрять меня надо. А я, когда нужно, вас прикрою.

- Сколько?

- Пятьдесят гривен в месяц: недорого.

- С остальных столько же берете?

- Ну даешь: кто скажет?! Коммерческая тайна!

- Если от «Сейлема» или «Башмаков» придут, что говорить?

- Вы под «крышей». Начнут возникать: ко мне посылайте.

- Уверены, что в милиции работаете? – спросил Вилкин. – Удостоверение имеется?

- Форма, погоны, пистолет: не видно, что ли?

- На барахолке купить можно. А пятьдесят гривен – это деньги.

- Да-а?! – заколебался участковый и достал из кармана пластиковую карточку. – Вот!

Вынув из кармана пятьдесят гривен, Вилкин положил их на стол, затем выхватил из рук лейтенанта удостоверение, пристроил рядом с деньгами и, вытащив из ящика стола миниатюрный фотоаппарат, быстро сфотографировал по отдельности участкового и документно-финансовый пейзаж.

- Эй, это как? – заволновался участковый. – Фотографии зачем?

- На память, - объяснил Вилкин, небрежным щелчком отправляя удостоверение владельцу. – Когда бандиты придут, буду вами пугать. Примите бабки, сэр!

Вилкин толкнул пятьдесят гривен в сторону участкового. Нерешительно взял купюру, милиционер записал ее вместе с удостоверением в карман и, поднявшись, боком двинулся к выходу. Бросив недоуменный взгляд на сыщика, почмокал губами и выбрался в коридор.

Вынув из магнитофона кассету с пленкой, Вилкин написал на ней «Уздечка для участкового», швырнул в сейф. Пробормотав: «Скука какая! Спели бы чего, Алла Борисовна!», покосился на календарь, понял, что не дождется, снял пиджак и, опершись ладонями на лежавший в углу коврик, оттолкнулся и поднял ноги вверх. Перенеся центр тяжести на голову, застыл, уйдя в нирвану, - и лишь через некоторое время сообразил, что неподалеку стоит, с интересом его рассматривая, невысокий кряжистый мужчина в дубленке.

- Я стучал! – начал оправдываться мужчина, когда Вилкин вернулся в исходное положение. – Извините, помешал!

- Бог простит! – дернул плечом Вилкин, надевая пиджак и располагаясь в кресле. – Излагайте.

Присев на стул, мужчина начал рассказывать.

Зовут его Старцев Сергей Николаевич, в бизнесе с 1991 года. Ввозил в Украину из стран СНГ пиломатериалы, горючее, овощи, создал две туристические фирмы, ориентированные на Европу и США, учредил банк. Благосостояние росло в геометрической прогрессии: дочь закончила Кембридж и живет с мужем в Великобритании, жена ездит на отдых в самые экзотические места. К деньгам относился спокойно, как к средству для работы и отдыха, не жадничал. Три года назад к нему с просьбой о помощи обратился друг детства Вурдин Павел Семенович. Он тоже занимался бизнесом, но прогорел и, чтобы поправить положение своего предприятия и набрать обороты, попросил в долг семьдесят пять тысяч долларов сроком на один год. Сергей Николаевич согласился: в одном дворе выросли, коллеги по бизнесу, в гости по праздникам друг к другу ходили. Без процентов, под обычную расписку дал деньги, спустя год попросил вернуть, - и услышал жалобный лепет о продлении срока возврата. Ждал около года, понял, что добровольно деньги не вернут, подал иск в суд. Поскольку долговое обязательство оформлялось неграмотно – без договора займа и нотариального удостоверения, - пришлось давать взятку судье. Когда судебное решение было принято и вступило в силу, Старцев передал его в ОГИС - и через месяц получил обратно, с изумлением прочитав в постановлении государственного исполнителя об отсутствии у должника имущества, на которое можно обратить взыскание. Нанятый Старцевым адвокат подтвердил: Вурдин переписал имущество и предприятие «Глициния» на жену Аллу Прокофьевну, затем с ней развелся и формально нигде не работает: даже директором «Глицинии» поставил главного инженера Курцева Ивана Тимофеевича.

- Чем могу помочь? – спросил Вилкин.

- Я в дружеских отношениях с Аркадием Соломатиным: он утверждает, что вы – единственный человек, способный решить эту проблему.

- Он преувеличивает мои возможности, - сухо сказал Вилкин. – Вы желаете мести? Тогда проще нанять бандитов: Вурдина изуродовать, а его бывшую жену, аргументируя раскаленным утюгом, заставить вернуть долг.

Старцев с любопытством посмотрел на Вилкина и вежливо произнес:

- Вы не первый, кто предлагает подобное. Но, - Старцев замялся, подыскивая слова, - поймите меня правильно. Период первоначального накопления капитала стирает различия между бандитом и предпринимателем, - и все-таки эти различия остаются. В моей жизни было два момента, когда мог легко и безопасно увеличить капитал, «кинув» своих партнеров, но этого не сделал. И дело не в морали. Действие необратимо. Бандит может при определенных условиях трансформироваться в предпринимателя: как английские пираты 17 века доросли до губернаторов колоний, - но бизнесмен, превративший себя в бандита, так и останется на этом уровне, потому что потеряет главное: честь, деловую репутацию. Сейчас по телефонному звонку мне доверяют миллионы: стоит мне оступиться - и от меня начнут шарахаться, как от прокаженного. А это: крах карьеры и бизнеса.

- Понимаю, - задумался Вилкин. – Вы собираетесь доказать бывшему другу, что обманывать нехорошо.

- Да, - согласился Старцев. – Жить с ощущением, что тебя использовали, как презерватив - извините за вульгарное выражение, - не хочу.

- Но это будет стоить денег: и больших, - сыщик внимательно посмотрел на Старцева. – Без гарантии, что они вернутся.

- Ничего, - кивнул головой Старцев. – Это тот случай, когда честь дороже. Ваш гонорар в случае удачного решения вопроса: десять тысяч долларов. Расходы: в разумных пределах.

- Если потерплю поражение?

- Расходы оплачу в любом случае. И сто долларов вам на хлеб без масла.

- Что ж, - Вилкин заполнил бланк договора, - попробую вам помочь. Кроме приличной суммы аванса, до окончания дела прошу выделить в мое распоряжение грамотного, легкого на подъем бухгалтера и машину с водителем.

- Условия приемлемые, - согласился Старцев, просматривая и подписывая договор и передавая пачку денег. – Получите также сведения о семье Вурдиных и деятельности их предприятия.

- Спасибо, - поблагодарил Вилкин. – И заодно: информацию о хозяйственной деятельности ваших предприятий.

- Вы уверены, что это необходимо? – засомневался Старцев. – Сведения конфиденциальные.

- Сейф в углу, - ткнул пальцем Вилкин, - хранит достаточно тайн: на одну станет больше. Я собираюсь работать с Вурдиным в двух плоскостях: бытовом и хозяйственном, с использованием возможностей ваших фирм.

- Но участие моих предприятий в реализации ваших планов рискованно, - запротестовал Старцев. – Я этого не допущу.

- Кто-то недавно о чести говорил, - с иронией произнес сыщик. – Более великие, чем вы и я, под пули на дуэлях становились, чтобы честь защитить. И погибали, между прочим. А вы из-за торгашеского интереса...

Старцев побагровел, хотел сказать что-то резкое, потом опомнился, вскочил и забежал по комнате. Остановился, посмотрел на насмешливо разглядывающего его сыщика и сердито проговорил:

- Вы, конечно, наглец, но правота на вашей стороне.

И с удивлением спросил:

- Всегда так с клиентами разговариваете?

- Только со значительными фигурами: чтобы хоть от кого-то слышали правду.

- Шекспировский шут.. Ну-ну... - хмыкнул Старцев, - Не удивлюсь, если это дело собьет с вас самоуверенность.

И, выходя из комнаты, бросил:

- В четырнадцать часов информация, бухгалтер и водитель с машиной будут в вашем распоряжении.

Некоторое время Вилкин сидел, глядя на закрывшуюся дверь, потом открыл папку со сведениями о Вурдине. Изучив находившиеся в папке документы, поднялся и зашагал по комнате, напряженно о чем-то думая. Приняв решение, надел пальто и на своем «Фольксвагене» поехал в читальный зал библиотеки имени Франко. Подобрал в каталоге список литературы по экономическим вопросам, до обеда просидел над книгами, делая необходимые выписки, после чего отправился домой.

- Новое дело? – спросила Анна Николаевна, наливая в тарелку борщ.

- Да. Словно у О,Генри: о бизнесе, чести, королях и капусте, - Вилкин пересказал матери беседу со Старцевым.

- Ни к чему не прилипает так много грязи, как к деньгам, - заметила Анна Николаевна.

- Деньги в этом не виноваты. Что касается людей, на них зарабатывающих - доев борщ, Вилкин отодвинул тарелку в сторону, - то их три категории. Первая: бизнесмены вроде Старцева, обладающие талантом и умением делать деньги. Выживающая за счет других вторая категория: воры, завладевшие после распада СССР брошенной собственностью, – как это сделал Вурдин, - или сколотившие капитал бандитизмом и рейдерством. Третья: лентяи, тупицы и неудачники, случайным или иным путем ставшие собственниками дела, которое они благополучно теряют или проедают.

- Твое любимое жаркое, - Анна Николаевна поставила тарелку перед сыном. – Ешь, а то сил на борьбу с Вурдиным не хватит.

Улыбнувшись, Вилкин бросил осторожный взгляд на мать и взял в руку ложку: старая армейская привычка обходиться без вилки. Сделав вид, что ничего не замечает, Анна Николаевна отошла к стоявшему у окна столику, открыла лежавший там альбом с фотографиями.

Пообедав, Вилкин подошел к матери, заглянул в альбом.

- Опять свадебные фотографии изучаешь? – с укором спросил он.

- Ну и что? – с вызовом спросила мать. – Ты там очень красивый. А Инесса - почти кинозвезда. Я, между прочим, недавно с ее мамой общалась: Инесса возвращается в Симферополь, ей предложили место в газете. Вам бы встретиться: вдруг все образуется?!

- Можно привести лошадь к водопою, но нельзя заставить ее пить, – хмуро бросил Вилкин и вышел во двор, к машине.

Распоряжения Старцева выполнялись неукоснительно: Вилкин понял это, когда ровно в четырнадцать часов в агентство вошли симпатичная девушка с серьезным выражением лица и папкой в руках и румяный парень в теплой кожаной куртке.

- Валерий Александрович? – сухо спросила девушка. – Мы от Сергея Николаевича.

- Садитесь, - пригласил Вилкин.

Пока прибывшие усаживались на стулья, Вилкин внимательно их рассматривал, потом обратился к парню:

- Представьтесь!

- Виталик я, - парень подернул плечами. – Семь лет за рулем, «Волга» у подъезда, жду ваших распоряжений.

- Понятно, - Вилкин задумался. – Как вы относитесь ко сну?

- Нормально, - от удивления у парня расширились глаза.

- Ваша основная задача: находится в машине и спать. В промежутках между этим приятным занятием совершать поездки. Ясно?

- Так точно! – четко ответил Виталик.

- Вперед, на рабочее место! – махнул рукой Вилкин и обернулся к девушке:

- Предлагаю снять пальто: поработаем здесь.

Гости поднялись: парень направился к двери, а девушка, устроив пальто на вешалке, вернулась к стулу.

- Старцев что-нибудь объяснял? – спросил Вилкин.

- Нет. Велел передать вот это, – девушка положила на стол папку, – и приказал временно быть в вашем распоряжении.

- Как вас зовут?

- Спирина Екатерина Евгеньевна.

- Бухгалтером давно работаете?

- Восемь лет, после окончания института.

- Замужем?

- Вообще-то это не ваше дело, но, так и быть, отвечу: да, – вскинула голову Спирина. - Муж, двое детей. Еще личные вопросы есть?

- Пока нет, а там посмотрим, - улыбнулся Вилкин, забавляясь ершистостью Спириной. – Дело конфиденциальное, работы много.

Пересказав полученную от Старцева информацию, Вилкин передал полученную утром папку Екатерине Евгеньевне и поставил задачи:

- Нуждался ли Вурдин в семидесяти пяти тысячах долларов или сразу замышлялась афера? Нынешнее положение «Глицинии», рынок сырья и сбыта. Безболезненной ли будет отдача долга?

- Вам когда нужны ответы? – спросила Спирина, записывая слова сыщика.

- Вчера, - ответил сыщик и в ответ на недоуменный взгляд Спириной успокаивающе произнес:

- Поскольку это невозможно, то к завтрашнему обеду. Для поездок используете машину Виталика. Работать можете здесь – вот запасной ключ, - или где удобно. А у меня дела.

Наклеив усы и надев очки с простыми стеклами, Вилкин, игнорируя насмешливый взгляд Екатерины Евгеньевны, вышел к «Фольксвагену» и вскоре в качестве представителя днепропетровской фирмы вошел в кабинет нынешнего директора «Глицинии» Курцева. Предложив несколько перспективных сделок, Вилкин сделал вывод, что полномочий на принятие серьезных решений Курцев не имеет, в связи с чем только приглашенный из соседнего кабинета «коммерческий советник» Вурдин смог дать ответы. Вновь изменив внешность, следующий два часа Вилкин пообщался в салоне красоты с Аллой Прокофьевной, где в качестве журналиста одной из газет сделал ряд фотоснимков и взял у госпожи Вурдиной интервью.

- Какие впечатления? – спросила вечером Анна Николаевна.

- Три интересных человека: Курцев, которого явно тяготит фиктивность должности, смахивающий на озлобленную крысу Вурдин, и разбалованная достатком и изнывающая от безделья Вурдина, убивающая время псевдовоспитанием заканчивающего гимназию пятнадцатилетнего сына Артура и заботой о собственной внешности. Всех объединяет фабрика по производству плиток «Глициния», о делах которой поведает завтра Спирина.

- План действий наметил?

- План? Есть ли у нас план, мистер Фикс? – засмеялся Вилкин и, посерьезнев, спросил:

- Как ты думаешь, почему гипотенуза короче суммы двух катетов?

- Ну, их двое, а она одна, - растерялась Анна Николаевна. – И потом: катеты вначале в сторону уходят, а потом в исходные точки возвращаются.

- Правильно! – подтвердил Вилкин. – Этим и отличается доброе дело от злого: оно идет прямо, с минимальной затратой времени и пространства. Старцеву, чтобы вынуть из сейфа семьдесят пять тысяч долларов и передать Вурдину, понадобилось минут десять, а для Вурдина события растянулось в месяцы и километры. И получилось: уход из бизнеса – первый катет, из семьи - катет второй. Теперь, чтобы не потерять статус, ему всю оставшуюся жизнь окольными путями придется бегать.

- И на одном из перекрестков он встретиться с тобой?

- Нет. С катетами, превратившимися в гипотенузы.

Первую половину следующего дня Вилкин провел в поездках по клубам знакомств, – их в Симферополе оказалось двенадцать, - и общению по интернетовскому сайту «Знакомства» с представителями сильного, но

одинокого пола. С несколькими из них удалось встретиться и переговорить, еще с тремя договорился пообщаться вечером.

- Как я понимаю, то, чем занимаешься, называется «сводничеством», - констатировала Анна Николаевна, накормив сына обедом.

- Согласен, - засмеялся Вилкин. – Ищу подходящую пару для Аллы Прокофьевны.

- Хочешь фиктивный развод превратить в реальный?

- Если удастся. Пока мне нужен человек, способный принудить Аллу Прокофьевну изменить образ жизни.

- Объясни.

- Деньги ставят пределы нашим желаниям. Богатство приятно тем, что расширяет эти пределы, умножая потребности. Думаю, сейчас расходы Аллы Прокофьевны совпадают с доходами. Ее предполагаемый партнер должен увеличить объем знания Вурдиной о том, на что можно тратить деньги, - и приучить к этим тратам. И объяснить, что в Европе это искусство развито сильнее, чем на Украине.

- Такого человека найти нелегко.

- Ошибаешься. Эгоцентризм и умение подавлять женскую волю присуще всем сутенерам, но связываться с ними опасно: во-первых, не блещут интеллектом, во-вторых, могут начать свою игру. Зато на сайте «Знакомства» хватает охотников за женщинами, обладающих нужными качествами.

Когда Вилкин приехал в агентство, Екатерина Евгеньевна сидела за столом, погруженная в разложенные перед ней документы. Увидев сыщика, растерянно оглянулась – кроме узкого приставочного, больше столов в комнате не было, - но Вилкин успокаивающе махнул рукой:

- Не волнуйтесь, мне достаточно стула.

Устроившись поудобнее, попросил начать аналитику.

Картина вырисовалась следующая. «Глициния» образовалась в 1992 году на основе «прихватизированного» Вурдиным государственного предприятия, занимавшегося изготовлением керамической плитки. Первые годы получала прибыль из-за отсутствия конкуренции, позже изделия «Глицинии» потеснила с рынка более качественная испанская и итальянская плитки. Если бы не финансовая помощь Старцева, то «Глицинию» ожидало банкротство. Отдать семьдесят пять тысяч долларов Вурдин сможет, только продав «Глицинию», на что не решится, поскольку все благосостояние семьи Вурдиных держится на прибыли, получаемой предприятием. Прибыль незначительная, так как Вурдин осторожничает, руководит предприятием по методам «совкового» директора, где главное: «день прошел – и ладно», «не было бы хуже». Из-за задолженности по зарплате на предприятии большая текучесть кадров, оборудование старое, изношенное.

- Расскажите о производственном процессе, - попросил Вилкин.

- Плитка получается путем прессования из смеси глины, полевого шпата, флюсов и кварца. Спрессованная смесь подвергается глазурованию и далее – однократному обжигу, что обеспечивает хорошее прилипание глазури к

смеси. Низкопористая плитка используется для устройства внутренних и наружных полов, высокопористая – для облицовки стен.

- Понятно, - задумался Вилкин. И категорично заявил:

- Нам нужно создать и зарегистрировать конкурирующее предприятие. Заниматься этим будете вы.

- Не согласна, - парировала Спирина. – Нужно купить готовое предприятие или использовать «фрайчайзинг», благо возможности имеются: пять лет назад у «Глицинии» появился серьезный соперник в лице фирмы «Созвездие», начавшей изготавливать, в отличие от «Глицинии», не только малоформатную, но и крупноформатную плитку. Благодаря хорошей рекламе и качеству работы прибыль «Созвездия» росла в геометрической прогрессии, в связи с чем фирмой заинтересовались бандиты. Директора нашли мертвым, кассир с деньгами исчез. Сейчас фирма влачит жалкое существование. Часть оборудования переведена на длительное хранение, использование остального оборудования с трудом покрывает расходы. Собственник – вдова директора, - хозяйственной сметкой не обладает, уступит фирму за гроши.

- «Фрайчайзинг» - это приобретение «франшизы», то есть торговой марки? – спросил Вилкин.

- Да.

- Проще купить фирму, - решил Вилкин. – Я попрошу Старцева, чтобы помог вам провести переговоры с владелицей и оформить покупку.

- Почему я? – удивилась Спирина.

- Это ваш сектор работы, - поднявшись, Вилкин надел куртку и укоризненно сказал:

- Вы недооцениваете себя, Екатерина Евгеньевна. У вас прекрасные аналитические способности и коммерческая интуиция.

И неожиданно для себя добавил:

- К тому же вы - красивая женщина.

И вышел, успев заметить вспыхнувшее румянцем лицо Спириной.

Старцева долго уговаривать не пришлось: оценив планы сыщика, он пообещал способствовать их реализации. Позвонив Спириной, сыщик попросил ее связаться с владелицей «Созвездия» и договориться о встрече, после чего отправился в интернет-кафе, а затем на свидание с жаждущими женской любви холостяками.

- Нашел что-нибудь? – спросила вечером Анна Николаевна.

- Не «что», а «кого», - улыбнулся Вилкин. – Эдуард Новицкий, тридцатипятилетний жиголо! Экземпляр потрясающий! Из тех обаятельных красавчиков, для которых жизнь – промежуток между первой женщиной и последней. Объяснил, что самое печальное для него: видеть, как богатые швыряются деньгами, и сознавать, что не может им помочь. Договорились, что завтра знакомлю его с Аллой Прокофьевной и на месяц даю Виталика с машиной, - и пару тысяч долларов, чтобы осыпать даму подарками и ресторанами.

- Он не обманет?

- Надеюсь, я показался ему достаточно серьезным человеком. К тому же Новицкого увлекла перспектива на длительный срок присосаться к богатой даме. Сильнее, чем любовь, возбуждают только деньги. А женщина, отдавшая мужчине свое сердце, отдаст и кошелек.

- Почему ты уверен, что Вурдина увлечется Новицким? – сердито спросила Анна Николаевна. – Нельзя так плохо думать о женщинах!

- Добавь: о порядочных женщинах, - встав, Вилкин прошелся по комнате, сел на диван. – Из-за корыстных интересов Вурдина стала соучастником преступления, помогая мужу мошенническим путем выманить у Старцева семьдесят пять тысяч долларов. И еще: к безделью как способу жизни нужно привыкать с детства. Алла Прокофьевна молодость ишачила на фабрике, потом с утра до вечера крутилась секретарем у Вурдина, поэтому сейчас не наслаждается, а мается от ничегонеделания. В ее жизни образовалась пустота и Новицкий эту пустоту заполнит, потому что любовь – та же работа.

Следующий день прошел в хлопотах: пока Старцев и Спирина осматривали «Созвездие» и оформляли покупку, Вилкин, «нечаянно» столкнувшись с Аллой Прокофьевной, познакомил ее с Новицким и затем тайно за ними наблюдал, проверяя благонадежность жиголо. Убедившись в его добросовестности, вернулся в агентство, где со Старцевым и Спириной долго обсуждал направления деятельности приобретенной фирмы. Решили, что Старцев займется кадровыми, технологическими и производственными проблемами «Созвездия», а Спирина и Вилкин перекупят для фирмы сырьевые источники и рынки сбыта «Глицинии». Когда совещание закончилось, по предложению Старцева отметили покупку, распив бутылку шампанского.

- Даже на обед не приходил, - укоризненно сказала Анна Николаевна, когда Вилкин, доставив по месту жительства Екатерину Евгеньевну, приехал домой.

- Дела, мама, дела, - пробормотал Вилкин. – Кстати, по прогнозу погоды завтра в Крыму потепление. Не забудь: через три дня к нам на обед придет чета Свидловых.

- Поэтому послезавтра, в субботу, поедешь на рынок, - заявила Анна Николаевна. – Холодильник пустой, а гостей кормить надо. Ты чего такой взбудораженный?

- Так, ничего, - отмахнулся Вилкин, не желая сознаваться, что, помогая Кате Спириной выбраться возле ее дома из машины, заглянул в ее глаза, и они ему очень понравились.

Зайдя утром в агентство, Вилкин поклонился сразу двум женщинам: сидевшей за столом Екатерине Спириной и портрету Аллы Пугачевой.

- Вас что-то с ней связывает? – спросила Спирина, кивнув головой на портрет.

- Совпадение взглядов на культуру. И время. А иногда: просто поговорить не с кем.

- Я обратила внимание, что вы одиноки, - Екатерина Евгеньевна задумчиво смотрела на Вилкина. – Вам звонят только по делу: за прошедшие дни не услышала ни одного личного звонка.

Вилкин смутился, хотел нагрубить, одернул себя и сухо произнес:

- Вернемся к нашим баранам. Задача: выявить источники поступления сырья и торговые точки «Глицинии».

- Вы думаете, это реально? – спросила Спирина.

- Конечно. У нас есть козырь: псевдодиректор Курцев Иван Тимофеевич, которому, по моим наблюдениям, надоело играть болванчика. Я навел справки: большой опыт работы по производству керамических плиток, занимал руководящие должности, амбициозен. Я договорился со Старцевым, что предложу Курцеву возглавить «Созвездие». Учитывая размер зарплаты, перспективы для фирмы и новую технологию, Курцев предложение примет.

- Возможно, - согласилась Спирина, продолжая рассматривать Вилкина. – Вы кем работаете, Валерий Александрович?

- Сыщиком, детективом.

- А мне кажется: режиссером марионеточного театра, искусителем человеческих душ. Только не могу понять, чьи интересы представляете: ада или рая?

- Я так сильно вам не нравлюсь?

- К сожалению, наоборот. Однажды меня поразила фраза Марка Аврелия: «Наша жизнь есть то, что мы о ней думаем». Двое идут по улице. Один замечает кучу мусора, лежащего в канаве пьяницу, нищего у подъезда. Второй останавливает взгляд на влюбленном с букетом ромашек у фонарного столба, на белых лепестках расцветающей вишни, на бегающем по стеклу солнечном зайчике. И каждый живет тем, что он видел. У меня создалось впечатление, что для вас интересна только негативная сторона событий, другой вы не знаете и не хотите знать.

- Это моя работа.

- Как у нищего – просить подаяние, богатого – копить деньги. Ситуация, когда в надежде на лучшее будущее тратится лучшее настоящее. - Спирина смотрела на Вилкина с жалостью. – Мне говорили: от вас ушла жена. Я ее понимаю.

- Я тоже, - кивнул головой Вилкин. – Ничего нового, Екатерина Евгеньевна, вы не сказали. У меня есть работа и престарелая мать: я горжусь и тем, и другим. А остальное: слова, сотрясающие воздух... Извините, мне пора.

Ощущая себя беглецом с поля сражения, Вилкин вышел на улицу, сел в «Фольксваген» и поехал на встречу с Курцевым. В мыслях продолжала крутиться незаконченная беседа, искали возражения и аргументы, но ничего не находилось и, подведя черту выражением Ницше: «Не смотри долго в бездну! А то бездна заглянет в тебя!», сыщик постарался выбросить эту тему из головы и настроиться на предстоящий разговор, да и за дорогой приходилось присматривать: смесь тепла и холода превратила асфальт в тающий ледяной каток.

После общения с Курцевым повез будущего директора «Созвездия» осматривать фирму, потом отправился к Старцеву, договариваться о совместных действиях; затем, перекусив в кафе, Вилкин пообщался с Новицким, Виталиком, заехал к Свидлову. В агентстве Вилкин так и не появился, опасаясь новых упреков в несправедности поступков. «Это моя работа, - повторил, успокаивая себя, Вилкин. – Да и нет на земле людей, живущих так, как хотели».

- Курцева легко перевербовал? – отругав сына за отсутствие на обеде и накормив ужином, спросила Анна Николаевна.

- Нет. Пришлось поупражняться в риторике.

- Использовал черный пиар: как плохо быть подставному?

- Даже не упоминал: это неэффективно. Помнишь метод воздействия на общественное сознание, примененный оппозицией в девяностых годах в Чили?

- Бескровная революция, сместившая генерала Пиночета? Смутно.

- Оппозиция пришла к выводу, что для человека будущее важнее настоящего. И агитировала, показывая не тюрьмы и расстрелы, а счастливую жизнь чилийцев без диктатуры. В результате даже армия поддержала демократический выбор. И я сломил сопротивление Курцева, рассказав о перспективах «Созвездия» и его возможности этому способствовать.

- Тебе в депутатских выборах надо поучаствовать, - улыбнулась Анна Николаевна. – Умеешь убеждать.

- Ну, мама! – с упреком посмотрел Вилкин на Анну Николаевну. – Утром – Катя Спирина, сейчас – ты. Еще мошенничество посоветуй: эти занятия друг друга стоят!

И, сердито фыркнув, отправился спать.

По субботам Вилкин вставал поздно, с удовольствием валяясь в постели и перечитывая любимых авторов. Телевизор и радио Вилкин не терпел, компьютер использовал как пишущую машинку, поэтому самым приятным собеседником оставались книги. Жизнь – не те дни, что прожиты, а те, что запомнились.

Позавтракав, Вилкин отправился на рынок. Сверясь с составленным Анной Николаевной списком, купил и поставил в багажник продукты, и, кляня скользкую дорогу, поехал домой.

Спирину увидел случайно. Она шла с рынка, сгибаясь под тяжестью двух набитых продуктами сумок; рядом семенили, держась за пальто и стараясь не отстать, две девочки шести и семи лет.

- Чем у нее муж занимается? – зло подумал Вилкин и, развернув машину, остановился возле тротуара. Выскочив из машины, быстро догнал Спирина. Не слушая ее смущенных возражений, поставил сумки в багажник, усадил всех в «Фольксваген» и отвез по знакомому адресу. Помог занести сумки на кухню и строго сказал:

- Когда нужно: машина и Виталик в вашем распоряжении. Надрывайтесь на работе, а не дома.

В воскресенье Саша и Люся Свидловы пришли в гости около девятнадцати часов. Испробовали и похвалили приготовленное Анной Николаевной домашнее жаркое, опустошили бутылку армянского коньяка и марочного муската, обменялись анекдотами и веселыми историями, - но Вилкин чувствовал: Саша чем-то встревожен.

- Что случилось! – когда застолье подходило к концу, спросил Вилкин.

Все замолчали.

- Понимаешь, - замялся Саша. – Вызвал позавчера начальник милиции Чакур и говорит: пиши заявление о переводе с должности заместителя начальника отдела на должность оперуполномоченного. Наша партия у власти и на значимых местах должны наши люди работать.

- И кого вместо тебя?

- Племянника своего, Иващенко, участковым числится. Ни одно преступление не раскрыл, только поборами занимается.

Вилкин усмехнулся, вспомнив визит Иващенко к нему в кабинет.

- Ты, конечно, послал его по факсу? С твоими тремя почетными грамотами и пятью благодарностями от министра тебя нелегко сдвинуть.

- Я тоже так решил. Но он на что-то рассчитывает, очень уж ехидно ухмыльнулся: «Не мытьем, так катаньем».

- До Люськи не доберутся, что-то другое затевают, - размышлял вслух Вилкин.

- Не бери в голову! – махнул рукой Свидлов. – Давай за тебя выпьем. Жаль, что уволился: так тебя не хватает. Когда раньше в паре работали, всегда знал: тыл у меня защищен. Благодаря тебе дважды выжил, особенно в том случае с Аркуньяном.

- Что за случай? – заинтересовалась Анна Николаевна.

- Два года назад ранее судимый Аркуньян обкурился анашой, ворвался на окраине города в какой-то дом, угрожая двустволкой, захватил заложниками женщину с тремя малолетними детьми и стал требовать миллион долларов, самолет и прочее. Дом окружили, я без оружия пошел к нему на переговоры, чтобы детей отпустил, и вдруг соображаю, что «крыша» у Аркуньяна поехала окончательно и живым он меня не выпустит. Точно: Аркуньян ружье поднял, целится, а мне никак не допрыгнуть. Ну, думаю, конец! Как вдруг кирпич в окно влетает. Аркуньян дернулся, обернулся: я ружье и выбил. До сих пор не могу понять, как ты догадался.

- Толкнуло что-то, - улыбнулся Вилкин. – У командира ОМОН глаза на лоб полезли, когда я схватил кирпич и швырнул в окно. Выпьем!

- За нас! За профессионалов! – поднял бокал Свидлов.

В понедельник Вилкин встретил Спирину сухо, по-деловому. Обсудив переданную Курцевым информацию, решили, что с глиной связываться не будут, а минералами нужно заняться. Старцев дал Спириной доверенность на представление интересов «Созвездия» и заключение контрактов. Съездили на предприятия, поставляющие «Глицинии» полевой шпат, флюсы и кварц, провели успешные переговоры и перекупили сырье, предназначенное Вурдину. Ближе к вечеру, уставшие, но довольные, заехали в агентство.

Вилкин сел составлять справку для Старцева, а Екатерина Евгеньевна походила по комнате, остановилась у окна.

- Ореховое дерево приносит плоды? – неожиданно спросила она.

- Нет, - удивился вопросу Вилкин.

- Почему не спилили?

- Кроме пользы, есть красота, - объяснил Вилкин, дописывая справку. – К тому же многое на земле, - в том числе деревья и люди, - появилось для того, чтобы заполнить пустоту.

И добавил:

- У меня как раз такой – свободный от всего - вечер: не хотите составить компанию в кафе?

Спирина обернулась, с некоторым изумлением посмотрела на Вилкина и поспешно, словно опасаясь, что тот передумает, кивнула головой.

Закрыв агентство на ключ, подъехали на «Фольксвагене» к «Диканьке». Заняв угловой столик, заказали ужин, долго сидели, говоря о многом и ни о чем. Развлекая собеседницу, Вилкин рассказал, как в школьные годы увлекся рыбалкой и по вечерам пропадал с удочкой на берегу Салгира, надеясь выловить крупную рыбу.

- Понимаете, Катя, - увлекшись, Вилкин забыл добавить отчество, но его не поправили, - я догадывался, что надежда эфемерна, но ведь бывает чудо, и почему бы с дальних гор не приплыть в Симферопольские воды огромной рыбине и не проглотить мой крючок. Я даже представлял, как пробирается она среди камней, спеша ко мне, но рыба не добралась, и постепенно интерес к рыбалке угас, потому что только вера в необыкновенный улов вытаскивает из дома в любую погоду.

- А я занималась гимнастикой, мечтала о чемпионстве, особенно когда в девятом классе заняла второе место на Крымской спартакиаде, - раскрасневшаяся после двух выпитых бокалов вина, Спирина чем-то напоминала ту школьницу, о которой рассказывала, и Вилкин откровенно ею залюбовался. – После поступления в институт пришлось выбирать между спортом и учебой - в пользу последней, - о чем часто жалела.

Екатерина Евгеньевна замолчала, поймав взгляд Вилкина, и ответила таким пристальным взором, что Вилкин отвел глаза.

- Воркуете, голубки! – присевший на соседний стул мужчина с наглым и красивым лицом вызывающе ухмылялся. Отметив мгновенно потухшее лицо Спириной, сыщик перевел взгляд на мужчину, подумал, что, судя по широким плечам и мощной фигуре, непрошенный гость родом из спортивных арен и боксерских рингов, и, зная ответ, со скукой спросил:

- Вы кто?

- Ейный муж, - мужчина, юродствуя, ткнул пальцем в потупившуюся Спирину. – А ты кто?

- Я – работодатель вашей супруги, - безразличным тоном сообщил сыщик и, кивнув Екатерине Евгеньевне, встал из-за стола.

- Спасибо за приятное общество, мне пора. До завтра, Екатерина Евгеньевна!

Подойдя к официанту, расплатился по счету и, не обращая внимания на начавшую переругиваться семейную пару, прошел к «Фольксвагену».

- Что-то случилось, Валерочка?! – услышав отказ от ужина и обратив внимание на непривычную рассеянность сына, забеспокоилась Анна Николаевна.

- Себя о том же спрашиваю, - Вилкин поразился тому, насколько сильно задело его вечернее происшествие. – Объясни: почему судьба дает одним то, в чем нуждаются другие?

- Будь я верующим человеком, то поведала бы, что воля Божья и Его испытание, - Анна Николаевна подошла к сыну и ласково погладила по голове. – А как человек мирской скажу, что если другому отдано то, чем восхищаешься ты, - оно ему нужнее.

Придя утром в агентство, Спирина поздоровалась с некоторой натянутостью. Сделав вид, что ничего не заметил, Вилкин предложил обсудить результаты работы по «Глицинии» и не удивился, услышав по завершению беседы виноватые слова:

- Извините мужа за вчерашнее. Он не всегда такой, каким выглядит.

- А нечего извинять, - равнодушно ответил сыщик. – Человек пришел за своей собственностью, обычное дело.

- То, что сейчас от вас завишу, не дает оснований меня оскорблять, - сверкнула глазами Спирина. И с вызовом добавила:

- Я думала: вы смелый! Муж долго смеялся, вспоминая, как вы улепетывали.

- Надеюсь, вы составили ему компанию?! – усмехнулся Вилкин. – Или продолжали сожалеть о том, что не состоялся бой самцов из-за самки?

Спирина хотела сказать что-то обидное, потом закусила губу и отвернулась. Помолчав, сердито сказала:

- У нас на очереди: торговые точки.

Следующие несколько дней прошли в поездках и переговорах. Используя авторитет Старцева, заключили контракты с торгующими керамикой магазинами, обязав первоочередное внимание уделять товарам «Созвездия». Вилкин договорился также с шестью газетами о начале кампании, доказывающей преимущество широкоформатной плитки, изготавливаемой «Созвездием», над малоформатной плиткой «Глицинии».

- Через месяц Вурдину придется или банкротить предприятие, или менять стратегию хозяйственной деятельности, для чего ему понадобится большая сумма денег, - закончив анализ, подвела итоги Спирина.

- И очередной доверчивый Старцев, - засмеялся Вилкин.

Был вечер; они сидели в агентстве, уставшие, но довольные результатами. Вилкин заметил, что за последние дни ершистость Спириной пропала, да и сам он все с большим уважением относился к этой умной, энергичной девушке.

- Предлагаю перейти на «ты», - вскипятив в электрочайнике воду и заварив чай, сказал Вилкин.

- Как-то нехорошо с работодателем, - лукаво прищурилась Спирина.

- Злопамятным плохо спится, - наставительно объявил Вилкин, разливая чай и пододвигая сахарницу. - Сотрудник должен быть соратником. Согласна?

- Привет, Валерий! – подняла стакан с чаем Спирина.

- Привет, Катя! – повторил ее жест Вилкин.

Завезя после чаепития Катю домой, Вилкин пообщался с Новицким, гордо продемонстрировавшим бюстгальтер, забытый у него на квартире Аллой Прокофьевной, и направил машину к родным пенатам.

- Совсем перестал на обед приезжать! – возмущалась Анна Николаевна, ставя перед сыном тарелку с жареными грибами. – Дело сплошь экономическое, не представляю, как со своими гуманитарными образованиями его вытягиваешь!

- Грамоту, мама, выдумали неграмотные, - отшутился Вилкин. – К тому же альфой и омегой экономических отношений является человек.

Пужинав, достал из книжного шкафа томик стихотворений Марины Цветаевой и устроился читать на диване.

- Двадцать третье февраля: красный день календаря! – процитировал Вилкин, заходя на следующее утро в агентство и останавливаясь перед календарем. – Доброе утро, Алла Борисовна! Принимаю от вас поздравление с мужским праздником!

- И от меня, - послышался сзади голос Спириной. Войдя в комнату и открыв сумку, достала зонтик, протянула Вилкину:

- Слышала, свой летом потеряли. Примите в подарок!

Вилкин растерянно взял зонтик, хотел съехидничать, опомнился и, задержав в руках ладонь Спириной, осторожно поцеловал.

- Перестань! – покраснев, Катя выдернула ладонь и строго сказала:

- Нечего ловеласничать! До обеда поработаем, затем приглашаю в кафе: отметить День Вооруженных Сил.

Оставив Спирину в агентстве готовить материалы для газетных статей, Вилкин поехал в «Созвездие», где ушедший со скандалом из «Глицинии» Курцев принимал бразды правления фирмой. Записав ряд цифр и уточнив интересовавшие его детали по «Глицинии», вернулся к обеду в агентство.

Помня неудачный опыт посещения «Диканьки», Вилкин, посадив на переднее сиденье Спирину, направил машину на окраину города. Остановившись возле «Али-Бабы», поднялся по ступенькам, открыл дверь и чертыхнулся: через два столика спиной к выходу сидел Спирин, обнимая и целуя накрашенную блондинку. Повернув обратно, Вилкин наткнулся на Спирину: судя по прикушенной губе и полыхавшим гневом глазам, она все видела.

- Здесь слишкомлюдно! – подталкивая Катю к машине, объявил Вилкин. – Заедем в кафе «Мастер и Маргарита» - оно в это время пустое.

Интимная обстановка кафе Вилкину понравилась; заняв угловой столик, заказал обед и бутылку коньяка. Разговор не клеился: судя по удрученному виду, Катя переживала донжуанство мужа.

- Не расстраивайтесь, Катя! Одна из моих знакомых в таких случаях говорит: «Он знает, что я лучше всех, но ходит к другим, чтобы в этом убедиться», – пошутил сыщик, стараясь приободрить напарницу.

- Да, конечно! – невесело улыбнулась Катя и подняла рюмку с коньяком: «За настоящих мужчин!»

- Поддерживаю! – выпив медленными глотками коньяк, Вилкин осторожно произнес:

- Хотя критерии «настоящего» у женщин различны. Какие предпочитаешь?

- Честность, ум, доброта, – быстро перечислила Катя. – За них и выпьем.

В третьем тосте выпили за любовь. Поставив пустую рюмку на стол, Катя съела дольку лимона, подняла затуманенные печалью глаза на сыщика:

- Есть старинная легенда: жили три сестры. Старшая – ленивая, средняя – тупая, а младшая – умница и красавица. Приезжает за ними Судьба в карете: «Садитесь, повезу к суженным!». Заезжают в село, а там парень: веселый, озорной, работающий – дом себе строит. Судьба ленивице говорит: «Выходи, это твой!». Едут дальше, приезжают в город, смотрят: парень в очках кандидатскую диссертацию защищает. Судьба тупице показывает: «Забирай, это твой!». Выезжают на окраину города: возле канавы парень валяется – грязный, пьяный, избитый. Судьба младшую подталкивает: «Твой это». Младшая сестра в слезы: «За что такое?!» Судьба объясняет: «Человечество семьями выживает, индивидуальное не учитывается. Мужья твоих сестер могут без них прожить, а те без них – нет. А миру дети нужны, чтобы род продолжить. Этот тунеядец в одиночку пропадет, его только ты всю жизнь терпеть сможешь. Вылезай!»

Катя грустно улыбнулась:

- Вот я и вылезла. Он тогда мастером спорта по боксу был, пророчили Олимпийские игры, но ранняя слава, женщины, выпивка – и покатился вниз. Сейчас с трудом тренером в спортивной школе удерживается. Когда выходила замуж, надеялась перевоспитать, исправить, потратила годы, пока не поняла тщетность усилий. Из кувшина можно вылить столько воды, сколько в него было налито. Не больше.

Вилкин слушал молча. Каждый в молодости делает свой выбор, за который потом приходится платить. Если повезет: деньгами.

В кафе просидели несколько часов, после чего Вилкин отвез Катю домой и, навестив Новицкого, отправился к набережной Салгира. Он не приезжал сюда с осени. Стоя у парапета, смотрел на кусочки тающего льда, бегущую воду, думал о Кате, Инессе, о своей жизни, в которой оказалось слишком много одиночества. Когда стемнело, вернулся в машину и сквозь огни города повел «Фольксваген» к своему особняку.

- Зачем тебе банкротство Вурдина? – Анну Николаевну снедало любопытство. – Ввести Старцева в число кредиторов суд не сможет, поскольку «Глициния» принадлежит Алле Прокофьевне.

- Только не банкротство. Я воссоздаю ситуацию трехгодичной давности, когда Вурдин оказался перед выбором: продать предприятие или стать

мошенником. Чтобы добиться искомого, приходится заниматься экономикой, превратившейся в тот самый гвоздь, на который, подобно Александру Дюма, вешаю шляпу своего замысла.

- Но выбор у Вурдина теперь иной, поскольку мошенником он уже стал.

- Правильно. Причем об этом знают все, в том числе близкие ему люди – и относятся соответственно. Алла Прокофьевна запала на Новицкого не в силу своей порочности: она, как и любая нормальная женщина, нуждается в надежном мужском плече, а о какой надежности можно говорить, имея дело с предателем? Причем настолько никому не верящего, что после увольнения Курцева вынужденного назначить себя директором «Глицинии».

В конце следующей недели прогноз Спириной начал сбываться: поскольку близлежащие рынки сырья захватило «Созвездие», Вурдину пришлось переориентироваться на отдаленные районы, что привело к дополнительным транспортным расходам и удорожанию продукции. Газетная кампания тоже принесла свои плоды: спрос на малоформатную плитку резко упал.

- Еще неделю «Глициния» будет проедать запасы, - оторвавшись от документов, Спирина показала Вилкину аналитические выкладки. – Потом Вурдин должен найти денежный кредит или остановить предприятие.

- Банки дадут кредит только под залог «Глицинии», причем краткосрочный, - встав со стула, Вилкин прошелся по комнате. – Я направил всем банкам твой экономический анализ предприятия, это заставит отнестись к Вурдину настороженно. Учти, что собственником «Глицинии» является Алла Прокофьевна, ей придется подписывать кредитные обязательства, - а после идей, которые с моей помощью вталкивает в нее Новицкий – захватив кредит, муж даст деру, оставив ее расплачиваться, - Вурдина на этот вариант не согласится.

- Дело близится к завершению, - констатировала Спирина и вздохнула. – Я вернусь в бухгалтерию, ты займешься новым расследованием, с другими проблемами и людьми.

- В бухгалтерию не вернешься, - возразил Вилкин. – Скажу по секрету: Старцев оценил твои аналитические способности и переводит заместителем директора банка.

- Для моих лет это карьера, - задумчиво произнесла Спирина и посмотрела на Вилкина. – Я ошибалась, одобряя твою жену. Ты умеешь делать жизнь интересной, рядом с тобой я кажусь себе привлекательной и востребованной.

- Преувеличиваешь, - смутился Вилкин и перевел разговор на другую тему.

Чередую солнечные дни с дождем и туманом, весна затопила крымские улицы ручьями. Воспользовавшись погожей погодой, Анна Николаевна наконец-то смогла заняться огородом, заставив в воскресенье сына поупражняться с лопатой и цапкой.

- Не понимаю сельскохозяйственных радостей, - ворчал Вилкин, выравнивая грядки. – Нужно родиться Гаем Диоклетианом, чтобы поменять римский престол на деревню да еще гордиться выращенной капустой.

- Зато прожил долго и умер своей смертью, - возразила Анна Николаевна. И, помолчав, спросила:

- Екатерина Евгеньевна уходит?

- Да, послезавтра. Отпразднуем Международный женский день – и распрощаемся.

- Как-то видела ее: добрая, симпатичная, - заметила Анна Николаевна и, бросив быстрый взгляд на сына, озабоченно сказала:

- Чувствую: нравится тебе. Но ее судьба выбрана, - Анна Николаевна замялась, подыскивая слова. - Женишься не на женщине, а на ее прошлом. А в нем: супружеские отношения с любимым когда-то человеком, его дети, для которых ты, заменяя отца, никогда им не станешь.

- Проще повторить фразу, рекламируемую Люсей Свидловой: «Разбойник требует кошелек или жизнь, женщина – то и другое», - усмехнулся Вилкин. – Я, мама, однолюб. Думаю, Катя догадывается.

- А как поживает чета Вурдиных? – успокоившись, спросила Анна Николаевна.

- Напряженно. Вурдин пытался взять долгосрочный кредит, не получилось, теперь ищет покупателя на «Глицинию», поместил объявления в Интернете и газетах. Роман Аллы Прокофьевны достиг апогея: Новицкий предложил продать предприятие, недвижимость и вместе с ним и Артуром уехать в Италию. Вурдина согласилась, только опасается долговых расписок на полмиллиона долларов, которые предусмотрительный супруг заставил ее написать перед тем, как переоформить на нее свою собственность. Теперь влюбленная пара занята поиском расписок с целью их уничтожения.

- Это Новицкий тебе рассказал?

- Нет. Как я и предполагал, он начал свою игру, которая из-за энтузиазма и страха передо мной выглядит очень убедительно. Последние дни Новицкий, не подозревая об этом, носит в воротнике пиджака крошечный микрофон и все его разговоры записываются мной и Виталиком. Да и пару постельных сцен на видеокамере запечатлели.

- А вдруг у них получится? Тогда ты останешься с носом.

- Вряд ли. Во-первых, расписки, скорее всего, хранятся в сейфе «Глицинии», куда влюбленным не добраться, во-вторых, найти покупателя на прогорающее предприятие нелегко, в чем Вурдин уже убедился.

Утро Вилкин встретил на железнодорожном вокзале, куда поездом из Киева приехал его бывший коллега Виктор Платинов, которому по сценарию полагалось сыграть роль покупателя «Глицинии». С Виктором сыщик познакомился и подружился в Львовской школе милиции; потом переписывались, и, забрасываемые обстоятельствами в Киев или Крым, останавливались друг у друга на ночлег. Платинов уволился из милиции на год раньше Вилкина, приобрел на деньги родителей завод железобетонных изделий и быстро разбогател. В Симферополь его привели не столько

просьба Вилкина, пообещавшего возместить расходы и выплатить гонорар, сколько желание попутешествовать по южным городам Крыма, которые Виктор из-за хозяйственных хлопот давно не посещал.

Зарегистрировав гостя в люксе гостиницы «Украина», друзья позавтракали и поехали в агентство. Познакомив Платинова со Спириной, сыщик распределил задания: Катя за день обучит Виктора технологическим премудростям по изготовлению керамики, дабы в глазах Вурдина Виктор выглядел опытным, профессионально грамотным производственником, а Вилкин возобновит в ОГИСе исполнительное производство по семидесяти пяти тысячам долларов и договорится о дальнейших совместных действиях.

- Учти: завтрашний день я проведу в Ялте, - предупредил Платинов.

- Завидую: как раз магнолии расцветают, - вздохнул сыщик. – Только учти: в среду появишься у Вурдина в качестве покупателя. Извини: надо тет-а-тет переговорить с Катей.

- Сбегаю в киоск за сигаретами, - улыбнулся Платинов, покидая комнату.

- Послезавтра выходишь на работу в банк. Виталика и машину я уже вернул, - глядя на сидевшую с потерянными лицом Катю, сказал Вилкин.

- Знаю, - кивнула головой Катя. – Старцев позвонил и предупредил.

- Спасибо за помощь, - неловко произнес Вилкин, понимая, что от него ждут иные слова. – Без тебя не справился бы. Предлагаю отметить вечером в ресторане твою новую должность и наступающий День Восьмого марта. Согласна?

- И наше расставание, - грустно дополнила Катя. – Мы ведь расстаемся?

Она подняла глаза на Вилкина.

- Да, - сознался сыщик.

- Что ж, - Катя встала, прошла по комнате, оглянулась по сторонам, словно прощаясь. – После ресторана вернемся сюда. Обещаешь?

- Да, - и, помолчав, сказал: - Пора работать, извини.

И направился к выходу.

Для праздничного ужина выбрали ресторан «Княжа втиха», славившийся качеством блюд и быстротой обслуживания. В перерывах между поглощением очень вкусных блюд Вилкин приглашал Катю на медленные танцы, с удовольствием обнимая стройное, податливое тело. Печальное настроение Кати постепенно рассеялось, тем более что Вилкин не скупился на шутки и каламбуры.

В агентство попали за полночь. Зайдя в комнату, Катя застыла на месте: три стоявших на полу ведра были заполнены розами.

- Это тебе.

- Спасибо. Мне так давно не дарили цветов, - подойдя к ведру, Катя опустила на колени, вдохнула аромат. – Откуда узнал, что я люблю розы?

- Догадался, - дипломатично ответил Вилкин, умалчивая, что специально звонил Старцеву.

Встав, Катя подошла к шкафу, вынула оттуда пакет, села с ним на диван.

- Я сейчас поняла, в чем причина неудачных замужеств, - Катя говорила словно сама с собой. - Ищут мужчину, с которым можно жить, а нужно искать того, без которого жизнь невозможна.

- Ты понимаешь: мы не можем расстаться просто так, - Катя подняла глаза на Вилкина. - Я всегда хранила верность мужу, не требуя того же, но... Это не измена, это – что-то другое, о чем подумаю завтра или никогда.

Подойдя к двери, Катя закрыла ее на ключ, вынула из пакета и бросила на диван простыни.

- Прости, я приняла решение за двоих. Мужу сказала, что на сутки уезжаю в командировку, а ты... Позвони Анне Николаевне, объясни, что приедешь утром.

Кивнув головой, Вилкин поднял телефонную трубку.

В среду, позавтракав, Вилкин поехал в гостиницу, где еще раз проинструктировал Платинова, о чем говорить и до какой суммы торговаться с Вурдиным. Вернувшись в агентство, с легкой грустью посмотрел на кресло, где обычно сидела Катя, и, заняв его, разложил на столе бумаги. Наступил последний этап операции и малейшая неувязка или неточность могли все разрушить.

Мысли Вилкина прервал телефонный звонок.

- Слушаю! – поднял трубку сыщик.

- Куда я попала? – спросил женский голос.

- А куда вы целились?

В трубке неуверенно хихикнули, потом ответили:

- Детективное агентство.

- Тогда попали в «яблочко».

- Прекрасно! – обрадовался голос. – Подъезжайте ко мне, дело очень важное.

- Нет. Принимаю только в офисе.

- Без вариантов?

- Да.

- Скоро буду.

Занимаясь серьезным расследованием, Вилкин редко брал параллельные дела, но в приеме потенциальных клиентов не отказывал. Как и во всяком другом, в его бизнесе слово «нет» отсутствовало, - к тому же для решения проблемы зачастую хватало совета. Когда-то в юности Вилкина поразило социологическое исследование, доказавшее, что из обратившихся в милицию граждан каждый третий приходил только для того, чтобы его выслушали, - позже это стало одним из мотивов превращения филолога Вилкина в сотрудника уголовного розыска.

Появившаяся в комнате двадцатисемилетняя девушка удивила Вилкина яркой раскраской лица и броской одеждой: обычно такие клиенты к нему не приходили. Включив магнитофон, сыщик доброжелательно сказал:

- Снимайте плащ, садитесь и рассказывайте.

Оставшись в алом платье, девушка назвала себя Верой Павловной Сачевой и объяснила, что ее последние две недели преследует незнакомый

человек, из-за чего в вечернее время боится выходить на улицу. Задача Вилкина: провести с незнакомцем беседу и заставить прекратить слезку.

Все выглядело достоверно, но что-то в поведении девушки настораживало.

«Зря пожадничал на видеокамеру, - решил Вилкин. – Сегодня же закажу и в стене замаскирую».

- Я так переволновалась, - продолжила Сачева. – Послушайте, как сердце бьется!

Вскочив, Сачева начала огибать стол.

- На место! – закричал Вилкин, догадываясь, что его ждет, - и когда посетительница, разорвав на груди платье, с воплем «Спасите! Насилуют!» прыгнула на сыщика, стремясь одной рукой расцарапать ему лицо, а другой – добраться до его пиджака, - опрокинулся с креслом назад, кувыркнулся через голову и откатился в дальний угол. Наткнувшись на ножки кресла и едва не упав, Сачева с криком «На помощь!» продолжила наступление. Предупреждая ее намерение повторить прыжок, лежавший на спине сыщик зацепил левой ногой Сачеву за щиколотку, правую ногу упер в оголенный живот и, приподняв, швырнул к двери. Грохот от падения тела слился с визгом девицы и грозным рыком ворвавшегося в офис участкового Иващенко:

- Что происходит?

- Хулиганские действия, лейтенант, - вскочив на ноги, Вилкин быстро привел в порядок одежду, поднял и поставил на место кресло. – Гражданка напала на меня и пыталась нанести телесные повреждения.

- Он хотел меня изнасиловать! – завопила Сачева, обращаясь к участковому и протиснувшись за ним двум мужичкам бомжеватого вида, с интересом наблюдавшим оголенные груди потерпевшей.

- Я так и понял, - солидно кивнул головой участковый. – Ваше счастье, что я с гражданами мимо проходил и крики услышал. Сейчас все задокументируем и отправим на возбуждение уголовного дела.

- Вы же понимаете, что ни одной моей подписи под вашей «липой» не будет, - усмехнулся Вилкин, пытаясь понять цель спектакля.

- И не надо, - согласился Иващенко. – Два свидетеля все подтвердят, в том числе и ваше нежелание помогать органам.

Пожав плечами, Вилкин уселся в кресло, взял со стола газету и углубился в чтение, пока участковый, суетясь, принимал заявление и объяснение от Сачевой и свидетельские показания мужичков. Оформив пакет документов, Иващенко помог Сачевой надеть плащ и поблагодарил мужичков. Вытолкав всех за дверь, плюхнулся на стул и самодовольно сказал, показывая на документы:

- Ну как? На пару тысяч баксов потянет?

- Нет.

- Почему?

- Девица, скорее всего, вокзальная проститутка, а от мужичков мусорными контейнерами пованивает. В суд их не выставишь.

- Думаешь? – огорчился участковый. – А сколько за бумаги дашь?

- Двести.

- Долларов?

- Гривен.

- Мало, - скривился участковый. – Сачева платье порвала, новое надо купить.

- В «секонд хэнд» отправишь, - бросил Вилкин и, глядя на насупленную физиономию участкового, усмехнулся:

- Ладно, подброшу на бедность. Сто гривен девке, по пятьдесят мужикам, триста тебе. Только учти: еще один такой спектакль – в навозной куче утоплю! Понял?!

- О чем речь, Валерий Александрович?! – обрадовался участковый. – Жена в Польшу на экскурсию собирается, сами понимаете. Деньги не к спеху, в пятницу часов в двенадцать забегу.

- Договорились.

Спрятав пакет с документами в сумке, участковый бодро выкатил за дверь.

Некоторое время Вилкин сидел, анализируя происшедшее. Не обнаружив в событиях ничего, кроме жадности Иващенко, махнул рукой и отправился на обед.

- Ты собираешься давать участковому деньги? – недоуменно спросила Анна Николаевна, наливая в тарелку зеленый борщ.

- Нет, конечно, - рассеянно ответил Вилкин. – Единственное, что он получит: пару подзатыльников. Некогда воевать, завершается операция по Вурдину.

- Расскажи.

- На десять утра у Платинова было randevu с Вурдиным, он предложил за «Глицинию» сто тысяч долларов. Предприятие стоит больше, Вурдин затеял торговлю и решение отложил. После обеда Платинов встречается с Аллой Прокофьевной и Новицким, которых эта сумма вполне устроит. Беседу запишут, и я продам ее вместе с другими кассетами Вурдину.

- Почему просто не подбросишь?

- Подозрительно: бесплатный только сыр в мышеловке. А так понятно: детектив зарабатывает деньги. Объясню, что Новицкий – аферист, я по поручению обманутых мужей собираю на него компромат, наткнулся на интересные материалы и решил познакомить с ними хорошего человека. Поконтактировать с Вурдиным нужно и для того, чтобы посадить на его одежду микрофон.

Чмокнув Анну Николаевну в щечку, Вилкин поехал в гостиницу к Платинову.

В особняке Вилкин появился поздно вечером, веселый и взбудораженный.

- Получилось! – сообщил с порога. – Ты бы видела, мама, лицо Вурдина, когда, встретившись с ним в директорском кабинете, подключил к телевизору видеоманитофон и продемонстрировал постельные утехы Аллы

Прокофьевны и Новицкого. А, услышав планы влюбленных и договоренность Аллы Прокофьевны с Платиновым о продаже «Глицинии», позеленел, как лист. Сунул мне пятьсот долларов, забрал видео и аудиокассеты и помчался к супруге выяснять отношения. Используя кулаки и угрозу долговых обязательств, нагнал страху на супругу и убедил ее завтра в десять часов у нотариуса переоформить на него «Глицинию» - в обмен на расписки. Зато недвижимость Алла Прокофьевна отстояла.

- Вурдин сильно рискует.

- Во-первых, у него безвыходное положение. Во-вторых, оформив договор купли-продажи, он, не выходя из нотариальной конторы, может перепродать предприятие другому лицу.

- А почему ему не заставить Аллу Прокофьевну продать «Глицинию» данному другому лицу, а деньги положить в свой карман?

- Подписывая договор, Алла Прокофьевна сразу забирает и уничтожает расписки. Деньги покупатель передает ей, и попытка бывшего супруга их забрать воспримется как грабеж. Вурдин это понимает.

...Остановив «Мерседес» возле нотариальной конторы, Павел Семенович хмуро покосился на бывшую супругу:

- Вылезай. Моя секретарь с утра очередь заняла, много времени не займет.

Алла Прокофьевна нехотя оставила машину, прошла к двери с надписью «Нотариус». Своими руками отдавать такое богатство... Эдик уже билеты в Рим заказал, а тут... Какая сволочь записи сделала, убить ее мало!

Пока помощник нотариуса печатал договор, а Павел Семенович, скривившись, оплачивал пошлину, Алла Прокофьевна стояла, бесцельно глядя в окно. Эдик, конечно, ее бросит, зачем ему нищая старуха?! А Павел, перепродав «Глицинию»— она слышала, как Павел звонил Платинову и просил подъехать в нотариат к одиннадцати часам, - мотнется в Европу, подальше от Старцева.

- Прошу поставить подписи! – провозгласила нотариус.

Алла Прокофьевна требовательно протянула руку, куда бывший супруг с кислой миной сунул расписки, просмотрела их, расписалась в договоре и регистрационной книге, щелкнула зажигалкой. Растоптав пепел – все, что осталось от расписок, - взглянула с ненавистью на торжествующее лицо Вурдина, прячущего договор в папку, повернула к выходу, - и обернулась, услышав сдавленный крик Вурдина. С посереженным лицом тот смотрел на вошедшего в дверь человека в строгом деловом костюме: остановившись возле Павла Семеновича, новоприбывший поклонился всем и представился:

- Государственный исполнитель Рязанцев! На правах старого знакомого позвольте поздравить вас, Павел Семенович, с приобретенным имуществом, которое даст вам возможность вернуть долг Старцеву, а нам закрыть дело. Распишитесь, что я ознакомил вас с приказом о наложении ареста на «Глицинию». Сообщение об этом передается сейчас моими коллегами во все нотариальные конторы.

Проследив, как Вурдин трясущейся рукой расписывается в приказе, Рязанцев передал копию судебного решения и приказ нотариусу, вежливо произнес: «До свидания!» и удалился.

- Пойдем, Павел! – Алла Прокофьевна осторожно взяла привалившегося к стене Вурдина под руку. – Заедем в «Скорую помощь», потом домой. Кроме денег, в мире есть и другие радости: хотя бы твой сын.

Алла Прокофьевна не знала, что человек, разрушивший ее любовный союз с Новицким, находился сейчас в «Фольксвагене» рядом с нотариальной конторой. Подождав выполнившего служебный долг государственного исполнителя, Вилкин отвез его в помещения ОГИСа и отправился в гостиницу. Вручив Платинову обещанный гонорар, пожелал ему счастливого путешествия по южному берегу Крыма и, обняв на прощанье, поехал домой.

- Слава Богу, закончилось все! – радовалась Анна Николаевна.

- Пожалуй! – согласился Вилкин. – ОГИС выставит «Глицинию» на торги, продаст и вернет семьдесят пять тысяч долларов Старцеву.

- Как все получилось? Ты знал, берясь за дело, о его итогах?

- Предполагал. Я увидел человека, ставшего подлым и жадным. Эти негативные нравственные качества, как анчар, заражают окружающих и съедают его самого. Своими действиями я ускорял развитие этого процесса, превращал катеты в гипотенузы. Отрицательное поле морали, направленное ранее на других, расширяясь, захватило самых близких Вурдину людей. В результате жена, друзья, сотрудники по работе отделились от него, стали врагами. Поняв это, Вурдин пытается бежать из круга всеобщей ненависти: естественно, с деньгами. И здесь его остановили.

- Понимаю, - задумчиво произнесла Анна Николаевна. – Жадный всегда беден, подлый – одинок. Чем займешься?

- Посижу в агентстве, подготовлю справку для Старцева об итогах работы и расходах.

Справка и денежные подсчеты заняли около часа времени; закончив их, сыщик собрался уходить, когда в дверь постучали.

- Войдите! – насторожился Вилкин: он никого не ждал.

В комнату вошел сухощавый, лет пятидесяти мужчина с явно военной выправкой.

- Майор милиции Стрижов из отдела по контролю за личным составом МВД Крыма, - мужчина показал удостоверение.

- Садитесь, - внимательно прочитав удостоверение, предложил Вилкин. – Вы уверены, что попали по правильному адресу? Я из органов год назад уволился.

- Я не по вашу душу, - вежливо объяснил Стрижов. – Вам известны наши функции: контролировать моральный облик сотрудников крымской милиции и предотвращать коррупцию. Нам сообщили, что участковый милиции Иващенко берет взятки у граждан и, в частности, посредством шантажа вымогает у вас пятьсот гривен. Завтра в двенадцать часов вы эти деньги должны ему здесь передать. Правильно?

- Откуда известно? – удивился Вилкин.

- Гуляя вчера вечером в одной компании, Иващенко во хмелю много болтал, - а у нас везде уши. Руководство поручило мне поймать Иващенко «на горячем» и привлечь к ответственности.

- Как?

- Утром принесу вам пятьсот гривен с переписанными номерами, обработанные специальным порошком. Когда Иващенко отдаст документы по Сачевой в обмен на деньги, мы при выходе из агентства его задержим, обобщем в присутствии понятых, запротоколируем изъятие денег и прочие детали, – и отвезем следователю. Готовы помочь?

Вилкин задумался, принимая решение, потом согласно кивнул головой.

- Отлично! – встав, Стрижов пожал сыщику руку и вышел из комнаты.

Несколько минут Вилкин задумчиво смотрел на закрывшуюся дверь, потом хмыкнул, недоуменно протянул: «Интересная история!» и, придвинув телефонный аппарат, набрал номер Свидлова.

- Вот и хорошо: одним коррупционером меньше станет, - обрадовалась Анна Николаевна.

- Какая ты наивная! – вздохнул Вилкин. – Шумиха по поводу коррупции: дымовая завеса для разворовывания национального богатства.

- Все равно, - не успокаивалась Анна Николаевна. – Ходит, деньги требует. Теперь Иващенко надолго о взятках забудет!

- Наверняка! – согласился Вилкин.

Стрижов оказался точен: ровно в одиннадцать часов он появился в агентстве.

- Здесь пять сотенных купюр, - Стрижов передал сыщику конверт. – Отдавать деньги будете без конверта, чтобы краситель на руках Иващенко остался.

- Ясно, - кивнул головой Вилкин.

- Тогда до скорого! – ободряюще улыбнулся Стрижов. – Помните: я с понятыми перехвачу Иващенко при выходе из офиса.

Оставшись один, Вилкин осторожно положил конверт в ящик стола, вытащил из-за шкафа цинковый тазик, поставил за креслом, вынул наполовину пробку из литровой бутылки с надписью «Спирт», положил рядом спичечный коробок. Подойдя к окну, отодвинул в сторону занавеску, прошелся по комнате, подмигнул портрету Аллы Пугачевой и вернулся в кресло.

Иващенко ввалился в комнату без стука; плюхнувшись на стул, протянул руку:

- Деньги принес? Давай!

- Документы! – в свою очередь протянул руку Вилкин.

С неохотой вынув из сумки картонную папку, Иващенко подал ее Вилкину. Быстро просмотрев содержимое, сыщик сухо сказал:

- Это копии. Где оригиналы?

Поколебавшись, Иващенко вновь достал сумку, вытащил еще одну картонную папку, сунул Вилкину. Открыв ее, сыщик развернул кресло,

швырнул все принесенные участковым бумаги в цинковый тазик, облил спиртом и поджег.

- Ты чего?! – угрожающе приподнялся Иващенко.

- Не твое дело, - отрезал сыщик, возвращаясь с креслом на место.

Достав из ящика стола пять сотенных купюр, сыщик продемонстрировал их Иващенко, положил в конверт и, на секунду опустив конверт ниже уровня стола, бросил на стол перед участковым.

Удовлетворенно ослабившись, Иващенко достал из кармана милицейский свисток и оглушительно свистнул. Тотчас открылась дверь и вошел Стрижов с растерянно поглядывающими по сторонам мужчиной и женщиной.

- Внимание, граждане! – властно произнес Стрижов. – Сейчас мы зафиксируем факт дачи взятки частным детективом Вилкиным участковому милиции, что подпадает под состав преступления, предусмотренного статьей 369 Криминального кодекса.

- Скажите, Иващенко, - обратился Стрижов к участковому. - Вам Валерий Александрович предложил взятку?

- Да, только что, пять сотенных, вон конверт лежит, - усердно закивал головой участковый. – Хотел, чтобы я его попытку изнасилования скрыл. А я, как честный милиционер, вам сообщил.

- Вы подтверждаете факт дачи взятки? – Стрижов обернулся к сидевшему с непроницаемым лицом Вилкину.

- Как вы здесь оказались? – не обращая внимания на Стрижова, спросил Вилкин у мужчины и женщины.

- В магазинной очереди находились, когда вот этот майор показал удостоверение и попросил помочь, - растерянно ответил мужчина и посмотрел на согласно кивнувшую женщину.

- Значит, свидетели не подставные! – констатировал вслух Вилкин и, резко поднявшись, стремительно подошел к двери.

- Входите, Алексей Петрович! – пригласил Вилкин стоявшего за дверью представительного мужчину. Войдя в помещение, новоприбывший показал присутствующим удостоверение:

- Помощник прокурора Панин. Что здесь происходит?

- Документируем факт дачи взятки частным предпринимателем Вилкиным работнику милиции, - с вызовом объявил Стрижов.

- Серьезное преступление, - кивнул головой Панин. – А что с доказательствами?

- В конверте на столе - пять сотенных купюр с отпечатками пальцев Вилкина. Деньги были даны за то, чтобы участковый не возбуждал уголовное дело по попытке изнасилования, совершенной неделю назад Вилкиным.

- Убедительно, - протянул помощник прокурора. – Где материалы по попытке изнасилования?

- Копии – в сумке участкового, оригиналы, как я понимаю, у Вилкина, - охотно объяснил Стрижов, победоносно поглядывая на сыщика.

- Я копии тоже отдал, - вмешался в разговор Иващенко. – Иначе он деньги давать не хотел.

- Значит, все документы у него, - сделал вывод Стрижов и приказал участковому: - Заберите!

Схватив картонные папки, Иващенко открыл их, недоуменно поднял брови, перевел взгляд на поверхность стола и ринулся к Вилкину. Наткнувшись на тазик, зло заорал:

- Он все сжег: и копии, и оригиналы!

- Как же ты позволил, идиот! – выругался Стрижов, потом, сдержавшись, сладко улыбнулся Панину:

- Документы потом восстановим. Главное доказательство: деньги!

- Согласен! – кивнул головой Панин. – Демонстрируйте!

Взяв конверт, Стрижов вынул пять прошлогодних лотерейных билетов.

- Там были деньги, - взвизгнул Иващенко, отступая под свирепым взглядом Стрижова. – Он конверт, наверное, подменил!

- Похоже на клоунаду! – констатировал Панин. – Причем при свидетелях.

- Ошибочка вышла, - пролепетал Стрижов, ненавидяще глядя на Вилкина, и бросил стоявшим у стены мужчине и женщине:

- Свободны! Идите в свою очередь!

- Почему же? - поднялся из-за стола Вилкин. – Нам нужны свидетели.

Подойдя к сейфу, Вилкин достал две аудио и видео кассеты, затем вынул из ящика стола полиэтиленовый пакет с конвертом внутри.

- Прошу составить акт передачи в прокуратуру доказательства преступления, совершенного Иващенко и Стрижовым, а именно: провокация взятки. На конверте из пакета: деньги, переданные мне два часа назад Стрижовым, причем на конверте должны сохраниться, кроме моих, отпечатки пальцев Стрижова. На кассетах: записи моих разговоров с Иващенко и Стрижовым, доказывающие их преступные действия. На этих листах: объяснение гражданки Сачевой, которую Иващенко угрозами принудил разыграть сцену изнасилования, а также мои объяснения по всем событиям и заявление в прокуратуру о привлечении данных лиц к ответственности.

Глянув на посеревшие лица Иващенко и Стрижова, Панин пробормотал: «Не рой другому яму: сам в нее попадешь», достал ручку и начал составлять акт о приобщении к заявлению Вилкина доказательств о совершенном преступлении.

- Какие негодяи! – возмущалась Анна Николаевна. – Хорошо, Валерочка, что ты такой умный! Как ты догадался?

- Скажу честно: не сразу понял цель этих действий, наивно считая, что являюсь субъектом, а не объектом охоты. Взятка – это преступление, которое государство придумало для тех, кто его составляет, представляет и охраняет, - какое отношение имеет к нему частный сыщик? А когда слушал Стрижова, проявившего поразительную осведомленность о том, что взятку

участковый будет брать именно в офисе и что фамилия провокаторши Сачева, понял, что вовлечен в операцию, разработанную совместными усилиями Иващенко и Стрижова. И тогда вспомнил, что взятка - единственный вид преступления, где жертву уравнивали сроком наказания – от двух до пяти лет лишения свободы - с преступником. При взятке легко перенести криминальную ответственность с взяткополучателя на взяткодателя: что меня и ожидало.

- И ты перебросил акцент дальше.

- Да: с 369 статьи Криминального кодекса на 370 статью: провокация взятки, наказывающая работника милиции лишением свободы от трех до семи лет. Конечно, помог Панин – знакомый Свидлова с давних времен. Применяя на мне свою разработку, люди Чакуна сильно рисковали: за что и поплатились.

- Зачем ты им нужен?

- Не я. Как думаешь: если бы Саше Свидлову предложили написать заявление об увольнении или согласиться на заключение меня в тюрьму, что он бы выбрал?

- Конечно, первое.

- Верно. Но профессионалы, в отличие от дилетантов, лучше знают правила игры. Поэтому их операция провалилась. Неси шампанское, мама!

Через неделю Старцев принес сыщику предусмотренный договором гонорар. Долго хвалил, предлагал должность заместителя по безопасности, сожалел, получив отказ.

Спирину сыщик больше не видел. Только в последних числах марта пришла открытка без обратного адреса с короткой надписью: «Розы еще стоят».

ВЫБОРЫ

Апрель в этом году оказался теплым, с дождями и белым цветением черешен. Порадовавшись за росшее возле его агентства ореховое дерево, Вилкин прошелся по комнате, включил размещенный на угловом столике компьютер, подмигнул портрету Аллы Пугачевой и, сев за стол, занялся просматриванием сегодняшних газет, с отвращением пропуская программные статьи кандидатов в депутаты: намеченные на конец мая выборы в советы всех уровней его не интересовали. Стук в дверь заставил его приподнять голову, а при виде посетителя выскочить из-за стола.

- Вовка! Юразов! – Вилкин обрадовано пожал руку одетому в костюм высокому парню. – Со школьного выпускного не виделись! Говорили: в Днепропетровске обосновался?

- Правильно говорили. Закончил там физмат, женился на местной девочке, ушел в бизнес, потом в политику.

- Так ты проездом?

- Нет. С прошлой осени – житель Симферополя. Купил конSOLEVСКУЮ квартиру, открыл филиал своей фирмы.

- Потянуло на родину?

- Вынуждено. Дочь Леночка заболела, врачи велели поменять климат. Предполагал Южный берег, но деятельность фирмы связана с обслуживанием железной дороги, да и родители в Симферополе, и со здоровьем у них не гладко. Но, Валерик, я по другому поводу. У меня неприятности.

- Садись и рассказывай, - Вилкин вернулся в кресло, незаметно включил магнитофон.

- Я в Днепропетровске четыре года назад выиграл избирательную кампанию в областной совет и понял, насколько выгодно для бизнеса быть на верхушке пирамиды. Депутатство – это место рядом с бюджетной кормушкой и власть без ответственности. Поэтому, перебравшись в Крым, в соответствии с правилами мажоритарной системы зарегистрировал себя независимым кандидатом в депутаты по Красноармейскому округу. На депутатский мандат претендуют еще четыре человека, точнее, претендовало: одного из них – представителя компартии - Тютюнов через суд снял позавчера с избирательной гонки.

- Тютюнов – это криминальный авторитет? Он что: тоже в депутаты ринулся?

- Конечно. Лучшей крыши для бандита найти трудно. Да и бюджетные расходы всегда в нужную сторону направить можно. Он – главный соперник, остальные двое – бизнесмен Чвагин и юрист Варкутин – серьезной угрозы не представляют. Из-за Тютюнова к тебе и пришел.

- Рассказывай!

- Зная отношение к чужакам, как конкурента он вначале меня не воспринял. Полагал, что сунет перед днем голосования кусок колбасы и сыра каждому избирателю – и победа у него в кармане. Но народ поумнел, голодные годы закончились, стали прислушиваться, кто из кандидатов что обещает. Я ораторствовать всегда умел: помнишь, как учительница литературы в школе меня хвалила?! Когда Тютюнов понял, что электорат ко мне перебегает, начались угрозы. Пытался договориться со мной, но я упрямый. Да и что его десять тысяч долларов: при правильном подходе месяц депутатства больше приносит! Тогда попытался расправиться: возле домашнего подъезда двое на меня напали, но не учли мой дан по каратэ. Отделался несколькими синяками, однако с тех пор по темным и пустынным местам не хожу. А моим доверенным лицам – их у меня трое - не повезло: одному разбили бутылкой голову, второму подстроили автомобильную аварию, а третьего так запугали, что принес заявление об увольнении. Набрал новую команду, но неудачно: кто-то из них работает на Тютюнова. Что ни задумаю: Тютюнов знает и помешать старается. А этой ночью кто-то диверсию совершил: вечером привезли на фургоне из типографии печатную продукцию - листовки, плакаты, мои изображения, шаржи на соперников, - оставили до утра в гараже, а утром обнаружилось, что все залито машинным маслом. Кучу денег на ветер выбросил и без средств агитации остался.

- Володя, я сочувствую, но сразу скажу: заниматься твоим делом не буду.

- Почему? Боишься Тютюнова?

- Нет. Избирательный процесс – это соревнование мошенников, и я не хочу в нем участвовать.

- Та-а-к.. – протянул Юразов и улыбнулся. – Спасибо за сомнительный комплимент. Ты всегда отличался прямоотой. Но, Валера, я не прошу способствовать моему избранию в Верховную Раду, твоя задача: вычислить среди моих доверенных лиц человека Тютюнова. А твое агентство в числе прочих дел этим и занимается.

- Быть внутри или быть вблизи: лишь степень причастности, - пожал плечами Вилкин. – Прости!

- Объяснить сможешь? – сердито спросил Юразов.

- Конечно, - Вилкин уселся поудобнее. – Так получилось, что я стал детективом для богатых, поэтому не бедствую. Но, как и ты, знаю о царящей нищете. Люди, изнуренные безденежьем, поиском работы, для которых внутренняя и внешняя политика государства ассоциируется с зарплатой и рынком, готовы пойти за любым, обещающим, получив депутатский мандат, создать для избирателей рай. Один раз в четыре года народ имеет возможность выбирать будущее и всегда выбирает неправильно, прельщаясь, как ворона, блеском чинов, миражом пустословия и пайком на неделю. В вашей борьбе ты и Тютюнов равнозначны, поскольку цель одинакова: под прикрытием депутатской неприкосновенности грабить народ. Извини: без меня. Я даже голосовать не хожу.

- Как меньшее зло меня не рассматриваешь?

- Это роли не играет. Давай лучше о школьных годах поговорим.

- Согласен. И сразу спрошу: в восьмом классе, когда Санька Чапай забрал у тебя новую удочку и пригрозил отметелить, если поймает в своем районе Салгира за рыболовством, ты к кому прибежал за помощью?

Вилкин задумался, потом удивленно воскликнул:

- К тебе! Точно: к тебе!

- Правильно. И после того, как я подбил Чапая левый глаз, получил обратно удочку и право ловить рыбу где хочешь, хоть в Санькиной ванне. И что тогда мне обещал?

- Я так переживал за удочку – она, как весь тогдашний импорт, дорого стоила, - что готов был, подобно «цветику-семицветику», исполнить любой каприз.

- Верно. И образовался долг по первому требованию. Так что, Валерик, берись за работу.

- Ну и хитер: чувствуется депутатский опыт, - уныло заключил Вилкин. – Ладно: подписываем договор. Поскольку это возврат долга, то гонорар не нужен, ограничимся возмещением расходов.

- Как пожелаешь. Где подпись ставить?

Оформив договор, Вилкин спрятал его в сейф и приступил к расспросам:

- Кто знал, что машина с типографской продукцией будет до утра в гараже?

- Кроме меня, только доверенные лица: Кузьмичев Иван Михайлович, Вариотов Степан Анисимович и Петренко Илья Павлович. Мы утром и вечером собираемся, обмениваемся информацией и обговариваем работу на следующий день.

- Что за люди?

- Кузьмичев – опытный политехнолог, еще при перестройке избирательные компании организовывал, этим и живет. Вариотов – комсомольско-партийное прошлое, «прихватизированная» собственность, умный, хитрый, со мной связывает определенные планы на будущее. Петренко – сильный юрист, прагматик, обширные знакомства, умение договариваться.

- Замок в гараже открыли или взломали?

- Открыли. Но замок несложный, снять слепок и изготовить ключ – работа на час.

- Досье на доверенных лиц ты, конечно, не собирал?

- Нет. Меня интересует их работа, а не биография.

- Меня наоборот, - задумчиво произнес Вилкин. – Как я попаду в твоё окружение?

- Доверенным лицом. По закону пять человек разрешается. Сегодня удостоверение оформлю, завтра в девять часов жду тебя в штабе на планерку. Представлю специалистом по контрразведке.

- Раскроем карты?

- А что скрывать? Город маленький, ты – человек с определенной репутацией. Пусть боятся.

- Кто опасается, тот опасен. Я еще тебя задержу: ответишь на вопросы. Заодно дашь денег на расходы.

- Согласен.

После ухода Юразова сыщик уселся за компьютер, открыл Интернет и занялся изучением файлов о выборах, с удивлением ощущая, как заинтриговывает его информация. Избирательный процесс оказался увлекательным и важным для общества делом, и Вилкин подосадовал, что занимаются им не самые приятные личности.

Время близилось к обеду. Закрыв дверь агентства на замок, Вилкин вышел на улицу к своему «Фольксвагену» и чертыхнулся: все четыре колеса были спущены.

«Ножом прокололи, подонки! – зло подумал сыщик, возвращаясь в агентство. – Для хулиганства слишком серьезно, значит, или мои старые дела, или Юразовские враги предупреждают».

Позвонив в автомастерскую, Вилкин попросил знакомого мастера подъехать и заклеить камеры. Суета вокруг машины заняла около часа и, когда Вилкин приехал домой, его у калитки встречала встревоженная Анна Николаевна:

- Что случилось? Я дважды обед разогревала.

- А, мелочи жизни, - махнул рукой Вилкин. И, зайдя в дом, сердито добавил:

- Если бы сегодняшний день был материальной вещью, я бы надавал ему пинков. Взятся за работу, не имея желания ею заниматься, в машине шины прокололи.

- А что за дело?

- Помнишь Вовку Юразова: со мной в одном классе учился?

- Конечно! С седьмого по девятый класс: твой лучший друг.

- Правильно. Хочет стать депутатом, ему мешают. Поймал меня на старом долге и заставил себе помогать.

- Володя хочет стать депутатом? Странно: был такой приличный мальчик. Зачем ему это?

- Как и остальным: для защиты своего бизнеса. В наше смутное время, когда из существующих двухсот тысяч нормативных актов Украины половина друг другу противоречит, а остальные виснут в воздухе, исполняясь только в рамках чьей-то выгоды, должность депутата – место хлебное и безопасное.

Если бы Вилкин догадывался, кого встретит в «Рейнфорде», то, конечно, не поехал. А так, столкнувшись с бывшей супругой Инессой Карамановой, пришлось, с вежливой улыбкой и горечью в сердце, говорить малозначащие слова, приглашать Инессу в соседнее кафе, угощать кофе и вести разговор, переставший быть никчемным только после случайно оброненной Инессой фразы:

- Я сейчас журналистом на Тютюнова работаю: рисую в печати его героический облик.

- Ты знаешь, что он бандит? – спросил Вилкин.

- Слухи, не подтвержденные тюремными отсидками и судебскими решениями. Ни одно из возбужденных на него уголовных дел не было доведено до приговора.

- Естественно: свидетели или умирали от несчастного случая, или отказывались от своих показаний.

- Да? – задумалась Инесса – и махнула рукой:

- Меня это не касается: я зарабатываю деньги.

- Ну-ну! – иронически сказал Вилкин. - Совесть у нас есть, но не всегда ею пользуемся. Верно?

Сердито посмотрев на Вилкина, Инесса оттолкнула чашку с кофе, встала и пошла прочь.

- Тот случай, когда, победив в споре, проигрываешь! – пробормотал Вилкин, подзывая официанта и расплачиваясь по счету. – Будто не знал, что Инесса, как все женщины, имеет два мнения: свое и неправильное.

Подъехав следующим утром к многоэтажному зданию, на первом этаже которого находился Юразовский офис, - большая комната, кабинет кандидата в депутаты, туалет, подсобка, - Вилкин чувствовал себя неловко: впервые он должен был, не скрываясь, работать с людьми, подозревая каждого в предательстве. И реакция людей, уставившихся на него после представления Юразова весьма недружелюбно, его не удивила.

- Значит, функции разведки и контрразведки, - сухо резюмировал лысый толстяк, явно выражая общее мнение («Петренко» - догадался сыщик). – Не очень с правовыми нормами согласовывается. Журналисты узнают: на весь Крым опозорят.

- Мне лучше знать, кто нужен, - вспыхнул вышедший из своего кабинета Юразов. – Может, появились желающие исповедоваться о машинном масле?

Все тотчас отвернулись от Вилкина и занялись своими делами.

- Вот твой стол – указал Юразов сыщику. – Как договорились, действуешь по своему плану.

Сев на стул, сыщик включил стоявший на столе компьютер и неторопливо осмотрел офис. Юразов ошибался: никакого плана у Вилкина не было, как и желания что-либо делать. Отметив, что комната просторна и, кроме доверенных лиц, перед мониторами сидят, набирая тексты, две девушки, отзывавшиеся на имена Валя и Таня, сыщик прислушался к разговору. Он знал от Юразова, что Кузьмичев, кроме разработки концепции избирательной компании и программы кандидата, отвечал за анализ ситуации в округе и подготовку выступлений; Вариотов организовывал информационную поддержку, взаимодействие с газетами и журналами, создание сценариев и съемку рекламных радио- и телевизионных роликов; Петренко готовил биллборды, руководил поквартирной и телефонной агитацией, проведением пикетов, адресной рассылкой писем от имени кандидата. Работы у каждого - выше головы: в этом Вилкин убедился, присутствуя на утреннем совещании, проводимом Юразовым. Хватка у бывшего друга оказалась жесткой: вникая во все действия подчиненных, он мгновенно подмечал ошибки и требовал их исправления, не деликатничая в выборе эпитетов. Впрочем, и себя он не щадил: сегодняшней и последующие дни напоминали марафон из выступлений, интервью и общения с избирателями. На фоне этой деловой суматохи Вилкин почувствовал себя бездельником и, изобразив серьезное выражение лица, поплелся в гараж, где, изучив залитую машинным маслом кипу бумаг, снял отпечатки пальцев с пустой канистры и задней дверцы фургона. Рискую окончательно испортить отношение с коллегами, взял у каждого – не забыв и девушек, - отпечатки пальцев, сложил добычу в папку, и, провожаемый насмешливыми взглядами, гордо вышел из офиса. Сел в «Фольксваген» и отправился в милицескую криминалистическую лабораторию, где знакомый эксперт, приняв в качестве презента бутылку коньяка, изучил папиллярные линии под микроскопом и составил письменное заключение.

- Понятно, - ознакомившись с мнением эксперта, задумчиво произнес Вилкин, и, протянув исписанный лист бумаги, попросил:

- Сделай еще одно заключение: с этими выводами.

- Ладно, - удивленно согласился эксперт, просматривая лист. – Хозяин – барин!

- Ты что: собираешься выявить вредителя обычными милицескими методами? – накормив сына обедом и расспросив о положении дел,

поразила Анна Николаевна. - Сейчас даже мальчишки, когда в сад за черешней лезут, перчатки на руки одевают.

- Нет, конечно, - засмеялся сыщик. – Во-первых, я активничаю, бью палкой по воде и пугаю рыб. Предателю необходимо продолжать подрывную деятельность – с учетом моего присутствия. Я подставляюсь, жду, каким способом он на меня отреагирует.

- А вдруг этот способ окажется болезненным?

- Кто предупрежден, тот вооружен. Тютюнов привык оперировать двумя аргументами: физическим воздействием и подкупом, - наверняка применит или то, или другое. Мои уязвимые места: агентство, где я один, и ты, поскольку, захватив тебя заложником, Тютюнов поставит меня на колени. Поэтому, мама, переходим на осадное положение: из дома не выходи и калитку держи на запоре. Договорились?

- Хорошо. А что с агентством?

- Я занимаюсь ремеслом, обреченным на бедствия. Никто не нанимает сыщика оттого, что дела идут хорошо. Я не случайно поменял квартиру на этот дом, где легче держать оборону, и давно оборудовал агентство защитной системой.

- Всегда знала, что ты умница. Кстати, а что «во-вторых»?

Вилкин улыбнулся.

- Недавно по ошибке мне в читальном зале библиотеки выдали книгу по высшей математике; я из любопытства ее почитал. В рамках теории вероятностей существует теорема о случайных величинах. Знаешь, о чем она?

- Если ждешь ответа «нет», то считай, что его получил, - засмеялась Анна Николаевна. – Рассказывай!

- Когда две случайные величины зависимы, то информация о том, какое значение приняла одна из них, меняет наше представление о распределении другой. Причем в этом случае решить обратную задачу, то есть восстановить совместное распределение по известным распределениям, невозможно. Зато эту задачу легко решить, когда эти величины независимы.

- И что?

- А то, что эта теорема дает возможность выявить предателя.

Приехав в агентство, Вилкин вынул из шкафа и положил на стол противогаз, осмотрел прикрепленный к задней панели стола пульт, долго ходил по комнате, напряженно о чем-то думая, потом включил стоявший в углу компьютер и, усевшись, занялся подготовкой необходимых бумаг. Увлечшись, не сразу среагировал на открывшуюся дверь, а когда вскочил на ноги, то ворвавшиеся в комнату трое парней с кастетами были почти рядом.

Еще в школе милиции Вилкин уяснил, что самбо, карате, кон фу, кикбоксинг и прочие единоборства создавались для состязаний, а не уличных драк. Успешно использовать эти приемы может только тот, кто непрерывно тренируется, на что у Вилкина не было ни времени, ни желания, - поэтому Вилкин выработал собственную систему, включавшую, кроме обычных

действий против ножа и пистолета, несколько травмирующих ударов, ставших одним из элементов утренней зарядки сыщика.

Опыт схваток с преступниками доказал, что в драке важна не физическая сила, а стойкость характера и скорость движений, поэтому Вилкин, не раздумывая, прыгнул навстречу опередившему остальных черноволосому бандиту, пригнувшись, пнул головой «под ложечку», одновременно захватив под колени и дергая вверх его ноги. Когда черноволосый, взлетев в воздух, начал падать назад, нога сыщика догнала его и ударила носком туфли в пах. Раздавшийся вопль заставил остальных отшатнуться в сторону; воспользовавшись этим, сыщик ринулся к столу и, одной рукой хватая и надевая противогаз, другой нажал тумблер на пульте. Вой сирены оказался настолько жутким, что оставшиеся на ногах нападавшие поспешили к входной двери, заблокированной, к их изумлению, защитной системой. Изумлялись они недолго: газ, наполнивший комнату из прицепленных на потолке баллонов, быстро погрузил всех, кроме лежавшего в противогазе на полу Вилкина, в одурманивающий сон. Подождав несколько минут, сыщик поднялся, вернул тумблер в исходное положение, открыл окно и двери, включил вентилятор и прошел коридором на улицу, снимая по дороге противогаз. Как он и ожидал, окружающие на сирену внимания не обратили, решив, что сработала сигнализация в близлежащих магазинах.

Привезший бандитов «Мерседес» стоял рядом с «Фольксвагеном» сыщика; убедившись, что он пуст и водитель был в числе нападавших, Вилкин дождался, когда комната очистится от газа, и сковал руки парней наручниками. Взваливая поочередно на плечи, отнес бандитов на заднее сиденье их машины, закрыл агентство, достал из кармана водителя ключ от зажигания, и, сев за руль, повез жертв газовой атаки в расположенную на окраине Симферополя резиденцию Тютюнова.

Остановившись неподалеку от больших кованых ворот усадьбы воровского авторитета, сыщик заглушил мотор, снял с начавших просыпаться бандитов наручники, бросил их в полиэтиленовый пакет и быстро пошел прочь. Неожиданно, вынырнув с соседней улицы, к воротам подъехала кавалькада машин.

«Тютюнова нелегкая принесла, - зло подумал Вилкин, ускоряя шаги. – Когда узнает, что с его людьми сделал, наверняка погоню вышлет».

Предчувствие не обмануло: позади слышались крики, матерная брань, потом шум приближающейся машины. Оглянувшись, сыщик увидел черный джип с тремя мордоротами и огромной овчаркой на заднем сиденье машины. «Ничего себе! – ахнул сыщик. – Если натравят Черкеса: мне конец!»

Об этой овчарке, охраняющей Тютюнова, Вилкин слышал от Свидлова: по слухам, она искалечила несколько человек и одного, пытавшегося напасть на Тютюнова, загрызла насмерть.

Метнувшись в проем между тесно стоявшими многоэтажками, сыщик пересек четырехугольный двор, нырнул в сквозной подъезд, перебежал улицу, перемахнул забор, прогалопировал через небольшой скверик и,

свернув влево, помчался по длинному пустынному переулку. Добежав до середины, оглянулся: машины не было ни видно, ни слышно. «Ушел!» - облегченно вздохнул сыщик и застыл на месте: в начале переулка показалась взявшая след овчарка. Вилкин огляделся в поисках спасения: ограда соседнего дома была слишком высокая, до стоявшего в отдалении дерева он добежать не успевал, оставалось использовать навыки, полученные в милиции. Сняв и сложив вдвое пиджак, сыщик крепко сжал его в правой руке и, когда овчарка, приблизившись, взметнулась в прыжке, сделал шаг навстречу, одновременно сунув край пиджака в ее пасть. Когда собачьи зубы вцепились в материю, сыщик дернул пиджак вместе с овчаркой вверх, сделал шаг в сторону и изо всех сил ударил носком туфли в открывшееся белое собачье брюхо: единственное незащищенное место этой «машины для убийств». Такие удары часто смертоносны: отпустив пиджак, овчарка с визгом шлепнулась на тротуар и поползла прочь. Освободив карманы разорванного собачьими зубами пиджака, сыщик швырнул его в стоявший неподалеку мусорный ящик и, нагнувшись, подобрал брошенный ранее на асфальт пакет с наручниками. Добравшись до конца переулка, вышел на проспект, остановил такси и назвал адрес агентства. Зайдя со вздохом облегчения в свою комнату, умылся под краном, переделся в хранившийся в шкафу запасной костюм, посидел в кресле, раздумывая о том, что теперь у него появились личные счета к Тютюнову и пора заканчивать с бездельем; увидев, что приближается время вечернего совещания у Юразова, взял папку с документами и спустился вниз, к «Фольксвагену».

Делая вид, что внимательно слушает отчеты доверенных лиц и планирование завтрашнего дня, Вилкин посматривал на них, пытаясь угадать, кому обязан сегодняшними приключениями. Репутация сыщика сыграла против него: его посчитали настолько серьезным препятствием, что готовы были устранить самыми жесткими способами.

- Заканчиваем, - подвел итоги совещания Юразов.

- Владимир Олегович! – поднялся с места Вилкин. – Разрешите пригласить коллег в бар на кружку пива?

- Почему бы и нет? – согласно кивнул головой Юразов. – Не только одобряю, но и всем рекомендую.

«Он догадался, что мое предложение – в русле розыскных мероприятий, - понял Вилкин. – И, судя по кислым физиономиям, такое мнение у остальных. Но деваться им некуда».

При желании Вилкин умел быть интересным собеседником и после нескольких кружек пива настроение присутствующих улучшилось. Поговорили о политической ситуации в Крыму и на Украине, обсудили некоторые рабочие моменты сегодняшнего совещания, потом разговор, словно ручеек по камешкам, запрыгал от одной темы к другой.

- Я слышал, вы абсентеист - отказываетесь голосовать на выборах? – с шумом сдувая пену, вдруг лениво спросил Кузьмичев. Этот худощавый, с внимательными глазами и насмешливым выражением лица политехнолог явно симпатизировал сыщику и тот отвечал ему тем же.

- Да, - коротко ответил Вилкин, не желая разворачивать эту тему.

- Абсентеизм в тех странах, где введена юридическая обязанность принять участие в голосовании, наказывается, и совершенно справедливо, - неодобрительно посмотрев на сыщика, высказался Петренко. – В Италии вас бы подвергли моральному осуждению, в Австралии оштрафовали, в Греции и Турции – заключили в тюрьму, в Аргентине, кроме штрафа, на три года запретили занимать должность государственного служащего, в Бельгии, кроме выговора или штрафа, поместили вашу фамилию в списке нарушающих обязательный вотум и вывесили этот список на здании муниципалитета по месту жительства.

- Круто! – покачал головой Вариотов. Медленно, со вкусом попивая пиво, он почти не разговаривал, предпочитая слушать: возможно, потому, что из присутствующих, не считая Вилкина, был моложе всех. – Но правильно. Каждый должен исполнять свой долг, в чем бы он ни выражался.

- Кстати, о долге, - Вилкин решил, что пора перейти к тому, из-за чего и была затеяна вечеринка. – Вы догадываетесь, что меня наняли расследовать дело об уничтоженной типографской продукции. Я снял отпечатки пальцев с места происшествия и, сравнив с вашими, получил следующие результаты.

Вилкин замолчал, осторожно хлебнул пива, потом в настороженной тишине раскрыл папку и, вынув заключение эксперта, сунул его в руки Петренко. Тот с равнодушным видом прочитал заключение, пожал плечами и передал бумагу Кузьмичеву, который, бегло просмотрев ее, положил на стол перед Вариотовым.

- Вы хотите сказать, что затею с машинным маслом организовал я? – побагровев лицом, зло спросил Вариотов.

- На этом настаивает экспертиза, - хладнокровно парировал Вилкин. – У меня по данному поводу мнение не сложилось, почему и беседую в неофициальной обстановке.

- А зачем нас к разговору привлекли? – недоуменно спросил Петренко. – Могли бы тет-а-тет разобраться.

- Общество должно знать своих героев, - высокомерно сообщил Вилкин. – Долг у всех один – помогать Юразову, но, как выяснилось, исполняете его неодинаково.

- Это ошибка, - нервничая, заявил Вариотов. – На фургоне мы все ездили, с прошлой недели могли отпечатки остаться.

- Возможно, - не стал спорить Вилкин. – Но проблема нарисовалась и ее надо решать – желательно вместе. Тем более что алиби на тот момент ни у кого нет: я проверял.

- А вас для чего наняли? - закричал Вариотов и, швырнув заключение эксперта Вилкину, поднялся из-за стола. – Думайте над этим, а не морочьте мне голову! Нашли козла отпущения!

- Скорее: слабое звено, - пробормотал Петренко и неприязненно спросил сыщика:

- Эксперт не мог напутать?

- Нет, - вздохнул Вилкин. – При мне экспертиза проводилась.

- Дела-а! – озадаченно произнес Кузьмичев и тоже встал на ноги. - Не стоит рубить с плеча: правильно сделали, что неофициально информацию довели. Степан Анисимович прав: могли отпечатки с прошлой недели остаться, он тогда на фургоне часто колесил.

- В общем, продолжайте работать, Валерий Александрович, - заключил Петренко и крикнул официанту, чтобы тот принес счет. – Пока все сомнительно. Не берите в голову, Степан Анисимович: Вилкин – парень грамотный, разберется. Пошли по домам: завтра много дел.

- Зачем надо было отвозить бандитов в резиденцию Тютюнова? – спросила Анна Николаевна, покормив сына ужином. – Любому понятно, насколько это опасно. Позвонил бы в милицию, пусть бы забрали.

- И слышали бы от адвоката Тютюнова версию: трое граждан обратились к детективу за помощью, а тот их избил и пытался ограбить, – поднявшись, Вилкин зашагал по комнате. – Психологически мои действия верны: если бы оставил их в машине возле «Аргуса» или переправил на соседнюю улицу, то, подталкиваемые страхом перед Тютюновым, они могли вернуться, причем не с кастетами, а с более мощным оружием и серьезными намерениями, которых первоначально наверняка не было. В криминалистике это называется «эксцесс исполнителя», когда, к примеру, преступник, проникая в магазин с целью кражи, совершает незапланированное им убийство сторожа. А возвращение на исходное место завершало в сознании этап действия, пусть и неудачного. Мне просто не повезло: Тютюнов не вовремя подъехал.

- В заключении эксперта действительно Вариотов указан?

- Нет, конечно, - усмехнулся сыщик. – Как ты говорила, сейчас даже черешню воруют в перчатках. Отпечатки на канистре и дверцах машины оказались старые, смазанные, с пальчиками подозреваемых не совпадающие. Я предоставил ложное заключение, сделанное экспертом по моей просьбе.

- Пробный камень... – понимающе протянула Анна Николаевна. – Как бы не аукнулось: на лжи далеко не уедешь.

- Понимаю! - с досадой воскликнул сыщик. – Но не вижу другого выхода. Альберт Эйнштейн не зря говорил, что проблему нельзя решить на том уровне, на котором она возникла. Из-за отсутствия необходимой мне ситуации я вынужден ее создавать.

- А почему Вариотов? – недоуменно спросила Анна Николаевна. – Ты его подозреваешь?

- Наоборот: он наименее вероятен в качестве предателя, поскольку единственный из доверенных лиц вложил в избирательную компанию Юрзова немалые деньги, которые теряет в случае поражения. - Устав от ходьбы, Вилкин уселся на диван. – Я действую по принципам теории вероятностей, взяв в качестве искомого три случайные величины: Вариотова, Петренко и Кузьмичева. Обвинив Вариотова, я поменял его значение для остальных и поставил их перед необходимостью решения. О том, что мои действия произвольны, знаю только я, а поскольку эти действия случайны, - я мог любого из них обвинить – вычислить их невозможно. Теперь, в новой

ситуации, у Петренко и Кузьмичева появляется выбор: отшатнуться от Вариотова, став от него независимым, а для меня легко вычисляемым, или действовать по принципу «падающего подтолкни», убеждая всех в предательстве Вариотова. Если я ошибаюсь и виновен Вариотов, то, не имея возможности доказать противоположное, он постарается предоставить мне свидетельство измены кого-то из своих коллег.

- Твой план, осуществившись, позволит сделать какие-то выводы? – засомневалась Анна Николаевна. – У меня ощущение, что ты идешь по странному маршруту: лезешь в лабиринт, из которого нет выхода. Если в мире существует множество граблей, на которые не ступала нога человека, не обязательно быть первопроходцем.

- Тень живет при солнце, - пожал плечами Вилкин. – Я надеюсь, что при экстраполяции легко вычислю величины, решившими остаться независимыми, и остановлюсь, уткнувшись в стену случайных воздействий. Там, в сумраке за стеной, и будет скрываться предатель.

- Какая-то антилогика, - хмыкнула Анна Николаевна. – Ладно, поживем – увидим!

- Умрем – узнаем! – улыбнулся Вилкин и, покинув диван, подошел к книжному шкафу. – Где тут томик Цветаевой?

На рассвете Вилкин проснулся от шума дождя. Капли били по оконным стеклам, под порывами ветра то убыстряя, то уменьшая частоту ударов. В соседней комнате беспокойно ворочалась во сне Анна Николаевна. Сыщику почудилось, что он снова стал маленьким и, плотно закутанный в одеяло, лежит, оберегаемый заботой родителей. Вздохнув, Вилкин повернулся на правый бок, уткнулся лицом в подушку и снова заснул.

Утром, когда сыщик пробирался на «Фольксвагене» сквозь поток машин к офису Юразова, дождь усилился, превращаясь в ливень. Туман рассеялся, но огромная темная туча продолжала висеть над Симферополем. Ручьи текли по улицам, мешая спешащим на работу прохожим, у водосточных решеток пенились струи водоворотов, а из-под колес автомобилей вылетали огромные фонтаны. Все звуки слились в непрерывный гул падающей с неба воды.

Зайдя в офис, Вилкин поздоровался, отряхнул одежду от капель дождя и прошел в кабинет Юразова.

- Получается, что диверсию устроил Вариотов? - пожимая сыщику руку, спросил Юразов.

- Откуда знаешь? – заинтересовался Вилкин.

- Вариотов вечером позвонил. Клянется, что произошла ошибка.

- Возможно, - рассеянно произнес Вилкин. Его надежда на то, что информация будет передана Юразову Петренко или Кузьмичевым, не оправдалась. – Но обращай с ним сухо и недоверие изредка высказывай.

- Какие-то сложные маневры! – недовольно заметил Юразов. – Учти: я не хочу, чтобы, выявляя предателя, ты поставил под угрозу мой шанс стать депутатом.

- Заметано! – воскликнул Вилкин, отводя глаза в сторону: он собирался сделать именно то, чего боялся Юразов.

Дождь закончился. Румянцем проснувшегося ребенка в просветах убегающих облаков мелькнуло солнце; к нему потянулась отвыкшая за зиму от тепла высаженная на газонах трава.

Кроме девушек возле компьютеров, в помещении никого не было: Петренко, Вариотов и Кузьмичев выполняли полученные вчера задания. Следуя их примеру, Вилкин отправился по своим делам, заполнившим день до позднего вечера.

- Опять обедать не приходил, - разворчалась Анна Николаевна. – Но хоть подвигов совершил немало?

- Сыщик подвигов не хочет, хочет кушать получить, - пропел Вилкин на мотив известной песни. – А занимался я такими пакостями, что, узнав о них, Юразов расстрелял бы меня из рогатки, и к нему присоединились все честные люди земли.

- Чем же? – встревожилась Анна Николаевна.

- Пользуясь статусом школьного друга, знавшего о многих тайных слабостях и проказах юного Володи, я скопировал и официально заверил ряд документов, из которых следует, что кандидат в депутаты в младших классах страдал ночным анурезом, в средних классах имел два привода в милицию, будучи застигнут за таким интересным занятием, как подглядывание в дырочку женского туалета и окошко дамского отделения бани, а после выпускного вечера с трудом отвертелся от уголовного дела по изнасилованию, - почему и вынужден был удрать в Днепропетровск.

- Убийственный материал! – содрогнулась Анна Николаевна. – Если его опубликовать, то Володю не только в депутаты – в дворники не выберут!

- И я так думаю, – согласился Вилкин. – Мало кому захочется, чтобы в Верховной Раде его интересы представлял писающийся в постель парень, заполняющий свободное время беганием между женским туалетом и баней, а в числе прочих развлечений насилюющий девиц.

- И что с этими бумагами будешь делать?

- Использую как приманку, - объяснил Вилкин, укладывая документы в картонную папку и выводя на ее обложке надпись: «Юразовские грешки».

- Понятно, - помолчав, Анна Николаевна испытывающе посмотрела на сына:

- У меня ощущение, что ты недолюбливаешь Юразова. А ведь в прошлом в закадычных друзьях ходили.

- Во-первых, он сейчас мой клиент, - в этой ситуации дружеские или враждебные отношения не учитываются, я должен добросовестно исполнить свою работу. Но меня заставили заниматься ею насильно, используя прошлые обязательства, а это нечестно.

- Понимаю: удочка должна быть из золота, чтобы оправдать твои вчерашние приключения. Хотя тогда, в детстве, она такой для тебя и была. А во-вторых?

- Всегда помни легенду о чудотворце Сергие и отшельнике Николае. Она ко многому заставляет относиться иначе.

Вилкин встал из-за стола, потянулся:

- Пора спать! Спокойной ночи, мама!

- Спокойной ночи! – ответила Анна Николаевна, думая о том, что о легенде она слышит впервые, в чем ей, доктору филологических наук, стыдно признаться.

Утром сыщик с неохотой позавтракал и, взяв в одну руку папку с собранными вчера документами, а в другую дипломат, поплелся к «Фольксвагену». Развязав на папке тесемки, кинул ее на заднее сиденье, сел в машину, положил на соседнее сиденье дипломат. Включив зажигание, поехал по адресу, памятного и некогда священному: дому, где жила вместе с родителями Инесса.

Вилкин знал ее привычку опаздывать на работу: точно так она опаздывала когда-то на их свидания. Когда Инесса, торопясь, выскочила из подъезда, стоявший возле машины Вилкин распахнул заднюю дверцу «Фольксвагена» и угрюмо предложил:

- Садись, подвезу. Заодно и поговорим.

Инесса отрицательно качнула головой, но, взглянув на часы, заколебалась, решительно нырнула в машину.

- К Тютюнову, на утреннюю планерку? – спросил Вилкин, бросая «Фольксваген» в поток спешащих машин.

- Так точно! – улыбнулась Инесса. – Тебя тоже Юразов ждет, верно?! О чем разговор?

- Предлагаю перейти на работу к нам: с Юразовым я предварительно переговорил. Правда, платить столько, сколько Тютюнов, Юразов не сможет.

- И не надо. У меня как у журналиста солидная репутация: что обо мне подумают, если начну писать противоположное тому, о чем пишу сейчас. Спасибо за предложение, но я его отклоняю.

- Как знаешь! Будь осторожна: пиши лишь о том, что документально можно подтвердить. Иначе вляпаешься в историю.

- Не учи ученую! – Инесса завозилась на сиденье, устраиваясь поудобнее, кинула случайный взгляд на папку, - и Вилкин почувствовал, как Инесса напряглась. Сыщик уловил брошенный на него осторожный взгляд, потом левая рука его бывшей жены потянулась по направлению к папке. Выждав около минуты – достаточное время, чтобы Инесса открыла папку и бегло ознакомилась с документами, - сыщик затормозил у тротуара.

- Совсем забыл: там у меня папка лежит, передай мне.

- Где? – неестественно изумилась Инесса. – А, вот она! Держи!

Взяв протянутую ему папку, сыщик открыл дипломат, спрятал туда папку и поставил замок дипломата – так, чтобы Инесса видела только движение руки - на цифровой код. Вернул машину в колонну машин, высадил через десять минут Инессу возле ворот, куда позавчера привозил спящий груз, и направился в офис Юразова.

Судя по доносившимся из Юразовского кабинета голосам, совещание было в разгаре. Положив дипломат, сыщик поздоровался с работавшими у компьютеров девушками, вынув деньги, попросил Валю сбежать в кафе напротив за бутербродами, а Таню – купить букет цветов для предстоящего

после полудня свидания. Оставшись в одиночестве, быстро осмотрел содержимое расположенных в офисе столов. Выяснив, что в верхних ящиках столов, принадлежащих Вариотову, Кузьмичеву и Петренко, лежат одинаковые светло-коричневые кожаные перчатки, задумался, потом подхватил дипломат и, встреченный недовольным взглядом Юразова, не любившего опозданий, вошел в кабинет.

Оставшееся до конца планерки время сыщик просидел молча, держа на коленях дипломат и бросая подозрительные взгляды на коллег. Задержавшись после планерки в кабинете, попросил Юразова поближе к вечеру повторить совещание, и, забрав бутерброды и букет, отправился в магазин «Хозяйственные товары». Купив несколько тюбиков с клеем, заехал в лабораторию к знакомому химику, где в обмен на бутерброды и цветы ему из привезенных субстанций сотворили вязкий состав, долго не засыхающий и намертво схватывающий при соприкосновении.

К офису Юразова сыщик подъехал после часа дня, в обеденный перерыв. Открыв замок, зашел в пустую комнату. Вынимая по очереди из верхних ящиков в столах перчатки, выворачивал их наизнанку, смазывал клеящим составом раструбы, ставил фломастером отметки на подкладках и, придавая перчаткам прежний вид, осторожно возвращал в столы. Закончив эту работу, вышел из офиса, закрыл замок и отправился домой.

- Чем порадуешь? – осторожно спросила Анна Николаевна, наливая сыну борщ.

- Все идет хорошо – только мимо, - рассеянно ответил Вилкин и, вспомнив, добавил:

– Инессу на работу подвозил.

- В страну любви приходят вдвоем, уходят – по одному, - задумчиво рассматривая сына, произнесла Анна Николаевна. – Инесса ушла, ты остался. Зачем?

- Чтобы не дать этой стране обезлюдеть, - серьезно ответил сыщик. – И я не уверен, что Инесса ушла. Страна большая: мы потерялись.

Анна Николаевна со вздохом сожаления покачала головой, потом смущенно спросила:

- Что за легенда о чудотворце Сергие и отшельнике Николае?

- Не знаешь? – удивился Вилкин и принялся за рассказ:

- Много веков назад бродили по Украине чудотворец Сергей и отшельник Николай. Под вечер зашли в село, попросились на ночлег в самую бедную хижину. Хозяева обрадовались святым путникам, зарезали на ужин единственную курицу, уступили на ночь свое место в комнате. А утром отшельник проснулся от плача хозяйки: умерла их кормилица - корова. Отправились дальше чудотворец и отшельник и близко к ночи, усталые и запыленные, постучались в ворота богатого дома соседнего села. Хозяин, - надменный, свирепый, - с презрением отправил незваных гостей ночевать в сарай, дав на ужин пустую похлебку. Утром, прежде чем отправиться дальше, чудотворец Сергей сказал хозяину: «В дальнем углу вашего двора размыт дождями глинобитный забор. В благодарность за гостеприимство

разрешите мне нанять на свои деньги работников, чтобы этот забор отремонтировать». Хозяин милостиво согласился. После того, как нанятые мастера восстановили забор, путники двинулись дальше. И тут отшельник не выдержал: «Отче Сергей, ведь ты всемогущ! Но, когда мы были в первом селе, позволил, чтобы у великодушных бедняков умерла корова. А для жадного человека не пожалел собственных денег. Отчего так несправедлив?» Помолчал чудотворец, затем говорит: «Зорко только сердце, глаза часто ошибаются. В бедной семье ночью должна была умереть хозяйка: я отдал ее смерть корове. У богача там, где рушится забор, закопан громадный клад: вскоре дожди окончательно размыли бы стенку, одарив злого человека несметным богатством. Владея этим золотом, богач причинил бы много горя своей стране. Теперь клад уйдет дальше, другому поколению».

- Интересная легенда! Ты считаешь, что я не всегда правильно оцениваю твои действия?

- Возможно. И не только ты.

Вернувшись к борщу, Вилкин быстро опустошил тарелку, отказался от рагу, выпил стакан сока и, поцеловав Анну Николаевну в щеку, поехал в агентство, а через пару часов – в офис Юразова.

Времени до начала собрания оставалось немало, и присутствующие проводили его, споря о политике.

- Крым - это территория, завоеванная Россией, оказавшаяся в составе Украины в результате политических интриг Хрущева и алкогольной зависимости Ельцина, - доказывал Кузьмичев. – Украина состоит из двух половин: украинско-говорящая Западная, воспитанная на культуре близлежащих европейских стран, и русскоговорящая Восточная, имеющая единую трехсотлетнюю историю с Россией. Поэтому введение русского языка в качестве второго государственного расколел Украину на два государства.

- Не обязательно – мировая практика это подтверждает, - невозмутимо возражал Петренко. – Напряженность останется, но она и сейчас есть. Принудительное насаждение украинского языка, осуществляемое государством, порождает недовольство, оппозицию, превращается в источник для революционных движений. Отнять у человека язык – это лишить его прошлого, прервать родовую связь времен. Языковая проблема породила Приднестровье.

- Забыли, что вы политики, а не интеллигенты, - удивленно хмыкнул Вариотов. – Оставьте эти проблемы идеалистам и молодежи. Не имеет значения, какой лозунг провозглашать, лишь бы он привел к власти. Пусть на Западной Украине ратуют за украиноязычие, понимаемое как искоренение русской письменности, в Восточной Украине - за русскоязычие: это переходные моменты избирательных компаний. Для кандидатов в депутаты реален только язык денег: он международный.

Положив на стол дипломат, сыщик молча сидел, не вмешиваясь в разговор, потом подошел к Вале, затеяв вполголоса шутивную беседу. Он

ожидал событий, – и они состоялись. В открытую форточку окна влетели, шипя, две дымовые шашки; что-то взорвалось в туалетной комнате.

- Выскакивайте на улицу, - крикнул Петренко.

Все ринулись врассыпную. Сквозь густую дымовую завесу Вилкин поспешил к столу, и, пошарив руками, понял, что дипломат исчез. Послышался Валин визг: видимо, обо что-то ударилась. Поторопившись в сторону, где находились окна, сыщик с кем-то столкнулся, упал; поднявшись, добрался до окна и быстро открыл створки. Дым ел глаза: уносимый через окно и дверь, он постепенно редел.

- В туалетной комнате пожар! – услышали все Танин голос.

- Я его тушу! – глухо отозвался Кузьмичев.

Минут через двадцать суматоха улеглась. Особых повреждений офису причинено не было, только в туалетной комнате от термитной шашки сгорели полотенца и, туша пожар, обжег руки Кузьмичев: Таня помазала лекарственной смесью герою событий руки и забинтовала их.

Свой дипломат со взломанным замком сыщик нашел на столе Вариотова: он был пуст. Незаметный осмотр ящичков убедил его, что исчезли перчатки, лежавшие в столе у Вариотова: остальные перчатки остались на месте.

Рассудив, что информация о нападении на офис повысит его популярность среди избирателей, Юразов позвонил милиции и журналистам, и в течение следующего часа офис напоминал Гитлеровский бункер: звонили телефоны, сновали фотокорреспонденты, Юразов отвечал на вопросы и демонстрировал остатки шашек и произведенные повреждения. Тем временем Вилкин, стараясь не привлекать внимания, обыскал помещения офиса и сделал вывод, что картонной папки в них нет. Сняв отпечатки пальцев с дипломата, он устроился за столом и рассматривал отпечатки через увеличительное стекло, подозревая по насмешливым взглядам окружающих, что его считают круглым идиотом.

Распрощавшись с журналистами, Юразов попросил свою команду сесть на стулья для проведения короткого совещания.

- Вы, кажется, хотели сделать сообщение? – сухо спросил Юразов, явно разочарованный в детективных способностях Вилкина. – Как я понимаю, у вас что-то украли из дипломата и вы подготовили ноту протеста?

- Не совсем, - Вилкин выпрямился, мгновенно превратившись из жалкой пародии в профессионального сыщика. – Сработала ловушка: к сожалению, с некоторыми зажигательно-дымовыми эффектами.

- Скажите, - обратился Вилкин к доверенным лицам. – Когда в ящиках ваших столов появились перчатки?

- Вчера утром, - после недолгого молчания сообщил Кузьмичев.

- Именно так, - поддержал его Петренко. – Я подумал, что это вы подбросили, для детективных опытов.

- Но я о перчатках ничего не знаю, - запротестовал Вариотов и, вскочив с места, направился к своему столу. – Впрочем, давно столом не пользовался, другие дела были. Вот, смотрите!

Вариотов показал всем пустой ящик.

- Днем в вашем ящике лежали светло-коричневые перчатки, я их видел, - объявил Вилкин.

- Ложь! – закричал Вариотов. – Это очередная провокация! Зачем мне перчатки?

- Чтобы не оставлять отпечатков, - объяснил сыщик. – Тютюнов требовал действий, а тут я со своей дактилоскопической манией. Вот и принесли перчатки: и не только себе, чтобы меня запутать и на других подозрение бросить.

- Тогда где они?! – Вставив ящик обратно, Вариотов с вызывающим видом остановился напротив Вилкина, явно провоцируя драку.

-Полтора часа назад перчатки были использованы, чтобы, прикрываясь дымовой завесой, взломать дипломат, вытащить оттуда мою папку и через форточку в туалетной комнате передать похищенное своему сообщнику, швырявшему ранее шашки. Но я в обеденный перерыв смазал раструбы перчаток клеящим составом и снять перчатки вы не смогли, пришлось их срезать и тоже выбрасывать в форточку.

- Тогда легче было украсть дипломат, - вмешался в разговор Юразов, с интересом слушавший сыщика.

- Он не проходил через форточку по габаритам. К тому же картонную папку легко спрятать, засунув за пояс под пиджак, а потом, свернув трубочкой, просунуть в форточное отверстие.

- Чепуха какая-то! – пробормотал Вариотов и негодуя воскликнул:

- Не было у меня перчаток, честное слово!

- Неправда! Я их у вас видел, - вмешался Кузьмичев.

- И я, - дополнил Петренко. – Когда перчатки обнаружил, столы остальных посмотрел: из любопытства.

- Понятно! – процедил Юразов, меряя Вариотова злым взглядом. – Как вы могли, Степан Анисимович?!

-Невиновен я, Владимир Олегович! – потерянным голосом ответил Вариотов. – Недоразумение это!

- Факты – упрямая вещь! – холодно заключил Юразов. – Думаю, Валерий Александрович сделал правильный вывод.

- Напрасно так думаете! – поднявшись, Вилкин под оторопелые взгляды присутствующих подошел к столу Кузьмичева, открыл ящик и, вынув оттуда перчатки, бросил их Вариотову. – Вот перчатки, лежавшие в вашем столе в обеденный перерыв: на подкладке выведена чернилами буква «В». Их у вас в суматохе господин Кузьмичев забрал, чтобы себя обезопасить и вас утопить.

Повернувшись к Кузьмичеву, сыщик сочувственно покачал головой:

- Представляю ваше состояние, когда обнаружили, что перчатки можно снять только с кожей. Поэтому и в огонь руки засунули, чтобы бинтами раны скрыть.

В наступившей тишине Кузьмичев неторопливо поднялся, одобрительно сказал сыщику:

- Умный, сволочь! Чувствовал, что меня вычислишь!

Пренебрежительно оглядев остальных, насмешливо бросил:

- Пока, коллеги! До встречи на баррикадах!
Задержавшись у двери, крикнул Юразову:
- Свою задачу я выполнил: шиш тебе теперь, а не Верховная Рада!
Хохотнув, Кузьмичев закрыл за собой дверь.
- Да, история! – пробормотал Петренко. – Кто бы мог подумать?!

- Конечно, со мной сразу было ясно! – окрысился Вариотов. – Ну и подставили вы меня! Не знаю, Валерий Александрович: говорить вам «спасибо» или в морду дать?!

- О первом спросите у своей морали, а второе не советую: у морды хозяин есть, и очень обидчивый.

Сыщик направился к выходу, озабоченно сказав Юразову:
- Завтра утром забегу, о расходах поговорим и распрощаемся. А пока еще кое-что надо сделать.

- Спасибо за работу! – крикнул вслед сыщику Юразов.

Приехав в агентство, сыщик уселся за телефон и занялся вызваниванием Инессы; нашел ее поздно вечером.

- Что с документами, украденными Кузьмичевым? - быстро спросил сыщик.

- Я на их основе написала статью, материал уже набран и сверстан: по просьбе Тютюнова в самой распространенной газете Крыма пустое место на последней странице с обеда держали. Сейчас газета печатается, утром считаешь. Так-то, Валерочка: я твоего дружка с такой грязью смешала, что ему теперь ни одна приличная собака лапу не подаст.

- Подпись поставила свою?

- Естественно! Меня после этой статьи надолго запомнят.

- Только в каком качестве?! – удрученно заметил Вилкин. – Не ожидал, что так быстро публикацию провернете. Документы фальшивые.

- Что?! – выдохнула Инесса. – Но там печати, подписи!

- В криминальном мире есть гравер Ванька Зодчий: любую печать за час делает. Вчера весь день с ним трудились.

- Так вот почему с утра ко мне подъезжал?! – В Инессином голосе зазвенел гнев. – А я-то думала!.. Негодяй!

- Не отрицаю, - вздохнул Вилкин. – Во всех ошибках женщины всегда виноваты мужчины... Нечего было подличать, в чужую папку заглядывать.

- У меня работа такая... Ну, Валера! Если выгонят из журналистики, я твое агентство подожгу!

- И машину камнями забросаешь, - согласился Вилкин. – Спасибо, добрая женщина!

- Пожалуйста! Учти: если мужчина способен на все, то женщина - на все остальное, – отрезала Инесса и бросила трубку.

- Веселые дела! – растерянно подытожил Вилкин, отключая телефон. – Интересно, Юразов завтра разрешит слово молвить или сразу ударит?!

- Как так получилось, Валерочка? – озабоченно спросила Анна Николаевна, когда Вилкин после позднего ужина уныло сидел на диване. – Подставил не только Инессу, но и Юразова.

- Не учел прозорливости Тютюнова, - виновато объяснил Вилкин. – Он догадался, что документы слишком наглые, чтобы быть подлинными. И поторопился, пока правда наружу не вылезла, статью за подписью известной журналистки Инессы Карамановой опубликовать. Наверняка втридорога этой дуре заплатил: только что деньги, когда теряется репутация?! Есть одна мыслишка: завтра предложу Юразову. Собирался распрощаться с выборными делами, но не получается.

- О Кузьмичеве сразу догадался?

- Он был постоянной неизвестной величиной: Иксом. Мое появление потребовало от Икса учета моих действий, а они заключались в том, что я по поводу и без повода занимался дактилоскопией. В качестве противодействия мне появились перчатки, которые вместе с очень соблазнительными документами я использовал в качестве ловушки. Вариотов послужил лакмусовой бумагой: известной величиной, на которую Икс вынужденно воздействовал, придавая Вариотову статус предателя. Как видишь, все в рамках теории вероятностей.

- Или твоего истолкования этой теории, - сухо прокомментировала Анна Николаевна. – Так бестолково ты никогда не работал. Вспомни афоризм Юлия Цезаря: «Никакая победа не принесет столько, сколько может отнять одно поражение». Если рассматривать ситуацию в целом, ты проиграл.

И, смягчившись, добавила:

- Я стихи Бориса Рыжего достала, почитай. Созвучно твоему нынешнему мироощущению.

Взяв у матери журнал «Знамя», Вилкин молча улегся на диван.

Утром, купив по дороге номер газеты со злополучной статьей Карамановой, Вилкин поехал в Юразовский офис. Настроение было прескверным: давно он не чувствовал себя так мерзко. Вспомнились слова Кати Спириной, назвавшей его когда-то «режиссером марионеточного театра». Действия ведут не к цели, а к результату, часто отличающегося от задуманного. Сыщик никогда не задумывался о самочувствии тех, кого подминал каток его деятельности: возможно, потому, что это касалось людей, преступивших закон. А сейчас жертвами его плана оказались друг и любимая женщина. Вилкин представил, как читают сочиненные им скабрёзности родители Юразова, его семья, знакомые, - и покраснел от стыда.

Зайдя в кабинет Юразова, сыщик удивился, застав своего друга в ровном деловом настроении.

- Ознакомился с этой пакостью? – Юразов кинул газету на стол перед Вилкиным. – Петренко готовит заявление в прокуратуру о возбуждении уголовного дела на Караманову за клевету и гражданский иск о возмещении морального вреда. Такую сумму взыщу, что до смерти не рассчитается.

- Вот как?! – ошеломленно выговорил Вилкин. Он понял, что Юразов не догадывается о роли сыщика в публикации статьи, приписывая все проискам Тютюнова. – У меня просьба: вместо суда и прокуратуры подготовить обычное опровержение.

-Почему? – изумился Юразов, потом тихо произнес:

- Я забыл, что Караманова – твоя бывшая супруга.

Встав из-за стола, Юразов прошелся по кабинету, напряженно раздумывая, потом вернулся в кресло и, глядя на сыщика, взволнованно сказал:

- Валера, это мой последний шанс попасть в Верховную Раду. Мажоритарную систему уберут, время независимых депутатов заканчивается. В Украине сформировались промышленно-финансовые кланы, их интересы будут представлять созданные на их деньги могучие партии. К следующему избирательному периоду такие, как я – выходцы мелкого и среднего бизнеса, не говоря уже об интеллигенции и служащих - из политики будут изгнаны. Я не имею права простить Караманову, я должен ее растоптать, чтобы показать свою значительность. Это фактор имиджа. Получив по физиономии, сильный человек дает сдачу, а слабый бежит жаловаться милиционеру. Оправдательный лепет в газете вызовет насмешки. У меня нет выхода.

- Есть! – Вилкин старался говорить спокойно. – Ты остался без политехнолога, я хочу его заменить. Клянусь: я добуду победу, только не трогай Инессу!

- Даже так?! – Юразов с интересом посмотрел на побледневшее лицо сыщика, задумался. Подняв голову, спросил:

- В случае проигрыша компенсируешь убытки?

- Да. Составим договор: машина, имущество, дом станут залогом.

- Круто! – Юразов неожиданно улыбнулся. – Я таким только один раз тебя помню: когда в школе за Галку из параллельного класса вступился и подрался с городским призером по боксу Ленькой Манжулой. Конечно, он тебя отлупил, но Галку трогать перестал. Готовь договор!

- Спасибо! – поднявшись, Вилкин пожал руку Юразову и отправился в агентство.

Составив договор, Вилкин подписал его у Юразова и заехал по двум адресам, заключив соглашения, что специализированная фирма в течение двух дней проведет социолого-экономическое исследование Красноармейского округа, а остроумнейший журналист Крыма Сергей Иванов подготовит насмешливое опровержение Инессинной статьи.

- Детектив в роли политехнолога... – недоверчиво качала головой Анна Николаевна, кормя сына обедом. – Чувствую, что через месяц я окажусь в доме престарелых, а ты превратишься в лицо без определенного места жительства. У тебя нет опыта подобной работы.

- Зато есть знание истории, - допив компот, Вилкин с удовольствием потянулся и встал из-за стола. – Царь Соломон прав: нет ничего нового под солнцем. Я использую применительно к современности те идеи и принципы, которые во втором веке до нашей эры позволили римлянам победить Ганнибала. Этого должно хватить.

Поцеловав мать, сыщик поехал в Красноармейский округ, где, определив машину на стоянку, до вечера бродил между домами, общаясь с населением,

стоял в очередях, торговался на маленьком местном рынке. Таким же образом прошел у сыщика и следующий день: только ближе к вечеру он посетил специализированную фирму, где, выложив из собственного кармана солидные деньги, получил подробный социолого-экономический анализ Красноармейского округа.

- Иванову ты тоже из своих гонораров заплатил? – спросила за ужином Анна Николаевна.

- Конечно: завтра должна статья появиться. Наказываю себя за небрежность в работе. Кузьмичева можно было вычислить другими методами, не столь болезненными. Я поленился думать и торопился избавиться от неприятного мне дела.

Опубликованная в газете статья Иванова заставила хохотать весь Крым: в ней описывались потуги слабоумного кандидата в депутаты, вынужденного из-за отсутствия позитивной программы и ущербности мозговых извилин придумывать скабрёзные глупости о своих соперниках и забрасывать их офисы дымовыми шашками. Фамилии названо не было, но все понимали, что речь идет о Тютюнове. Об Инессе упоминалось только один раз: Иванов высказал предположение, что имя Карамановой использовалось без ее согласия или журналистку ввели в заблуждение.

Утреннее совещание у Юразова проводил Вилкин.

- Существует два метода ведения борьбы за депутатство, - объяснял он присутствующим. - Первый, самый распространенный – конкурс наподобие «мисс Украина». Кандидат в депутаты доказывает, что он умнее остальных, влиятельнее, может осуществить мечты и превратить воздушные замки в реальные. Свои усилия кандидат в депутаты направляет на определенную, наиболее многочисленную часть электората. Фотография Маргарет Тэтчер с теленком на руках в период предвыборной компании обошла все газеты мира, поспособствовав женщине впервые занять высший государственный пост в фермерской Англии. Ельцин сделал упор на улицу, - и та его выбрала. Даже Жириновский с его лозунгом «Каждой бабе по мужику, каждому мужику по бутылке водки, каждую бутылку по три рубля» имел шансы на успех.

- Но мы так и делаем: общаемся с избирателями, рассказываем, какую пользу Владимир Олегович принес народу и какую сможет принести, став депутатом, - воскликнул Петренко.

- Тупиковый путь. Тютюнов имеет громадные денежные средства, часть которых тратит на избирательную компанию. Он открыл общественные приемные, где нанятые им люди записывают жалобы населения и обещают их удовлетворить. Еженедельно инвалиды войны получают от него небольшой продуктовый паек. К тому же он местный, свой, а Владимир Олегович – приезжий.

- Русь всегда спасали варяги, - пренебрежительно заметил Петренко. – Не стал бы Тютюнов подсылать нам Кузьмичева и всячески вредить, если бы не боялся Владимира Олеговича.

- Он страховался: для стопроцентной уверенности.

- Слишком вы пессимистичны! – скривился Петренко.

- Извините, что я говорю, когда вы перебиваете, - улыбнулся Вилкин, - Но я вчера получил социолого-экономический анализ Красноармейского округа, где подсчитано: на сегодняшний день сорок процентов опрошенных собираются голосовать за Тютюнова, тридцать – за Юразова, пять процентов – за Варкутина и Чвагина. Двадцать пять процентов не определились.

- Неужели так плохо? – встревожено спросил Юразов.

- К сожалению. Поэтому Владимиру Олеговичу предлагаю второй путь: стать для избирателя товаром, настолько удовлетворяющим его интересы, что он купит его в день голосования.

- Объясняй, - потребовал Юразов.

- Тридцать процентов жителей Красноармейского округа имеют машины: а дороги в выбоинах, требуют ремонта. Необходима также охраняемая постоянная стоянка для машин. Улица Чупахиной, где проживают частники, второй год не может решить проблему газификации. Из трех детских садиков функционирует один: центральный садик купил в свое время за гроши Тютюнов и переоборудовал в кафе, а второй сдан под склад в долгосрочную аренду разоряющейся фирме, - его можно забрать. В единственный детский садик очередь на три года вперед, поэтому молодые мамы вынуждены находиться в долгосрочном декретном отпуске. Существовавшие ранее дворовые детские площадки поломаны, скамейки для вечернего моциона пенсионеров отсутствуют. Ночью улицы освещаются плохо, тротуары разбиты.

- Ты хочешь, чтобы я начал решать эти проблемы? – изумился Юразов. – Ты представляешь, какие нужны капиталовложения!?

- Расчеты произведены: вот они. Как видишь, в течение нескольких лет потраченные деньги возвращаются. А находящиеся в твоей собственности стоянка для машин, детский садик, строительная фирма продолжают приносить прибыль.

- Интересно! – Юразов и Вариотов занялись изучением расчетов, сделанных специализированной фирмой.

- И все равно моих денег не хватит! – Юразов с сожалением оторвался от бумаг с расчетами.

- Все деньги, которые ты предназначил на избирательную борьбу, бросим на социальные нужды Красноармейского округа. Я сниму свои деньги со сберегательного счета. И еще: добровольные взносы населения. Соберем автомобилистов, возьмем с каждого небольшую сумму на ремонт дорог. Жители будут рады помочь благоустроить свои дворы: отремонтировать тротуары, скамейки, детские площадки. Возродим идею субботников. Необходимо, чтобы ты трудился не только на них, но и вместе с ними.

- Что ж, попробуем! – решил Юразов. – Сделаем за три недели то, что исполком не сумел сделать за десять лет.

- Не обязательно все доводить до конца. Ко дню голосования нужно выполнить не более 45 процентов работы, тогда избиратель будет знать: если

депутатом станет Юразов, то мероприятия исполнятся, если Тютюнов – о них забудут.

- А что делать мне? – спросил Петренко.

- Откроете на территории округа общественную юридическую консультацию. Пенсионерам и безработным бесплатно, а остальным за мизерные деньги будете проверять правильность начисления пенсий, коммунальных платежей, давать юридические советы. Те, на кого наехала милиция, налоговая, другие контролирующие органы, должны найти в вашем лице своего защитника.

- А чем будешь заниматься ты? – поинтересовался Юразов.

- Работать на подхвате и создавать мечту. Нечто вроде того, что Красноармейский округ – лучший из миров, каждый житель этого округа – самый счастливый человек, а ты – наиярчайший его представитель в Верховной Раде.

К удивлению и удовольствию Вилкина, программу предстоящих действий все восприняли с энтузиазмом. Юразов, Вариотов и Петренко поехали на территорию округа искать место для строительства стоянки для автомашин, взятия в аренду помещения для общественной юридической консультации, а также для переговоров о выкупе здания бывшего детского сада. Вилкин тем временем посетил государственную телерадиовещательную компанию «Крым», где договорился о серии радиопередач с участием Юразова, составленных по принципу «бесед у камелька» Франклина Рузвельта в период его губернаторства в штате Нью-Йорк.

- Жизнь – это то, что случается с нами, пока мы строим планы, - Анна Николаевна задумчиво смотрела на обедающего сына. – Когда будешь отдавать деньги Юразову, оставь немного на текущие расходы, потому что моей пенсии может не хватить. Мне, кстати, из дома выходить можно?

- После разоблачения Кузьмичева я Тютюнову неинтересен, поэтому делай что хочешь.

- Уверен, что у вас получится?

- Нет неразрешимых проблем, есть неприятные решения, - закончив обедать, Вилкин отодвинул от себя тарелку. – В подобной ситуации оказался Франклин Рузвельт, когда, чтобы одолеть Великую Депрессию, начал внедрять «Новый курс», созданный для него талантливыми университетскими профессорами.

- Одна из гениальных идей: военные лагеря для безработной молодежи, - вспомнила Анна Николаевна. – Ребята жили в палатках и мостили дороги, за что их кормили и платили один доллар в день. И вместо «мяса» для преступных группировок появилось интересное поколение, преобразившее Америку, не говоря уже о великолепных дорогах. А превращение Голливуда в фабрику добропорядочных идеалов?!

- Рузвельт показал Америке, куда двигаться, а Голливуд воспроизвел это как американскую мечту, - резюмировал Вилкин. – Странная логика цивилизации: умные люди нужны только в период общественных

потрясений. Украина – не буратиновская страна дураков, она не пустая: есть люди достойные и думающие, но их не видно и не слышно. Зато полно государственных мужей, не понимающих, чем будущее может отличаться от прошлого.

- Действия, предложенные мной Юразову, отчасти примитивны и не совсем честны, - Вилкин поднялся из-за стола, готовясь уходить. – Но это единственная возможность кем-то стать и что-то сделать. В Украине отсутствует великая национальная идея, способная сплотить и повести людей. Языковая дилемма, тарифы, пенсии, зарплата – это обыденная жизнь государства, она не дает полета. А выборы: это надежда людей на другое завтра. Что придут новые люди или изменятся старые – и построят его. Я пытаюсь это осуществить в масштабах Красноармейского округа.

Следующие недели Вилкин жил непривычной жизнью. Изматывающие беседы с недоверчиво посматривающими на него людьми, работа с киркой и лопатой на субботниках, вытягивание нужных бумаг из чиновников, - с одновременным радостным чувством причастности к чему-то нужному, важному: потому что часть дорог была заасфальтирована, а выкупленное здание детского садика обросло строительными лесами, малыши игрались в новеньких песочницах и катались на каруселях, а старушки важно посиживали, обсуждая Юразовские мероприятия, на свежевывкрашенных скамейках.

- На телевизионные теледебаты Юразов взял с собой не доверенных лиц, а представителей округа, – рассказывал Вилкин за поздним ужином Анне Николаевне. - И после рассказней Тютюнова о внедрении им русского языка и клятв добиться улучшения народного благосостояния Юразов начал показывать на схемах, что сделано и что сделают в ближайшее время и какие проблемы округа это устранил. Тютюнова чуть кондрашка не хватила. Пытался что-то вякать, но одна из мам – с близнятами сидеть вынуждена, из-за чего работу теряет, - припомнила ему, как он центральный садик для своего кафе забрал. Ниже плитуса Тютюнова опустила.

- А Варкутин и Чвагин какую-то угрозу представляют?

- Нет. У Варкутина избирательная программа построена на реформе законодательства. Для ученой аудитории это интересно, но обыкновенному человеку непонятно. А Чвагин занимается разоблачениями, не понимая, что люди боятся носителей черного пиара. Кандидат в депутаты, рассказывающий о соперниках как о ворах и проходимцах, напоминает ругающего начальство пьяного грузчика: его слушают, но обходят стороной.

До дня выборов оставались сутки, когда Вилкин и Юразов, уставшие после изнуряющего рабочего дня и заключительного вечернего совещания, где участвовали представители населения округа, сидели вдвоем в Юразовском кабинете и пили пиво.

- До сих пор не верится, что в такой короткий срок столько сделано, - сделал глоток, Юразов с довольным видом откинулся на спинку кресла. – Вариотов и Петренко тоже старались, но ты работал больше всех. Исхудал, круги под глазами, - представляю, как Анна Николаевна меня ругает!

- Пустое! – лениво ответил сыщик. – Чувствую, что буду жалеть об этих днях. Есть нечто высокое в коллективной работе на благо других!

- Я сейчас в округ приезжаю, как к себе домой, - улыбнулся Юразов. – Все здороваются, советуются, просят в чем-то помочь. Словно я уже депутат и обладаю полнотой власти.

- В твоём избрании никто не сомневается, даже Тютюнов. Что-то он замолчал, затаился. Боюсь, не готовит ли какую-нибудь пакость.

- Что он может?! – пренебрежительно заметил Юразов. – Ты его разложил на обе лопатки. Я, Валера, очень тебя уважаю! И не только за то, что ты для меня сделал, но и за то, что живешь в соответствии со вчерашними принципами, а не сегодняшними обстоятельствами. Из одноклассников ты единственный, включая и меня, кто не испохабился и не стерся, принаравливаясь к требованиям подлого времени.

- Если разговор зашел о моих принципах, - нерешительно проговорил Вилкин. – Ты знаешь, кто подготовил документы, на основании которых Инесса написала свою статью?!

- Догадался, - усмехнулся Юразов. – Это то, что украл Кузьмичев из твоего дипломата. И я этому рад, потому что иначе никакие коврижки не заставили тебя проталкивать меня в депутаты.

Разговор прервал резкий телефонный звонок.

- Да, это я, - подняв трубку, ответил Юразов собеседнику. – Что-о-о! Да я тебя!.. Что? Каким образом, она у соседей... Негодяи! Дайте с ней поговорить.

Глядя на побледневшее лицо Юразова, сыщик понял, что случилось несчастье.

- Леночка, как ты? Тебя не обижают? Не волнуйся, доченька, завтра тебя отпустят! Целую тебя, мой цветочек! Дай трубку дяде! – и, помолчав, глухо сказал в трубку:

- Я согласен! Но если с ее головы хоть один волос упадет, то я... Да, понимаю!

Юразов бессильно опустил трубку на рычаг и застыл, невидяще глядя перед собой.

- Украли дочку? Требуют снять свою кандидатуру в депутаты? – требовательно спросил Вилкин.

- Да! Утром напишу заявление в избирательную комиссию, после принятия положительного решения комиссией дочку отпустят.

Юразов невесело усмехнулся:

- Вот и ответ Тютюнова! Столько сил, денег – и все на ветер!

- В милицию звонить запретили? – спросил Вилкин.

- Естественно! Не вздумай ничего затевать! Девочке семь лет, пусть все произойдет спокойно, без стресса для нее. Деньги тебе и Вариотову я постепенно верну, не беспокойся!

Юразов встал из-за стола:

- Потороплюсь домой, жену успокаивать: узнает, что дочку с празднования дня рождения соседской девочки якобы ко мне увели, - наделает глупостей!

Распрощавшись с Юразовым, Вилкин поехал в агентство, раздумывая, что предпринять. Сталкиваясь с людьми, чьей профессией является грабеж и насилие, не умеющими производить, зато ненасытными в потреблении, сыщик испытывал ярость, подобную той, которая толкает мангуста на схватку со змеей.

Почему Тютюнов, чья сила держится на крови и слезах более слабых, уверен в своем праве творить зло, убежден в безнаказанности?

Остановившись возле телефона-автомата, сыщик позвонил Саше Свидлову, с огорчением услышав, что тот в составе оперативной группы по розыску убийцы отправлен в командировку в Керчь. Исчезла единственная надежда услышать разумный совет и, возможно, получить существенную помощь.

Остановив «Фольксваген» возле агентства, сыщик в сгущающейся темноте направился к входной двери – и остановился, приняв боевую стойку: вынырнув из-за угла, кто-то бежал ему наперерез.

- Валера, это я! – Вилкин узнал голос Инессы.

- Боялась звонить: твои телефоны прослушиваются, - запыхавшись, объяснила Инесса. – Тютюнов почему-то тебя побаивается.

- Что случилось? Тебя выгнали с работы?

- Я решила уйти сама: завтра сообщу Тютюнову, - сердито произнесла Инесса. - Ты был прав, предупреждая... Но здесь не поэтому. Случайно я узнала, где девочка.

- Дочь Юразова?

- Да. Я в аллее Тютюновской усадьбы за кустами сидела, смотрела, как звезды на небе появляются. Внезапно машина рядом останавливается: в ней три человека и плачущая девочка. Я их вижу, они меня – нет. Отчего-то беспокойно стало, затаилась, жду, что дальше будет. Выходит из дома Тютюнов, велит водителю ехать в дом лесника Сероштана в Черепановском лесничестве, переночевать, а утром после телефонного звонка привезти девочку в Симферополь и выпустить из машины возле Юразовского офиса. Если нагрянет милиция, то девочку из домика Сероштана уводить в лес, потом выйти на связь с Тютюновым. «Если Юразов обманет, то как обычно?» - водитель спрашивает. «Конечно! – Тютюнов говорит. – Каньонов в горах хватает».

- Я едва не закричала! – возбужденно продолжала Инесса. – Всех хорошо знаю: и вдруг такое услышать! Но сдержалась, подождала, пока машина уедет, а Тютюнов вернется в дом, и к тебе помчалась. Поняла, что киндэппинг. В милицию идти бесполезно: там вся верхушка вторую зарплату у Тютюнова получает.

- Не вся, но некоторые - определенно, - согласился Вилкин. – Как проехать к Сероштану, знаешь?

- Да, я там была. Это по дороге на Ялту, я покажу.

- Подвезу тебя домой, дальше поеду один. Затея слишком опасна, женщине в ней участвовать нельзя.

- Напрасно так думаешь! – сверкнула глазами Инесса. – Я в долгу перед Юразовым. Он поступил со мной по-джентельменски, не выставил на позор из-за той статьи. От лесной дороги много ответвлений, ты в темноте заблудишься. Поехали, хватит болтать!

- Хорошо. Если что: в машине посидишь. А торопиться не следует: пусть бандиты поужинают, попьют водочки, лягут спать. И нам подкрепиться не помешает: я сегодня без обеда.

Посадив Инессу в машину, сыщик поднялся по ступенькам в агентство. Взяв из шкафа комплект одежды спецназа, достал из сейфа наручники, заряженную ракетницу, прибор ночного видения, десантный нож в ножнах и отнес все в машину.

- Откуда у тебя? – удивилась Инесса.

- Когда российские войска уходили из Крыма, то прапорщик, заведовавший складом, даже БТР предлагал. К счастью, денег не хватило, а то бы точно купил. А спецназовское одеяние Свидлов на день рождения подарил.

Из ближайшего телефона-автомата позвонили родителям. Вилкин объяснил Анне Николаевне, что его до утра не будет, и попросил, если кто-нибудь позвонит, отвечать, что сын спит. Инесса сказала отцу, что гуляет на вечеринке у подруги и у нее переночует.

Подъехав к кафе, быстро поужинали и отправились в путь. Проехав улицу Киевскую, машина по кольцу свернула к Ботаническому саду и устремилась дальше. Гудел, убаюкивая, мотор, мелькали дома с желтыми огоньками окон.

- Как часто нас сводит судьба! – задумчиво сказала Инесса. – Какие-то безобразные ситуации, в которых участвуешь ты, – и куда обязательно впутываюсь я. Часто обо мне вспоминаешь?

- Да, - произнес Вилкин, не глядя на Инессу. – Оказывается, можно выкинуть человека из головы, но не из сердца. И еще я понял, что мечтать можно даже о том, о чем нельзя думать.

- Сам виноват! По отношению к тем, кого любишь, не следует быть всегда правым. В моем замужестве порой казалось, что живу не с человеком, а с кодексом строителя коммунизма. Ты не умеешь давать женщине то, чего она хочет.

- Сделать женщину счастливой легко, только порой очень дорого, - выехав за городскую черту, сыщик увеличил скорость. – И не всегда законно.

- Ну и что? – усмехнулась Инесса. – Мужчина должен уметь зарабатывать деньги для семьи: пусть и не всегда честно.

- «Кто хочет разбогатеть в течение дня, будет повешен в течение года», - это произнес Леонардо да Винчи. Прошли века, но эти слова по-прежнему справедливы.

- Скажи об этом Тютюнову и ему подобным! – фыркнула Инесса. – Ты трус и слюнтяй, мамочкин сынок! Для тебя жена - это любящее тебя

устройство для работы по дому, - не более! Раньше с тобой возилась я, сейчас – Анна Николаевна. Здесь поворот влево: нам туда.

Уменьшив скорость, сыщик свернул на узкую проселочную дорогу.

- Сколько до лесничества? – спросил Вилкин.

- Километров пять, - помолчав, Инесса смущенно произнесла:

- Извини: была чересчур резкой! Часто мысленно с тобой разговариваю, спорю: вот и накопело. Ты протиснулся в мою судьбу непонятным образом и пытаешься в ней остаться: я этого не позволю. Даже видеться с тобой не хочу!

- Понимаю, - вздохнул Вилкин. - Женщина с будущим должна избегать мужчин с прошлым. Все, приехали!

Остановив машину, Вилкин включил заднюю скорость и, поворачивая руль влево, медленно сдал назад, загоня «Фольксваген» в просвет между деревьями. Открыв дверь, выбрался наружу и, оглядевшись, удовлетворенно сказал:

- Если кто-то будет проезжать по дороге, то машину не увидит. Посиди, я возле багажника в спецкостюме переоденусь.

- А почему здесь остановились? До лесничества еще километра полтора, не меньше.

- Уверен, что дозорный дежурит в машине на дороге метрах в семистах от лесничества. Чтобы, если милиция нагрянет, успеть дать сигнал о бегстве остальных вместе с девочкой в лес.

- В лесничестве две овчарки, во двор не проникнешь.

- Учту!

Переодевшись в спецназовскую одежду, Вилкин прикрепил к поясу нож, резиновую дубинку, несколько штук наручников, надел на голову прибор ночного видения.

- Ухожу! Жди меня здесь!

- Ничего подобного! – Инесса быстро выскочила из машины. – Я одна не останусь, мне страшно!

- Понятно! – Кивнул головой Вилкин. – Не было у бабы хлопот, купила порося! Идем! Только учти: мои команды выполнять мгновенно и беспрекословно!

- Слушаюсь, товарищ командир!

Шли молча. Дорога тянулась между деревьями пыльной извилистой лентой. Лес пугал и притягивал темнотой, живя непонятной для путников ночной жизнью. Дурманил запах травы и цветов; сквозь закрывшие звезды облака изредка прорывалась луна. Инесса несколько раз пыталась заговорить, но, когда Вилкин пригрозил заткнуть рот ее же чулком, обиженно замолчала.

По мере приближения к лесничеству Вилкин двигался осторожнее, часто останавливался, всматривался вперед.

- Точно: машина впереди! – Вилкин обернулся к Инессе и шепотом приказал:

- Сядь возле дерева и замри! Потом за тобой приду!

Погрозив пытающейся возражать Инессе кулаком, сыщик скользнул в гущу деревьев и медленно, стараясь не наступить на сучки, направился рядом с обочиной дороги в сторону дозорного. Последние тридцать метров сыщик преодолел ползком и, устроившись неподалеку от багажника джипа, стал ждать, когда дозорный оставит сиденье машины для разминки или туалета. Время тянулось долго и сыщик начал уставать от ожидания, раздумывая, что предпринять, как вдруг дозорный насторожился и с ракетницей в руках выскочил из джипа.

Послышался стук каблучков и в темноте показался женский силуэт, идущий к лесничеству.

«Дура! Ее же узнают!» – молча чертыхнулся Вилкин, приподнимаясь с земли.

- Эй, приятель! Я в Турцию правильно иду?! – вежливо спросила путешественница.

Ответить дозорный не успел: прыгнув на него со спины, сыщик ударом резиновой дубинки по голове привел бандита в бессознательное состояние. Заведя ему руки назад, сковал их наручниками, а вытащенным из кармана скотчем заклеил рот. Подняв с земли ракетницу, положил ее на капот; туда же отправил вытащенный из кармана бандитского пиджака пистолет. Ввалив бандита на плечи, отнес в сторону от дороги, свалил за кустами орешника и вернулся к джипу.

- Откуда это? – подошедшая Инесса с любопытством уставилась на поблескивающие при лунном свете пистолет и ракетницу.

- Даже у самого плохого человека можно найти что-то хорошее, - если его обыскать, - пояснил Вилкин. –Тебе бы тумачков надавать, но некогда. Как стрелять из пистолета и ракетницы, я когда-то тебя учил. Остаешься в машине. Ровно через час выстрелишь из ракетницы вверх, потом, имитируя перестрелку, расстреляешь облака.

- А ты?

- Обойду хутор по кругу, чтобы собаки не учуяли. Когда поднимешь шум, бандиты девочку с тыльной стороны дома в лес поведут. Там я их и встречу. Все, я пошел.

Даже прибор ночного видения не помог, когда дорогу сыщику пересек овраг, а потом ручей с ледяной горной водой. Цепляясь за кусты и поднимаясь по очередному склону, сыщик торопился, опасаясь, что не успеет выйти на исходную позицию. Если он не угадал маршрут, по которому пойдут бандиты, то по его вине погибнет дочь друга.

Ракета, шипя, взвилась в воздух, когда сыщик, взобравшись на ветку большого дуба с тыльной стороны хутора, сидел, стараясь отдышаться. Залаяли собаки; после выстрелов на хуторе начался переполох. Минут через десять в приборе ночного видения мелькнули три фигуры: две большие и одна маленькая. Бандиты уводили Леночку через запасную калитку в заборе. Прикинув, где удобней устроить засаду, сыщик быстро спустился с дерева.

Беглецов было слышно издалека. Девочка плакала, не хотела идти; самый высокий из бандитов тащил ее за руку и шепотом угрожал. Второй

бандит, отстав, шел сзади, держа в руках пистолет и оглядываясь по сторонам. Подождав, пока низенький бандит минует дерево, за которым лежал сыщик, Вилкин привстал и, прыгнув на спину бандита, оглушил того резиновой дубинкой, одновременно зажав рукой рот. Прижав обмякшее тело к себе, сыщик опрокинулся назад, в сторону от тропинки, где, мягко приземлившись спиной, перекинул бандита через себя на траву и затаился.

Вероятно, высокий что-то услышал. Остановившись, он обернулся и замер, пытаясь понять, что произошло. «Вован, ты где?» - негромко крикнул высокий и, не дождав ответа, достал свободной рукой из кармана фонарик и включил, осветив лежавший на тропинке уроненный низеньким пистолет. Понимая, что девочка по-прежнему в руках бандита и его нельзя пугать из-за непредсказуемой реакции, сыщик застонал, давая воображению бандита удобное объяснение.

- Упал, что ли? – с облегчением в голосе спросил высокий. – Чертова темнота! Сейчас помогу.

Таща девочку за собой, высокий вернулся назад и, нагнувшись поднять пистолет, получил удар по голове.

- Не бойся, я от папы, - перехватив руку девочки, ласково сказал сыщик, снимая прибор ночного видения. – Я – дядя Валера, помнишь?

- Да! – прошептала девочка, видевшая Вилкина в Юразовском офисе. – Мы к маме пойдем?!

- Конечно! Подожди минутку.

Зашвырнув бандитские пистолеты вглубь леса, сыщик сковал их владельцев наручниками, заклеил рты скотчем и, подхватив девочку на руки, поспешил знакомым путем обратно.

Вилкин никогда не узнал, что заставило собак лесника пуститься по его следу. То ли заподозрил что-то Сероштан, то ли овчарки, почуяв присутствие чужака, решили «разобраться» с нарушителем их владений, но сыщик услышал приближающийся лай, когда с девочкой на руках выбирался из оврага. Ускорив шаги, сыщик взобрался наверх и огляделся. Подсадив Лену на толстую ветвь большого дерева, велел крепко держаться за ствол и ничего не бояться. Подняв с земли увесистую палку, взял в другую руку резиновую дубинку и подошел к краю оврага, где покатый склон не позволял собакам совершить прыжок. Охотничий нож сыщик оставил в ножнах: он не собирался убивать собак, натасканных для охраны дома и травли крупной дичи, хотя и понимал, что при неблагоприятных обстоятельствах овчарки могут загрызть его насмерть.

Подбадривая друг друга лаем, свора приближалась, показавшись вскоре на противоположной стороне оврага. Рассматривая собак через прибор ночного видения, сыщик чертыхнулся, помянув недобрым словом арифметическую грамотность Инессы: овчарок было не две, а три.

- Дядя Валера, мне страшно! – крикнула сзади Леночка.

- Мне тоже, - пробормотал сыщик и, обернувшись, весело сказал:

- Не бойся, Леночка, я с тобой! Сейчас с собачками в войну поиграю и пойдем дальше!

Нужно было менять план боя. Неподалеку от дерева, на котором перепуганным птенцом сидела Леночка, сыщик еще раньше заметил глубокую яму, образовавшуюся на месте вырванного бурей с корнями дерева, а затем углубленную дождями. Подобрал еще одну палку, сыщик стал спиной на краю ямы, положил подобранную палку на ступню правой ноги и стал ждать нападения.

Выскочив из оврага, собаки храбро помчались к сыщику. Две овчарки вырвались вперед, третья слегка отстала. Подпустив их вплотную, сыщик швырнул ногой палку в морду ближайшей собаки, заставив ту отпрянуть в сторону. Сунул в пасть прыгнувшей собаки резиновую дубинку и, когда собака впилась в дубинку зубами, дернул ее на себя. Разворачиваясь боком, разжал руку. Так и не выпустив из пасти дубинку, овчарка, пролетев мимо сыщика, рухнула в яму. Достав в прыжке отставшую овчарку, сыщик ударил ее деревянной палкой по хребту. Взвизгнув, овчарка метнулась назад, зато другая, прыгнув сбоку, вцепилась сыщику в ногу. Охнув от боли, Вилкин выхватил нож и полоснул овчарку по ноздрям: этого оказалось достаточно, чтобы овчарка, разжав зубы, метнулась в кусты. Поле боя осталось за сыщиком: первая овчарка глухо выла в яме, остальные держались поодаль.

Прихрамывая, сыщик подошел к Леночке, пересадил ее с дерева на плечи и поплелся к машине. Собак Вилкин не опасался, – «дичь» оказала сопротивление и овчарки, полаявая, держали дистанцию, – но болела, сочась кровью, укушенная нога, да и Сероштан мог нагряться на шум, поэтому, стараясь не стонать, Вилкин убыстрял шаги. К счастью, до машины было недалеко; увидев, что число врагов увеличилось, собаки замолчали и побежали обратно.

- Наконец-то! – Инесса метнулась навстречу Вилкину. – И Лена с тобой! Слава Богу!

- Посади ее в машину, – осторожно сняв с плеч девочку, сыщик передал ее Инессе. – Она сонная и усталая. Включай зажигание, я пленного доставлю.

Дойдя до кустов орешника, где извивался, пытаясь освободиться, очнувшийся от удара бандит, сыщик схватил его за плечи и потащил волоком к джипу. Открыв багажник, приподнял и сунул туда живой груз.

- Зачем он тебе? – спросила Инесса, когда сыщик, скрипя зубами от боли, забрался на заднее сиденье и сел рядом с Леночкой.

- Трофей на память! Повешу на стенку и буду гостям показывать!

- У тебя проблемы с ногой? Ушибся? – Инесса включила скорость и направила машину прочь от вновь уснувшего лесничества.

- Собака укусила.

- Животные умеют отличать плохих людей от хороших, – злоратно констатировала любимая женщина. Доехав до «Фольксвагена», затормозила:

- Перебираемся?

- Только я. Леночка заснула, не будем будить. Поедешь на джипе за мной.

Начинался рассвет, когда путешественники въезжали в Симферополь. Остановившись у телефона-автомата, сыщик узнал у Инессы имена бандитов, номер телефона их хозяина и позвонил Тютюнову.

- Кто это? – после длительных гудков раздался сонный голос Тютюнова.
- Вилкин. Детективное агентство «Аргус». Я только что от Сероштана с добычей.
- Что за добыча? – осторожно спросил Тютюнов.
- Кроме девочки, джип с Федькой Банкиным в багажнике и Вован с Кудлатым в укромном месте. Предлагаю обмен.
- Что хочешь!
- Мир для меня и Карамановой.
- Для тебя – понимаю, при чем тут журналистка? Или она на хутор навела?
- Скажем так: ее вынудили обстоятельства и я.
- В трубке помолчали. Потом Тютюнов с интересом спросил:
- Торг затеял: меня боишься?
- Деньги надо зарабатывать, отвлекаться не хочу. Учти: ты тоже в уголовном деле по киндэппингу надолго завязнешь.
- Хорошо: договорились! – решил Тютюнов. – Ушлый ты: жаль, не в моей команде! Где ребята?
- Рассказав о местонахождении пленных, Вилкин повесил трубку. Правая штанина пропиталась кровью; дотащившись до своей машины, Вилкин велел Инессе вместе с девочкой пересесть в «Фольксваген». Оставив джип с Банкиным в багажнике возле телефона-автомата, довез Инессу и Лену до Юразовского дома, высадил их и поехал в «Скорую помощь».
- ...После двух недель, проведенных в больнице, Вилкин с удовольствием разлегся на любимом домашнем диване. Обрадованная выздоровлением сына, Анна Николаевна суетилась, соблазняя различными лакомствами:
- Юразов виноград и персики привез: не пойму, где достал?! А это от Инессы: пирожки с печенкой. Помнит, что ты их любишь! Она так часто к тебе в больницу бегала: может, все у вас наладится?
- Когда счастья много – это удачная обыденность, - задумчиво сказал Вилкин. – Иногда, даже если люди любят друг друга, у них бывают разные мечты, разные цели. Жизнь Инессы и моя жизнь... насколько они сочетаются? Я в больнице много над этим думал... Как дела у Юразова?
- По уши в депутатских хлопотах... В течение месяца собирается закончить мероприятия в Красноармейском округе, которые ты с ним начинал.
- И вернется к отбиванию денег, потраченных на выборы. А бывшие избиратели опять окажутся никому не нужны. Причем Юразов – не самый худший вариант.
- Он говорил, что предлагал тебе должность помощника.
- Я отказался. Сыщик – единственная профессия, где я могу позволить себе не нравиться тем, кто не нравится мне. Смысл жизни придает только та работа, которую умеешь и хочешь делать.
- Для меня осталось загадкой, какое отношение имели Ганнибал и римляне к твоему плану выигрыша выборов?

- Сравнение по аналогии. Ганнибал имел непобедимую армию, талант полководца, ярость и месть за погибшего отца, страх перед Римом, который он шел покорять. Типичный базис завоевателя.

- Ты ставишь на одну доску военачальника Ганнибала и преступника Тютюнова?

- В рамках возникшей ситуации. Если человек в чем-то добивается успеха, - даже в плевках на расстояние, - он незауряден. Тютюнов создал собственную империю: с бандитской армией, финансовыми учреждениями, легальными предприятиями, связями. На тот момент он был для нас непобедим.

- И ты использовал идеи римлян. Какие?

- Верховенство права, чести, родины, семьи. Соседние государства, колеблясь между этими принципами и идеологией Ганнибала, носившей субъективный, неустойчивый характер, предпочли римлян, что и позволило победить Ганнибала. В одиночку римляне проигрывали.

- Вашими союзниками стали...

- Жители Красноармейского округа. Тютюнов одарял их крохами, забирая остальное. Мы возвращали украденное, защищали их интересы, удовлетворяли реальные потребности. Мы работали для них, предлагая строить судьбу не по воровским понятиям, а по общечеловеческим принципам, - причем сегодня, а не завтра. Поэтому получили поддержку.

- Депутаты избраны - и все возвращается на круги своя, - грустно произнесла Анна Николаевна. - Правильно говорил Отто Бисмарк: «Никогда столько не лгут, как во время войны, после охоты и до выборов».

- Я не всемогущ, - отозвался Вилкин. - Подобно всем, живу тем, что приносит жизнь, и умру так, как придет смерть. Неси шампанское: все-таки мы победили!

КЛАД

Зайдя в помещение агентства, где он не был почти месяц, Вилкин с легкой досадой посмотрел на устилавшую комнату пыль, и, кивнув головой портрету певицы Пугачевой, с укоризной сказал:

- Не ожидал, Алла Борисовна, что вы такая замарашка! Чем тут занимались в мое отсутствие?! Не хотите веником потрудиться?!

Посмотрев на задумавшуюся певицу, понял, что надежды его напрасны, и, вздохнув, принялся за уборку. Сыщик домывал полы, когда в дверь деликатно постучали.

- Войдите! - крикнул Вилкин, разгибая спину.

В комнату вошла красивая брюнетка в строгом деловом костюме. Увидев стоявшего со шваброй в руках Вилкина, вежливо спросила:

- Извините, где найти детектива Вилкина?

- Проходите и садитесь, - предложил сыщик, отметив странный акцент девушки. - Закончу уборку и помогу вам искать.

Вытерев подошву туфель о мокрую тряпку, посетительница прошла к столу и опустилась на стул. Вилкин обратил внимание, что, несмотря на плотное телосложение, двигалась она грациозно.

Вымыв пол, Вилкин отнес ведро и швабру в кладовку, привел одежду в порядок и, вернувшись в кабинет, уселся в кресло.

- Рассказывайте, что случилось?

С недоумением посмотрев на сыщика, девушка хотела что-то спросить, потом, догадавшись, улыбнулась:

- Вы едины в двух лицах?

- Даже в трех, если понадобится. Лев Толстой в свободное от литературы время рубил дрова, я осваиваю швабру. Что у вас?

- Вы слышали о геокэшинге?

- Смутно. Международная игра, где одни прячут, а другие отыскивают.

- Правильно. Я – Надежда Яковлевна Улагина, двадцать восемь лет, родом из Марселя, из семьи, как у вас принято говорить, белоэмигрантов. Преподаю в женском лицее русский язык и все свободное время посвящаю геокэшингу. Благодаря этому занятию побывала в Австралии, Южной Америке, Африке. Недавно французская автомобилестроительная компания «Ситоен» провела отборочный тур для поиска клада в Крыму. Одно из условий состязания: знание русского языка и культуры полуострова. В финал вышли три человека: я, Виктор Коноводов и Павел Заторин.

- Остальные тоже из белоэмигрантских семей? Странно!

- И меня это удивило. Тем более что Коноводов никогда геокэшингом не занимался, а Заторин – поскольку постольку. Да и возраст у них не игровой: Коноводову тридцать четыре года, а Заторину – около сорока лет. Единственное объяснение: желание побывать в Крыму и привлекательность приза. Основной клад содержит чек на новейшую машину «Ситоена» стоимостью в пятьдесят тысяч евро и пять тысяч евро размещены в промежуточных тайниках.

- Приличные деньги!

- Поиски сокровищ освещаются средствами массовой информации, для компании это очень выгодная реклама. Тем более случай особый: каждый из нас подписал юридический документ, что готов подвергнуть себя любому риску, даже связанному с угрозой жизни.

- А риск существует?

- Естественно! Приключения должны быть настоящими. По дороге к тайнику можно провалиться в охотничью яму или пещера обрушится, или еще что-нибудь. Читатели газет любят читать об острых ситуациях. Прошлым летом два геокэшера утонули, переправляясь на плоту через реку: это событие увеличило рейтинг компании-спонсора и тираж газет на десять процентов.

- Но я по другому поводу, - девушка внимательно посмотрела на Вилкина. – Мне нужен телохранитель.

- Зачем?

- Я и мои соперники три дня назад поселились в гостинице «Украина», поскольку – по данным спутникового приемника - первый тайник находится в Симферополе. Вчера днем нам объявили задание на первый этап, а во время ужина меня пытались отравить.

- Интересно! – Вилкин незаметно включил магнитофон.

- Не интересно, а отвратительно! – возмутилась девушка. – Еще светло было, решили поужинать в кафе "Селена" на открытой площадке. За столом сидели вчетвером: я, Коноводов, Заторин и Артур Домье - представитель "Ситоена", координирующий геокэшинг и ежедневно информирующий средства массовой информации о процессе поисках тайника. Домье сказал, что ужином угощает он, заказал официанту блюда. В кафе играла музыка, посетители танцевали, мы к ним присоединились. Тарелки с едой стояли на столе, иногда кто-нибудь из нас подходил к столу, пил минеральную воду или сухое вино и возвращался к танцующим. Минут через пятнадцать, пока еда окончательно не остыла, я и Домье сели ужинать, оставив Заторина и Коноводова у бара пить заказанное Домье пиво. Я стараюсь поддерживать физическую форму: съела два салата, а котлету решила отдать двум бродившим по кафе и выпрашивающим еду кошкам. Подозвала ближайшую: котлету кошка съела, мяукнула благодарственно и хотела дальше отправиться, как вдруг упала на пол в судорогах. Я крикнула официанта, но когда он пришел, кошка была мертва. Официант извинился, сунул кошачий труп в пакет и выбросил в мусорный ящик. Настроение испортилось, я взяла свою сумочку – она с момента прихода в кафе на ремешке на стуле висела – и попросила официанта вызвать такси. Мужчины остались в кафе, а я вернулась в гостиницу.

- Неприятный случай, - согласился Вилкин. – Но почему вы решили, что котлета была кем-то отравлена? Кошка могла умереть и по другим причинам.

- Я тоже так подумала, пока вечером не открыла свою сумочку и не нашла в ней вот это.

Девушка положила на стол миниатюрный шприц с остатками какой-то жидкости и бумажку с набранным на компьютере текстом: «В моей смерти прошу никого не винить. Надежда Улагина» на русском и, как понял Вилкин, на французском языке.

- Очень примитивно, - нахмурился сыщик, доставая из ящика стола целлофановый пакет. – Положите сюда: отдам на экспертизу. Но...

Сыщик с сожалением посмотрел на Улагину:

- Предложение о телохранителе принять не могу. В Уставе агентства «Аргус» данный вид деятельности отсутствует. Я провожу только розыскные мероприятия.

- Согласна, - кивнула головой Улагина. – Нанимаю вас отыскать того, кто пытался меня убить. Для удобства расследования и моего душевного спокойствия предлагаю стать моим компаньоном в поисках клада. Так часто в геокэшинге делают: нанимают аборигена, ориентирующегося в местности и культуре. Даже если не найдете убийцу, но поможете завладеть призом и

благополучно отправите во Францию, я отдаю вам десять тысяч евро. Договорились?!

- Заманчиво! – Вилкин встал, прошелся по комнате, вернулся в кресло. -

А почему в милицию не обратились?

- Толку мало, а вреда много. Начался бы скандал, "Ситоев" прекратил бы геокэшинг, пришлось возвращаться домой, зря потратив деньги на поездку.

- Логично. Хорошо, поедem сейчас к эксперту. После обеда жду вас здесь: разработаем план действий.

Эксперт подтвердил, что в шприце – остатки синильной кислоты. Единственные отпечатки пальцев, обнаруженные экспертом, принадлежали Улагиной.

- Чем ты еще не занимался, так это поиском клада, - разворчалась Анна Николаевна, кормя сына обедом. – Судя по исторической и художественной литературе, кладоискательство всегда связано с предательством и смертью. У нас так плохо с деньгами?

- Хуже некуда! Нулевой счет в банке, за аренду офиса платить нечем. Чтобы помочь Юразову, я даже твой пакет акций в «Рапсодии» продал. Возможно, к концу года Юразов что-то вернет, но до этого надо дожить.

- Понятно, - вздохнула Анна Николаевна. – «Гео» в греческом языке – земля, а «кэш» по-английски – тайник. Эта игра давно родилась?

- В 2000 году благодаря Биллу Клинтону. Американский президент отменил селективный доступ к орбитальным спутникам GPS и появилась возможность пользоваться GPS-приемниками, или навигаторами. Закладывается контейнер с сокровищами, в Интернете публикуются его координаты и сопутствующая головоломка. Кладоискатель – или геокэшер - задает эти координаты своему спутниковому приемнику и путешествие начинается. Навигатор показывает координаты с точностью до нескольких десятков метров, дальнейший поиск зависит от умения геокэшера разгадать головоломку.

- Впервые слышу о подобной игре.

- Незнаек геокэшеры зовут маглами. Игра очень популярна, только на сайте ее первого популяризатора Джереми Айриша из Сиэтла зарегистрировано около полумиллиона геокэшеров. Крымский геокэшинг, организованный «Ситоевом», имеет свои особенности: поскольку призовой фонд значителен, то путь к нему лежит не столько через навигатор, сколько через зашифрованные документы и опасные ловушки.

Анна Николаевна помолчала, вдумываясь в ситуацию, в которой оказался ее сын, потом спросила:

- Какие-то перспективы в деле есть?

- Пока только вопросы: что заставило трех представителей белоэмигрантских семей ринуться в Крымский геокэшинг? Пятьдесят тысяч евро или нечто иное? Наличествовала попытка отравления или Улагина врет? Если верно последнее, то неясна цель оформления меня компаньоном. При втором варианте загадочен Артур Домье: не затем ли оплатил всем ужин – неслыханный поступок для европейца! – чтобы инициировать в заказе

удобную для шприца котлету?! Почему на шприце и бумаге только одни отпечатки: ведь перчаток в кафе у геокэшеров не было? Последний вопрос: чем опасна для кого-то Надежда Улагина?

Когда Улагина приехала в агентство, Вилкин ознакомил ее с текстом договора, который она тут же подписала, и попросил представить его участникам геокэшинга в качестве своего компаньона. Договорились, что вечером Вилкин прибудет в гостиницу «Украина», а пока Улагина познакомила сыщика с заданием на первый этап: «Золотой Гатвердаг, 19,5 = 9, вода из еды, катар желудка, лондонский, утро, 100, ад, 50»

- Интересная головоломка! – сказал сыщик, переписывая задание в блокнот. – Сколько дней на разгадку?

- Три дня на каждый этап. Кто не уложился, – выбывает из игры. Болезни и прочие препятствия во внимание не принимаются. Если за три дня головоломка не разгадывается: Домье дает еще один день с подсказкой. Но тогда сумма приза уменьшается на двадцать пять процентов.

- «Ситоену» выгодно, чтобы клад не нашли?

- Только на последнем – третьем – этапе. Тогда Домье будет играть против нас. А пока он вполне объективен.

- Тот, кто первым находит...

- Переписывает задание и оставляет контейнер в тайнике для следующего участника. Если в контейнере есть деньги, то по условиям геокэшинга их забирает первый, кто разгадал головоломку.

- Какие-то наметки есть? Два дня осталось.

- Эта история с ядом так отвлекла... Что такое Гатвердаг? На карте Крыма подобного названия нет.

- Постараюсь выяснить.

Распрощавшись с Улагиной, сыщик поехал к Саше Свидлову, продолжавшему работать заместителем начальника уголовного розыска. Их разговор продолжался долго, более часа; Вилкин ушел, оставив друга в задумчивости.

Поработав в читальном зале библиотеки имени Франко над книгами, сыщик ближе к вечеру отправился в гостиницу «Украина». Отметив значительное улучшение антуража гостиницы после недавнего ремонта, поднялся на третий этаж в комнату, где проживала Улагина.

Вилкин так и не понял, что случилось. Открыв дверь, он наткнулся взглядом на стоявшую у окна девушку, прекрасную, как пушкинская царевна Лебедь. Что-то нежное и забытое тронуло его душу, и он замер, позабыв все слова, не отрывая взора от чудесного видения.

- Заходите, - послышался спокойный голос. – Вам плохо?

Словно пелена упала с глаз сыщика и он увидел повернувшуюся вполоборота и с удивлением его рассматривающую Надежду Улагину.

- Извините! – пробормотал Вилкин, проходя в комнату. – Почудилось.

- Нас ждут у Домье, - заторопилась Улагина. – Пойдемте, я вас представлю.

Трое сидевших в креслах мужчин были одеты обыкновенно, - и все же чувствовалось, что они из-за границы. Уверенные движения, готовый распахнуться в улыбке рот, чуть заметное превосходство цивилизованных людей, попавших в страну, где даже центральные улицы городов напоминают мусорные свалки, - и Вилкин напрягся: язычником среди католиков.

- Присаживайтесь, мсье, - на хорошем русском языке снисходительно предложил толстячок сорокапятiletнего возраста. - Меня зовут Артур Домье, а этих господ: Виктор Коноводов и Павел Заторин. Надежда говорила, что вы - ее компаньон в крымском геокэшинге. Правильное решение, надо сказать.

Соперники Улагинной оценивающе посмотрели на Вилкина, ответившего таким же изучающим взглядом. Коноводов - высокий, худощавый, с серыми глазами с длинными ресницами и аккуратно подстриженными темными густыми волосами, - разглядывал сыщика явно недоброжелательно, и Вилкин отчего-то подумал, что причиной этому не только соперничество в поисках клада, но и Улагина, к которой Коноводов, вполне вероятно, питал обычный мужской интерес. Зато Задорин - широкоплечий, с выпяченной нижней губой и скучающим выражением лица, - быстро потерял к сыщику интерес, видимо решив, что при желании поставит Вилкина на свою широкую ладонь и прихлопнет, как муху.

Совещание, из-за отсутствия новостей, длилось недолго. Спустились в бар; выпив рюмку коньяка, Вилкин распрощался с новыми знакомыми и отправился домой.

- Что случилось: никогда раньше, сидя за рулем, не пил! - встревожилась Анна Николаевна. - Чего тебя к коньяку потянуло?

- Сам не понимаю, - растерянно ответил Вилкин. - Дело какое-то странное. Вроде простое - и одновременно такая глубина чувствуется, что боюсь утонуть. Кстати, вот текст головоломки: «Золотой Гатвердаг, $19,5 = 9$, вода из еды, катар желудка, лондонский, утро, 100, ад, 50». Что скажет выдающийся специалист по шарадам и кроссвордам?

Анна Николаевна улыбнулась:

- Чтобы найти дорогу в гору, нужно обратиться к тому, кто по ней ходит, - не так ли? Только объясни, где гора?

Вилкин пожал плечами:

- Не знаю. Правила криптографии требуют, чтобы связь между исходными и зашифрованными данными не была заметна. В шифротексте не должно проследиваться статистических закономерностей: вроде тех, что стали ключом к разгадке в произведениях "Золотой жук" Эдгара По и "Пляшущие человечки" Конан Дойля. В середине двадцатого века в криптографии стали применять принцип Кирхгофа, определяющий шифр как параметризованный алгоритм, состоящий из процедурной части - какие операции и в какой последовательности производятся над текстом, - и параметров элементов (знаков), используемых в преобразованиях. Благодаря этому появилась возможность отчуждать ключ от системы шифрования и

хранить его отдельно. При разгадке ключа его меняют, не трогая остальной системы.

- Сомневаюсь, что здесь так сложно, - Анна Николаевна взяла в руки текст головоломки. - Геоэшеры – не разведчики со специальной подготовкой, а обыкновенные люди. Ключ должен быть примитивным, подобным шифру Юлия Цезаря. Помнишь по истории древнего Рима: полководец при переписке каждый символ заменял другим, отстоящим от него в латинском алфавите на фиксированное число позиций.

Анна Николаевна задумалась.

- Разгадку шифра начинают с определения знакового поля и способа его кодирования. У тебя есть по этому поводу какие-нибудь идеи?

- Улагина говорила, что одним из условий крымского геокэшинга было знание языка и культуры полуострова, - вспомнил Вилкин. – И она искала на карте, что такое "Гатвердаг".

- Значит: русский язык, история и краеведение, - подвела итоги Анна Николаевна. – Я позвоню профессору Сергееву, договорюсь, что утром ты к нему подъедешь.

- Спасибо, мамочка! – Вилкин поцеловал Анну Николаевну в щечку. – Ты ужином меня кормить будешь?

- Совсем забыла! – всполошилась Анна Николаевна. – Вымой руки и бегом за стол!

...Профессор Сергеев оказался добродушным старичком, после ухода на пенсию ставшим внештатным консультантом краеведческого музея.

- С "Гатвердагом" все понятно, - сказал он, изучая головоломку. – Это старинное название горы Чатырдаг.

- При чем здесь гора? – поразился Вилкин. – Первые слова шифровок обычно указывают размещение тайника: неужели он закопан на Чатырдаге?

- Торопитесь, молодой человек! – погрозил пальцем Сергеев. – Гатвердаг не простой, а золотой. А это обращает наше внимание на герб города Симферополя, предложенный его создателем фон Винклером местным властям 17 ноября 1844 года, в центре которого на золотом поле высился Чатырдаг. Этот герб заменил прежний, утвержденный в 1784 князем Потемкиным, когда архиепископ Таврической губернии Евгений Булгарис вместо татарского имени Ак-Мечеть – в переводе Белая мечеть, - предложил назвать город Симферополем, - "симферон" по-гречески – польза, "полис" – город, - а на гербе изобразить улей с пчелами и сверху написать: "Полезное".

- А я читал, что первая часть названия города связана со словом "симферо", что означает "собирать", - удивился Вилкин.

- Правильно, - усмехнулся Сергеев. – Существует и такая версия. Но вернемся к головоломке. Учитывая дату, когда появился герб с Чатырдагом, "19,5" может означать "девятнадцать с половиной веков" и тогда возникает вопрос: что подразумевается под знаком равенства и цифрой девять? Вы не могли бы навестить меня после четырнадцати часов: думаю, часть ребуса я смогу решить.

- Конечно, - обрадовался Вилкин. – Буду очень признателен!

Поколебавшись, Вилкин вместо агентства поехал к набережной Салгира и, облокотившись на парапет, долго смотрел на текущую воду. Летняя жара обнажила выступы дна, неторопливо огибаемый плывущим по течению мусором. Туристский сезон нагнал в город отдыхающих и Вилкин, слушая их праздный гомон, с удовлетворением отметил преобладание российского населения.

Мысли Вилкина текли столь же лениво, как вода. Сравнив Улагину и Караманову, отметил, что они чем-то похожи, искал мотивы попытки отравления, - и пришел к выводу, что Улагина о многом умалчивает. Правда может быть такой же собственностью, как кошелек: ее вынимают из сумочки по мере необходимости.

Энергия взгляда материальна – сыщик давно пришел к этому выводу, избегая, подобно японцам, смотреть в глаза прохожим. И сейчас, когда что-то словно укололо его в спину, он резко обернулся. Неподалеку от его "Фольксвагена" стоял, пристально глядя на сыщика, высокий широкоплечий человек с ястребиными чертами лица. Поняв, что его заметили, незнакомец повернулся и поспешил за угол дома. Секунду поколебавшись, сыщик бросился за ним и, выбежав на улицу, успел увидеть, как незнакомец садится на заднее сиденье черного "Мерседеса", тут же тронувшегося с места.

Пока сыщик добежал до "Фольксвагена", включал зажигание и вклинивался в поток машин, прошло минут пять и "Мерседес" исчез из зоны видимости. Направлялся он в сторону Куйбышевского кольца и Вилкин поспешил туда же. Двигало им отнюдь не любопытство. В туманном деле, за которое он взялся, среди благодушного и мирного общества наконец-то появились люди, ведущие себя подозрительно - и Вилкин торопился с ними познакомиться.

Расчет сыщика подтвердился: подъезжая к Куйбышевскому кольцу, он увидел, как "Мерседес", описав окружность, уходит в сторону Свободы. Вилкин увеличил скорость, обошел, ловко вращая рулем, несколько машин и устремился в погоню. Действия сыщика не остались незамеченными для преследуемых, которые тоже поехали быстрее. Слева промелькнуло здание кинотеатра "Звезда"; сыщик, обгоняя машины, был все ближе к "Мерседесу", и тут – Вилкин чертыхнулся и нажал на тормоз, - проезжую часть дороги начала перебегать одна из тех старушек, для которых правила уличного движения навсегда остались незнакомой книгой. Уклоняясь от столкновения, сыщик, тормозя, повернул руль вправо, потом, выравнивая "Фольксваген", закрутил рулем влево, - и с ужасом ощутил, что машина не реагирует на движения свободно вращающегося руля. Нажав на тормоз до отказа, Вилкин быстро выключил зажигание и ударил рукой по клаксону. Пронзительно сигналя, "Фольксваген" перевалил через бордюр, выскочил на тротуар и остановился в десяти сантиметрах от коляски с младенцем.

Вытерев со лба выступивший пот, сыщик вылез из машины, пробормотал извинение поднявшей крик матери младенца и, пройдя в ближайший магазин, позвонил в автомастерскую. Мастер приехал через полчаса, потратив почти столько же времени на ремонт.

- Кто-то вас сильно не любит, - выбравшись из-под "Фольксвагена", мастер протянул Вилкину две половинки поперечной тяги рулевого механизма. – Видите: тяга наполовину подпилена. Удивляюсь, что вы стоите передо мной, а не лежите в больнице или морге.

- Вот оно что! – Вилкин растеряно взял обломки тяги в руки. – Боже, благослови старушек! Если бы не нарушительница-торопыга...

Расплатившись за ремонт, Вилкин вернулся на набережную Салгира и внимательно изучил место, где ранее стоял его "Фольксваген". Да, вот они, металлические опилки... Надпилить поперечную тягу можно минут за пять, потом привлечь внимание Вилкина и заставить быстро ехать... Что ж, ловушку человек с ястребиным лицом придумал отменную. Кто он? И кем был управлявший машиной?

Заехав к Свидлову на работу, Вилкин рассказал ему о случившемся и, назвав номер "Мерседеса", попросил подключить к его поиску ГАИ. Позвонив дежурному милиции по городу, Свидлов удивленно хмыкнул и сказал:

- Машина с утра была в угоне.

- Почему "была"?

- Владелец недавно сообщил, что обнаружил ее возле дома: откуда ее, кстати, и украли.

- Значит, профессионалы, - задумчиво протянул Вилкин. – Во всяком случае: один из них. Пальчики снять можно?

- Попробую, - Свидлов опять сел за телефон. – Но скорее всего в машине все вытерто.

- Попытка не пытка! - поблагодарив друга за помощь, Вилкин поехал домой.

- Такая жестокость! – взволнованная Анна Николаевна, накормив сына обедом, встревожено бегала по комнате. – Бросил бы ты это дело, Валерочка!

- Чего от меня и хотят, - усмехнулся Вилкин. – Мама, это работа. С таким же процентом риска, как и во многих других профессиях. Судьбу не выбирают, - она выбирает нас.

- Все время за тебя тревожусь, - призналась Анна Николаевна. - Мне кажется, что мир состоит из домашнего уюта и - вне его, - свирепого хаоса, где происходят ужасные события. И откуда однажды принесут страшную весть... Твоя жизнь не должна оказаться краткой.

- Долгой бывает только несчастливая жизнь, - пожал плечами Вилкин. – Не волнуйся: все будет хорошо! Займись огородом, - а я поехал к Сергееву.

- Частично ребус разгадан! – обрадовал Вилкина профессор. – Территория Симферополя пронизана подземными водами, благодаря чему в период резиденции здесь калги-султана Крымского ханства город переполняли фонтаны. После присоединения Крыма к России часть фонтанов разрушили солдаты, часть пропала из-за отсутствия ремонта. К середине девятнадцатого века в Симферополе осталось только 9 фонтанов, из которых лишь один – фонтан грека Савопуло – сохранился до наших дней.

- Знаю этот фонтан, - кивнул головой Вилкин. - По преданию, слепой грек Апостол Савопуло 1 мая 1857 года стал зрячим благодаря промыванию глаз водой из родника, расположенного возле набережной Салгира. В благодарность за исцеление он соорудил на месте родника красивый фонтан.

- Правильно! – подтвердил профессор. – Причем выход источника он оформил в виде человеческого лица, изо рта которого вытекала вода. Позже маятник времени и человеческий вандализм уничтожили изображение, но симферопольцы продолжают навещать фонтан, наивно веря, что вода из него лечит катар желудка. Мало кто знает, что "Зеленка" расположена на месте старинного татарского кладбища, через которое и текут воды источника.

- Получается: тайник спрятан неподалеку от фонтана Савопуло. А остальная часть головоломки?

- Она не из области истории или краеведения. Придется вам, Валерий Александрович, обратиться к другим специалистам.

Поблагодарив профессора Сергеева – от денег тот категорически отказался, - сыщик поехал на встречу с Улагиной.

- Какая удача, что я взяла вас в компаньоны! – воскликнула Улагина, выслушав информацию Вилкина. Одетая в белую кофточку и черную юбку, она напоминала чрезвычайно привлекательную старшеклассницу. – Последнюю часть головоломки я разгадала, вызывает сомнение слово "лондонский". Нужно подъехать к фонтану, там сориентируемся.

Доехали быстро. Открыв дверцу, Вилкин помог Улагиной выйти из машины и, спустившись по ступенькам вниз, вывел ее к фонтану.

- Словом "утро" в некоторых головоломках обозначают восточную часть горизонта, - остановившись возле фонтана, объясняла Улагина сыщику. – Тогда цифра "100" – это расстояние от фонтана до какого-то предмета. Ад – это дно мира, он находится внизу. Цифры обычно имеют одинаковое значение, скорее всего: это сантиметры.

- Не вижу вокруг ничего, кроме деревьев, - озираясь, заметил сыщик.

- Выделяются среди них платаны, - присмотревшись, констатировала Улагина. – Это гибрид платанов западного и восточного, так называемый платан кленолистный, или лондонский. Нам нужен вон тот.

Улагина показала рукой на высившееся в десяти метрах к востоку от фонтана огромное дерево.

- Схожу к "Фольксвагену" за саперной лопатой, - с одобрением посмотрев на Улагину, сказал Вилкин. – Быстро вы ориентируетесь!

- Геоэшинг учит многому, - улыбнулась Улагина. Вилкин поймал себя на том, что любит девушкой, - и в панике поторопился к машине.

К удивлению Улагиной и досаде Вилкина, раскопки на восточной стороне платана ничего не обнаружили.

- Возможно, "ад" – это не только дно, но и тепло, то есть юг? – предположил Вилкин.

- Правильно: как я об этом не подумала?! – воспрянула духом Улагина. – Копайте!

Однако в вырытой яме вновь ничего не было.

- Вы не напутали с фонтаном? – пристально посмотрела Улагина на сыщика.

- Меня консультировал очень грамотный специалист, - задумчиво сказал Вилкин. – Что-то упущено... Зачем указывать, на какой глубине тайник? Думаю, 50 - это расстояние от платана.

Отступив от южной стороны дерева на пятьдесят сантиметров, Вилкин вонзил лопату в землю. К счастью для кладоискателей, никто из гуляющих по набережной на нарушение экологического равновесия не реагировал.

- Есть! – воскликнул Вилкин, когда лопата ударилась о нечто металлическое. Несколько энергичных движений, - и из ямы была извлечена шкатулка. Выхватив ее у Вилкина, Улагина, отодвинув маленький засов, быстро открыла шкатулку и, вытащив четвертинку листа, прочитала вслух: "Поздравляем! Следующее задание: "квадрат = три серебряных месяца; Мармарис; стража; решетка; между Аруна и Уицилопочтли, 150. Поощрение за находку: две тысячи евро".

Переписав задание, Улагина вернула его на место, вытащила из шкатулки деньги и, отсчитав тысячу евро, сунула их Вилкину:

- Это аванс. Заройте шкатулку и отвезите меня к Домье: необходимо его подтверждение подлинности текста. При многоэтапном геокэшинге бывают случаи, когда нашедшие тайник первыми меняют текст, направляя конкурентов по ложной дороге.

Забросав ямы землей, сыщик вместе со своей клиенткой отправились к "Фольксвагену". Вилкину казалось, что сейчас что-то должно случиться - вроде нападения или другой неприятности, - но никто не помешал их отъезду.

- Если Коноводов и Заторин после подсказок не обнаружат тайник, они выбывают из игры? – спросил Вилкин, сворачивая по кольцу к гостинице "Украина".

- Как решит Домье. Но – Улагина улыбнулась, - до этого не дойдет: вечером я продам им текст. Предупреждаю вас как компаньона и надеюсь на молчание.

- Вот как! – Вилкин с интересом посмотрел на Улагину и, въехав во двор гостиницы, остановил машину. – С вашего разрешения, я подожду результат здесь.

Безразлично кивнув головой, Улагина зашла в вестибюль, а Вилкин, откинувшись спиной на сиденье, застыл, о чем-то думая. Отсутствовала Улагина недолго: текст оказался аутентичен и Улагина попросила Вилкина заняться его расшифровкой, сообщив о результатах завтра после обеда. Заехав к Свидлову, Вилкин услышал, что, во-первых, официант кафе Сидоров, с которым беседовал участковый инспектор милиции, подтвердил факт отравления кошки, во-вторых, отпечатки пальцев в угнанной машине не обнаружены.

- Такое впечатление, что ты из детективов переквалифицировался в геокэшеры, - заметила Анна Николаевна, кормя сына ужином. – Почему ты не сказал Улагиной о человеке с ястребиным лицом? Не хочешь волновать?

- Не только. Информацию дают для получения определенного результата, чего я в данном случае не предвижу, - доев, Вилкин отодвинул тарелку в сторону. - Меня другое заинтересовало: почему Улагина не хочет избавиться от конкурентов, - учитывая, что один из них пытался ее убить?! Они для чего-то ей нужны: то ли для дымовой завесы, то ли у них есть нечто, интересующее Улагину.

- Какие-то идеи по этому поводу есть? – спросила Анна Николаевна.

- Что-нибудь из гегелевского учения помнишь? – встав из-за стола, Вилкин прошелся по комнате.

- Помню, что ужасно не любила его создателя, - созналась Анна Николаевна. – Диалектические категории, «дурная бесконечность», «нечто переходит в ничто и опять в нечто» - не для женской головы. Из-за Гегеля я, сдавая кандидатский минимум по философии, четверку с трудом получила. Перепутала самораскрытие Абсолютного Духа в пространстве с его же самораскрытием во времени: развитие природы со становлением цивилизации.

Прервав воспоминания, Анна Николаевна посмотрела на сына:

- Зато ты, к моему удивлению, в студенческие годы был от Гегеля в восторге. Даже на философский факультет МГУ собирался переводиться, - но роман с Инессой все остановил.

- Осенний бал, на который я случайно попал, - и колесо судьбы покатило в другую сторону, - Вилкин остановился, задумавшись. – Неудачники никогда не опаздывают, но всегда приходят не вовремя. Почему все беды в жизни мужчин появляются обычно в обличье привлекательной девушки? Эта Улагина: отчего меня к ней тянет?

- От одиночества, - вздохнула Анна Николаевна. – Фантазии плюс либидо - и начинаешь искать незнакомку. Иногда - на соседней улице, иногда - в прошлом веке... Но ты не договорил о Гегеле.

- В «Феноменологии духа» фигурирует понятие истины как процесса. Истина состоит не только из конечного вывода, но и пути к нему.

- Ты хочешь сказать, что сможешь разгадать сегодняшнее дело, вернувшись к его истокам?

- Да. Это тот случай, когда настоящее детерминировано прошлым. Свидлов по моей просьбе направил срочные запросы в Париж о геокэшерах и Домье: завтра получим ответы. Я позвонил бывшему однокурснику Славке Чанову: он представителем «Интера» во Франции работает. Не могу отделаться от мысли, что крымский геокэшинг для этой троицы – прикрытие, их интересует нечто другое. Но что?

Ночь прошла беспокойно: Вилкину снилось, что он, охваченный страхом остаться на берегу, лезет по швартовочному канату на переполненный людьми пароход с убраным трапом, вокруг слышится брань, крики, плач детей и женщин, на причале жалобно ржут лошади, среди которых – Вилкин помнил это отчетливо, – был его конь, единственный друг последних лет, которого приходится бросать, чтобы спастись самому. Руки судорожно перебирали канат, а душа рвалась обратно, на причал, и, не выдержав

сумятицы чувств, Вилкин отпускает канат и падает вниз, долго-долго, и, со стоном просыпаясь, вновь окунается в глубокий, как вода, сон.

Было девять часов утра, когда Вилкина разбудила Анна Николаевна:

- Вставай, завтрак давно на столе.

- Утро - часть суток, когда завидуешь безработным, - потянувшись, сказал Вилкин. – Человек проводит 30% жизни во сне, остальное время мечтает выспаться.

- Ты кричал ночью: давно такого не помню, - озабоченно произнесла Анна Николаевна. – Снилось что-то?

- Бегство... - Вилкин напряг память. – Да, из Керчи. Я был казачьим сотником и старался попасть на пароход. Сорвался и падал: долго, долго... Откуда это?

- Как пишут теоретики бессознательного, в снах к нам приходит то, что не достучалось днем, - задумалась Анна Николаевна. – В расследовании ничего с этими событиями не связано? Твой рассказ напоминает эвакуацию врангелевских войск из Крыма в ноябре 1920 года.

- Они тогда одновременно уходили из Евпатории, Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи, - припомнил из прочитанного Вилкин. – Сто сорок шесть тысяч военных и гражданских лиц на 126 судах, представляешь?! Причем из Керчи, если не ошибаюсь, эвакуировалась Кубанская казачья дивизия.

- Не ошибаешься, - поддержала сына Анна Николаевна. – Недавно статью в журнале читала: кубанцы опоздали на эвакуацию в Феодосию и пошли в Керчь, в результате чего керченские пароходы оказались перегружены, с минимальным запасом воды и продовольствия... Вставай, работать пора!

- А другие мамы берегут своих детей! – укоризненно воскликнул Вилкин. – Я давно подозревал, что ты – неправильная мама!

- Забочусь об обеспечении своей старости, - улыбнулась Анна Николаевна. – Опять к Сергееву поедешь?

- Придется! – вздохнул Вилкин. – Неудобно напрягать старика, но без него не разберусь.

- А Улагина занимается чем-нибудь или ждет, когда ты принесешь решение?

- Я видел у нее энциклопедию, справочники, карту, - припомнил Вилкин. – Но ты права: у нее отсутствует лихорадка поиска.

Прочитав привезенную сыщиком головоломку, профессор Сергеев задумался, потом медленно произнес:

- Вам нужно обратиться к другому специалисту, мне эти понятия ни о чем не говорят. Разве что "Уицилопочтли" – один из богов древних майя.

- Южная Америка – и Крым? – недоуменно пожал плечами Вилкин. – А с гербами ничего не связано?

- Нет, - твердо сказал профессор. – Я все помню. Хотя... Что означает квадрат?

- На Востоке - символ пустоты, - напряг память Вилкин. – У Пифагора, кажется, тоже самое.

- Пустота, то есть ничего - и знак равенства месяцам... - пробормотал профессор и, схватив одну из лежавших на столе книг, начал ее листать.

- Вот! – профессор торжествующе ткнул пальцем в открывшуюся страницу. – Головоломка указывает не на герб, а на его проект. В 1875 году создатель герба Российской империи Бернгард Кене подал на утверждение Александру Второму герб Карасубазара: в золотом щите зеленый пояс, обремененный тремя серебряными полумесяцами с рогами вправо и крымчацкими шапками сверху и снизу. Но царь герб не утвердил.

- Карасубазар, с 1944 года – Белогорск, - подытожил Вилкин. – Спасибо за помощь!

Положив на стол сто евро, сыщик, не слушая возражений профессора, попрощался, вышел из кабинета и отправился в библиотеку. На выяснение необходимых сведений хватило двух часов; остальное дообеденное время сыщик провел у Свидлова, изучая полученную от французской полиции информацию о фигурантах Крымского геокэшенга.

- Знаешь, кто такая Надежда Улагина? – зайдя в дом, прямо с порога спросил Вилкин Анну Николаевну. – Внучка генерал-лейтенанта Сергея Георгиевича Улагая, командовавшего у Врангеля конной Кубанской армией.

- Улагай? – удивленно переспросила Анна Николаевна. – Слащев, вернувшись в Россию, писал о нем как о единственном белогвардейском генерале, не запятнавшем себя грабежом. Он подал в отставку и уехал из Крыма за полтора месяца до начала эвакуации, вызвав неодобрение бывших однополчан. Более двадцати лет жил в Албании, потом – в Югославии и лишь перед смертью в апреле 1944 года вернулся в Марсель, так и не наладив отношения с коллегами... А остальные кто?

- Заторин – сын командира разведывательного отряда, участвовавшего в августе 1921 года в составе Кубанской армии в десанте на Таманский полуостров. А дед Коноводова, вахмистр Иван Коноводов, служил денщиком Улагая. Представляешь, какой узел завязался?

- А Домье?

- Перспективнейший администратор "Ситоэна". Честолюбив, умен, жесток. Помнишь, Улагина рассказывала о двух геокэшерах, утонувших на плоту? Оказывается, тот геокэшинг Домье организовывал, - и с трудом отбил в суде от обвинения родственников погибших, что плот развалился в результате устроенной Домье диверсии.

Пройдя в столовую, Вилкин вымыл руки и уселся за обеденный стол:

- Самое интересное, о чем умолчала французская полиция, сообщил Славка Чанов. Во-первых, кто-то из двоих – Заторин или Коноводов, - связан с международным криминалитетом, во-вторых, Домье – член партии "Национальный фронт", активист движения: "Франция для французов!".

После обеда, выполняя договоренность, Вилкин поехал в гостиницу "Украина". Поднявшись на третий этаж, подошел к двери номера Улагиной и замер: ему послышался непонятный шум. Еще большую настороженность вызвала незапертая дверь: толкнув ее, Вилкин, готовый ко всему, влетел в комнату.

Улагина, уткнувшись лицом в подушку, в явно бессознательном состоянии лежала на диване, а человек с ястребиным лицом рылся в ее сумках. Увидев Вилкина, грабитель развернулся и, подпрыгнув, выбросил ногу вперед, целясь в лицо сыщика. Приседая, Вилкин пропустил ногу нападающего над собой и, не меняя положения, сделал шаг вперед и ударил противника неким подобием апперкота в пах. Вопль грабителя, вероятно, был слышен на всех этажах гостиницы; упав на спину, он выхватил из-за пазухи нож, собираясь метнуть в сыщика. Выпрямляясь, Вилкин зацепил рукой и швырнул в грабителя стул, заставив нападающего вместо броска ножом отбивать стул в сторону. Сделав обманное движение, сыщик перенес центр тяжести на левую ногу, готовясь в прыжке выбить у противника нож, - и в это мгновение удар сзади по голове погрузил его в темноту.

Очнулся Вилкин на диване: том самом, где ранее лежала Улагина. Комната была полна народа: врач, убиравший нашатырь из-под носа сыщика, что-то наговаривающий в диктофон оживленный Домье, расспрашивающий Коноводова и Заторина капитан милиции, и – на заднем плане – сердитая Улагина. Заметив, что Вилкин открыл глаза, капитан поспешил к сыщику.

- Вы можете говорить? – спросил капитан милиции.

Вилкин приподнял голову: в ушах слегка шумело и колело в висках, но в целом состояние нареканий не вызывало.

- Чем меня ударили? – спросил сыщик.

- Похоже на мешочек с песком, поскольку черепная коробка не повреждена - сообщил врач. – Возможно сотрясение головного мозга, - но не обязательно. Как самочувствие?

- Нормальное, - сыщик потряс головой и показал глазами в сторону Улагинной. – А с ней как?

- То же, что и у вас, - вмешался в разговор капитан милиции. – Открыла дверь на стук, думая, что пришли вы, и получала от незнакомца удар мешочком по голове. На крики и шум прибежал Домье, позже появились Коноводов и Заторин. Вызвали врача, позвонили в милицию. Первой в сознание пришла Улагина, потом – вы.

- Моя помощь больше не требуется, я пойду, - врач встал, уступая место капитану милиции. – Если кто-нибудь из потерпевших почувствует тошноту: везите в больницу.

Поблагодарив врача, Вилкин ответил на вопросы капитана милиции, подписал объяснительную и спросил:

- Вы эксперта вызвали? Преступник рылся в сумке, нужно снять отпечатки пальцев.

- Эксперт сейчас подъедет, - успокоил Вилкина капитан. – Значит, преступников было двое: первого вы видели, второго – нет?

- Да, - согласился Вилкин и встал с дивана.

- У вас сока или минеральной воды нет? – обратился к Улагинной. – В горле пересохло.

- Возьмите в холодильнике, - мотнула головой Улагина.

Несмотря на сердитый вид, чем-то она напоминала выпавшего из гнезда птенца, - и Вилкин почувствовал к ней жалость. Открыв холодильник, среди припасенных продуктов нашел пакет с виноградным соком; сорвав картонную пробку, наполнил соком стакан и вернул пакет на место.

Распахнув дверь, в комнату деловитой походкой вошли фотограф и эксперт-криминалист.

- Прошу всех перейти в номер господина Домье! – властно крикнул капитан милиции. – Не будем мешать следственной группе.

Все потянулись к выходу.

Выяснение обстоятельств происшествия и его документальное оформление заняло у капитана милиции около двух часов, в течение которых Вилкин окончательно восстановил нормальное самочувствие. Позвонив Свидлову, сыщик попросил взять дело на контроль, пообщался с Домье, готовившем информацию для европейских газет, и, расспросив Улагину, убедился, что нападение на нее было совершено именно так, как рассказал капитан милиции.

- Было бы неплохо посидеть вечером в ресторане и поговорить о следующем тайнике, - предложил сыщик своей компаньонке. – Как ваша голова: выдержит?

- Разумеется, - откликнулась Улагина. – Полежу до вечера на диване – и все пройдет. Думаю, и вам отдых не помешает.

Разделяя ее мнение, сыщик попрощался с капитаном милиции, геокэшерами, и вернулся домой, где взволнованная Анна Николаевна, загнав сына на диван, наложила на затылок холодный компресс.

- Знаешь, чем отличается плохой сыщик от хорошего? – полежав, затеял разговор Вилкин.

- Плохой подставляет голову под удары, а хороший наносит их сам, - ответила Анна Николаевна, озабоченно оглядывая сына.

- Неправда! – обиделся Вилкин. – Плохой сыщик следует за событиями, а хороший их создает. Я забыл притчу о лесорубах и из детектива превратился в кладоискателя.

- Что за притча?

- На соревнованиях лесорубов в финал вышли канадец и швед. Судьи отвели им в лесу одинаковые участки: побеждал тот, кто в период с 10 до 16 часов срубит больше деревьев. По сигналу оба приступили к работе. И вдруг в 10 часов 50 минут швед перестал стучать топором. "Отдыхает!" – сообразил канадец и удвоил усилия. В 11 часов швед вновь принялся за работу, чтобы через 50 минут остановиться, - тогда как канадец продолжал безостановочно махать топором.

В 16 часов, уверенный в победе, канадец идет к судьям: и узнает, что по числу срубленных деревьев швед на первом месте. "Этого не может быть! – закричал канадец. – Каждый час мой соперник останавливался на 10 минут". "Правильно! – согласились судьи. – Он точил топор".

- Ты хочешь сказать, что перестал думать? – внимательно посмотрела на сына Анна Николаевна.

- Да. Я понял это, заглянув в Улагинский холодильник.

Ресторан находился неподалеку от гостиницы. Подведя Улагину к столу у окна, Вилкин безапелляционно сказал: "Я угощаю!" и, подойдя к официанту, продиктовал список блюд: салаты, овощной суп, котлеты с картошкой-фри и бутылка "Муската". Пока кухня готовила блюда, Вилкин рассказал, что удалось разгадать в головоломке:

- В первых двух фразах говорится о Карасубазаре второй половины 19 века, - нынешнем Белогорске. Следующие три слова непонятны. Аруна – древнеиндийский бог рассвета, живет на востоке. Уицилопочтли – древнеиндейский синий бог Юга. Вероятно, от какой-то решетки в юго-восточном направлении необходимо отсчитать 150 сантиметров. Остается узнать, что такое "Мармарис".

- Небольшой городок в Турции, - спокойно произнесла Улагина, - и улыбнулась, увидев изумление Вилкина.

- Я там была: еще в детстве, с мамой. Помню маленькие темные лавочки с сундуками и полуоткрытыми шкатулками, где громоздившиеся свернутые ковры напоминали бревна, - и мне очень хотелось на них залезть. Запомнились Акведук и Таш-хан: мама рассказывала, что их в начале 16 века построил султан Алладин.

- Таш-хан есть и в Карасубазаре! – воскликнул Вилкин. – Еще более древний: создан в 15 веке на средства визиря из рода Ширинов.

- Тогда мы знаем, куда ехать утром, - подытожила Улагина. – Вы – великолепный компаньон! Спасибо за помощь: и не только в геокэшинге, но и там, в гостинице.

- Значит, грабитель не нашел то, что искал? – равнодушным тоном спросил сыщик.

Улагина перевела дыхание, посмотрела на Вилкина:

- Не успел.

- Он придет еще раз, - констатировал сыщик.

- Буду осторожнее открывать двери, - передернула плечами Улагина. – Извините за скрытность, но этот эпизод с геокэшингом не связан.

- Это вы так думаете, - усмехнулся сыщик.

Подошедший официант быстро расставил на столе кушанья. Вилкин налил в бокалы вино и компаньоны дружно выпили за удачу.

Посетителей в ресторане было немного. Играла музыка. Густела, заглядывая в окна, темнота. Ужинали не спеша, беседуя о мелочах. Несколько раз Вилкин приглашал Улагину на танец. Прижимая к себе податливое тело, думал о том, что любовь – это пропасть, в которую нельзя бросаться с закрытыми глазами, – и хвалил себя за рассудительность.

- Вы котлету так и не попробовали, - заметил сыщик, когда вечер близился к концу. – Не понравилась?

- Неприятные воспоминания, - поморщилась Улагина. – Честно говоря, я к мясу равнодушна.

- У вас есть газетные статьи, в которых Домье информирует о Крымском геокэшинге? – меняя тему, спросил Вилкин.

- Мне передают их по факсу. Домье – человек увлекающийся, его нужно контролировать, иначе такое сочинит!

- Вы не могли бы дать их на сутки?

- Знаете французский? – изумилась Улагина.

- Со словарем, - сознался Вилкин. – Зато моя мать владеет пятью языками, в том числе французским.

- С возвратом! – предупредила Улагина.

Оплатив принесенный официантом счет, Вилкин проводил Улагину до дверей гостиничного номера, забрал статьи и, поблагодарив визави за прекрасно проведенный вечер, отправился домой.

- Наняла тебя для защиты, а суть опасности не объясняет! – возмущалась Анна Николаевна.

- Возможно, скрываемая ею тайна достаточно постыдна, - достав из пакета газетные статьи, Вилкин передал их матери. – Сделай, пожалуйста, дословный перевод!

- Будет исполнено, товарищ капитан! – шутливо отчеканила Анна Николаевна, протягивая, в свою очередь, пачку журналов. – Взяла в библиотеке ТНУ подборку статей о белогвардейском движении в Крыму и последующей эмиграции.

То ли повлияло чтение журналов, то ли по иной причине, но Вилкину опять снились суматошные, обрывочные сны: одетый в пропотевшую казацкую форму, он лежит в вонючем, переполненном людьми трюме, чувствуя, как по телу ползают вши. Рядом плачет ребенок, прося кушать, но еды нет, а от затхлой воды началась дизентерия. В углу трюма с криком рождает женщина... Провал в памяти и вот он в бесконечной, многочасовой очереди к туалету... Солдатские гимнастерки, офицерские френчи, гражданские сюртуки... Рядом: такая же очередь из женщин, многие с детьми... Снова провал в памяти, и он, голодный и больной, осторожно пробираясь между лежащими и сидящими на палубе людьми, подходит к борту, смотрит на волны, на плывущий рядом пароход с высшим командным составом – и цепенеет от ненависти при виде гуляющей по пустой палубе дамы с собачкой.

- Ты опять не выспался! – разбудив утром сына, сердито сказала Анна Николаевна.

- Ощущение, что ночью подсознание пытается решить задачи, неподвластные разуму, - свесив ноги с кровати, Вилкин задумчиво смотрел на мать. – Иногда интуиция важнее логики... Логика формируется только прошлым, тогда как интуиция включает и будущее... Сны подсказывают, куда идти: и я начинаю угадывать направление.

Улагину сыщик увидел издали: она ожидала его на троллейбусной остановке. В ней было нечто, останавливающее взгляд: то ли достоинство уверенного в себе человека, то ли самодостаточность, присущая красивым и духовно богатым людям. И Вилкин в который раз подумал о том, как много в компаньонке черт, составлявших когда-то его юношеский идеал девушки.

- Доброе утро! – открыв дверцу "Фольксвагена", Улагина села рядом с Вилкиным. – Как ваша голова?

- Готовится к новым ударам, - улыбнулся сыщик. – В путь?!

- В путь!

В Белогорске Вилкин бывал только проездом и сейчас с любопытством разглядывал неказистые улочки провинциального городка, известного тем, что в 1736 году – после взятия генералом Минихом Бахчисарая, – он стал последней столицей Крымского ханства. Остатки Таш-хана – трапецевидный фрагмент стены, сложенного из грубообтесанного камня и прорезанной внизу циркулярной аркой ворот – расположились на краю небольшого сквера, куда и направились путешественники.

- В 17 веке площадь Таш-хана, называемого "Великим", достигала десяти тысяч квадратных метров, - делился прочитанными сведениями Вилкин. – В этом укреплении с бойницами, двумя железными воротами и четырьмя угловыми сторожевыми башнями размещались на двух этажах 120 комнат для приезжих, склады и мечеть.

- А рядом располагался Малый Таш-хан Ширин-бея, - нетерпеливо дополнила Улагина. – Вон та решетка в стене: то, что мы ищем.

Поднявшись к стенке, Вилкин вынул из кармана измерительную рулетку, прикрепил ленту к железному пруту, определил по компасу юго-восточное направление и вскоре доставал из ямы контейнер. Открыв его, Улагина вынула стопку денег и записку: "Поздравляем с удачей и тремя тысячами евро. Следующее задание: "Эталита; Иоанн; большой палец правой медной руки; Локо=200 в пропасть; Морок=от столице к столице".

Переписав записку и передав половину денег Вилкину, Улагина закрыла контейнер и бросила в яму:

- Зарывайте! Благодаря вам Крымский геокэшер проходит ускоренными темпами, что вряд ли радует Домье.

- Думаю, после нашего отъезда яму разроют, - сыщик кивнул в сторону разлегшихся неподалеку на траве кучки бомжей, с интересом наблюдавших за действиями искателей приключений.

- Пускай! – махнула рукой Улагина. – Главное - соблюдать правила игры, остальное нас не касается.

- Коноводов и Заторин обречены? – полубопытновопил Вилкин, работая лопатой.

- Нет. Я продам им текст: только не сегодня, а завтра, - заметив недоуменную гримасу сыщика, Улагина рассмеялась. – Мы такой договор втайне от Домье еще во Франции заключили: чтобы не дать возможности "Ситозну" под предлогом отсутствия конкуренции прекратить геокэшинг. Кстати, эта торговля выгодна для меня в денежном плане.

Доставив Улагину в Симферополь – к краеведческому музею, где Надежда Яковлевна решила посмотреть экспонаты, - Вилкин поехал к Свидлову. Посещение Белогорска наполнило его странным чувством: словно на плечи легла тяжесть веков, истоптанных жившими в Крыму людьми, и он

несет ее в неизвестные года, к еще не родившимся, - которым и должен передать ношу, добавив в нее что-то свое.

- Могу обрадовать или огорчить – выбирай сам, - но по отпечаткам пальцев установили человека с ястребиным лицом, - сообщил Свидлов. – Это находящийся в международном розыске киллер по кличке "Ангел". Назвали так потому, что его жертвы умирают без мучений, убийства маскирует под несчастные случаи. За Ангелом тянется хвост из Москвы и Генуи, в Париже след обрывается. Последние годы ничего о нем не слышно, предполагали, что погиб, - и вот незадача! Интерпол решил направить сюда оперативников: он им здорово насолил!

- Серьезный противник, - задумался Вилкин. – Можно Улагиной предоставить охрану?

- Отсутствуют правовые основания. К тому же охрана для преступника такого уровня – не помеха. Думаю, Ангелу дано указание до определенного момента Улагину не убивать, иначе он бы с ней уже разделался.

- Понятно, почему так бездарно совершался грабеж, - пробормотал сыщик. – Это не его специализация. А о втором субъекте что-нибудь известно?

- Ничего. То ли в Интерполе темнят, то ли действительно не знают.

Обняв друга за плечи, Свидлов смущенно произнес:

- Будь осторожен, почаще оглядывайся. Анна Николаевна и Люська мне тебя не простят!

На обед Анна Николаевна приготовила давно обещанное блюдо: жареную утку с яблоками.

- У нас праздник? – спросил Вилкин, с удовольствием поглощая лакомство.

- Вылезли из финансовой пропасти. Хуже бедности только затяжная болезнь.

- Разве богатые не плачут? – усмехнулся Вилкин.

- У них, как и у крокодила, другие слезы, - отмахнулась Анна Николаевна. – Я перевела газетные статьи: судя по ним, геокэшеры попали не в Крым, а в Аид.

- Меня интересует один момент, - допив компот, Вилкин взял бумажные листы и тщательно их просмотрел. – Да, он присутствует – и это многое объясняет.

Встав, Вилкин поцеловал мать в щеку и, попросив подумать над головоломкой, отправился в кафе "Селена".

Усевшись за столик, обслуживаемый официантом Сидоровым, сыщик попросил принести кофе-глясе и котлету без гарнира. Равнодушно кивнув головой, Сидоров быстро исполнил требование и поспешил к другим столикам. Медленно попивая кофе, сыщик в раздумье оглядывал кафе; поймав взгляд официанта, приглашающее махнул рукой.

- Слушаю! – подойдя к столу, согнулся в полупоклоне официант.

- У вас две кошки были: хочу угостить котлетой. Где они? – глядя в упор, спросил сыщик.

- Не знаю: куда-то делись, - отводя глаза в сторону, растеряно промямлил Сидоров.

- Говорите правду! – угрожающе потребовал сыщик.

- Спросите у хозяина, - вспыхнул официант.

- Думаю, двадцать евро нужнее вам, а не ему, - положив деньги на стол, сыщик придвинул их официанту. – Могу помочь: три дня назад одну кошку отравила котлетой женщина, а через полчаса точно также поступили со второй кошкой ее спутники. Правильно?

- Да, - изумленно произнес официант. – Откуда знаете?

- Знаю! – веско бросил сыщик. – Но хотел бы услышать подробности.

- Женщина очень взволновалась и сразу уехала – я такси вызвал, - начал рассказывать официант. – Я тоже переживал: не мог понять, что случилось с кошкой. Приехавшие с женщиной двое мужчин у бара допили пиво и вернулись к сидевшему за столом толстячку. Съели салаты; потом толстячок что-то сказал и позвал вторую кошку. Смотрю: они котлеты кошке отдают. Мне не по себе стало, предчувствие нехорошее появилось. Точно: кошка съела котлеты, вздрогнула, изогнулась и сдохла. Мужчины встали и ушли, а я побыстрее запахал кошачий труп в пакет и выбросил, - пока посетители не разобрались в ситуации и не начали разбегаться.

- Толстячок угощал кошку котлетой?

- Кусочком от нее. Остальную часть съел.

- Этот кусочек он дал кошке тогда, когда она доела котлеты, полученные раньше. Правильно?

- Да.

- Участковому милиции вы только про первую кошку рассказывали?

- Он про нее и спрашивал, - ухмыльнулся Сидоров. – Я и так от хозяина нагоняй получил: непонятно за что!

- Благодарю вас! – отодвинув тарелку с котлетой, сыщик, оплачивая счет, положил на стол еще десять евро и пошел к "Фольксвагену".

Профессор Сергеев встретил Вилкина с улыбкой:

- Вам пора принимать меня на работу: консультантом по загадкам. Что у вас сейчас?

Прочитав принесенную головоломку, профессор задумался:

- Серьезная вещь: оставьте до завтра.

Время до ужина Вилкин провел в библиотеке, изучая материалы по врангелевской армии, - и вышел оттуда в унынии.

- Не хватает информации, - жаловался он Анне Николаевне. – Улагай был любимчиком Врангеля, лихим рубакой-кавалеристом, не боявшимся самого черта. В первых числах августа 1920 года он во главе десантной армии высаживается на Таманском полуострове, неудержимо идет вперед, громя красных. Пятого августа занимает станицу Брюховецкую, окружив и уничтожив непонятно откуда там взявшийся отряд петроградских чекистов, - и останавливается. Врангель на аэропланах шлет ему приказы двигаться дальше, на незащищенный Екатеринодар, – тогда Северная Кубань оказывается в руках белых, - а Улагай неподвижен. К нему прорываются с Кубани и

вливаются в его войска десять тысяч казаков, значительно увеличив боевую мощь, - а Улагай 15 августа отдает приказ об отступлении, переправляется обратно в Крым, где начинает рассказывать Врангелю, что ему мешал начальник штаба, раздутые тылы и прочую чепуху. И тут же подает в отставку и скрывается из Крыма.

- Думаешь: его купили красные? – спросила Анна Николаевна.

- Не состыковывается. Первые годы эмиграции Улагай зарабатывал на хлеб службой в албанской армии, позже руководил цирковой казачьей группой, все годы явно прозябая в бедности. Если учесть, что отступление Улагаевского десанта стало началом поражения белых войск, 15 ноября 1920 года вынужденных убежать из Крыма, то красные должны были заплатить Улагаю бешеные деньги: куда они делись?.. И все-таки что-то там случилось, в станице Брюховецкой, поломавшее судьбу Улагая и – рикошетом – Врангеля...

Ночью Вилкину опять снился сон: в затасканном мундире казачьего сотника он на палубе парохода созерцает алый закат над Босфорским проливом. Третью неделю корабль стоит на Константинопольском рейде: турецкие власти под предлогом опасности чумы объявили карантин. Вода только для питья, моются и стирают одежду соленой водой. Дующий со стороны моря ветер лишь слегка разгоняет запах мочевины, толстым слоем устилающей палубу. Невдалеке кучка женщин, сняв платья, остервенело давят вшей. Рядом колышутся на волнах остальные корабли врангелевской флотилии. И Вилкин чувствует, как разгорается в нем ненависть к сбежавшему в Европу, не выполнившему обещание человеку...

- Меня начинают пугать твои сны, - Анна Николаевна, разбудив сына, осторожно выдернула из-под него смятую простынь. – Может, обратишься к врачу?

- Пройдет! – отмахнулся Вилкин, преодолевая усталость полубессонной ночи. – Я мало что помню. Корабли на рейде, вонь, вши и я на кого-то злюсь. Что-то мне пообещали и не дали.

- Так поверишь в переселение душ, - озабоченно покачала головой Анна Николаевна. – Прими душ, а я поставлю на стол завтрак.

Чередование горячей и холодной воды и пюре с бифштексом восстановили хорошее настроение сыщика, вернув мысли к предстоящим делам.

- Что скажешь о головоломке? – спросил он Анну Николаевну.

- Она сложнее предыдущих и содержит какую-то ловушку, - поделилась своим мнением Анна Николаевна. – Локо в скандинавских сагах: бог обмана, хитрый и безжалостный. И рядом с ним: славянский Морок, являющийся, с одной стороны, богом лжи, обмана и невежества, а с другой – хранителем путей к Правде, скрывающий за пустой мирской суетой Истину. В остальном не разобралась: надеюсь, что-то добавит профессор Сергеев.

У профессора действительно были новости:

- Эталитой в 14 веке на географических картах обозначали Ялту. Если принять Ялту как исходный пункт, то "Иоанн" – это мыс Святого Иоанна, где

некогда размещалась родоначальница города рыбачья деревушка Поликур, давшая название холму. Сейчас на месте деревушки расположен морской вокзал, в районе которого, скорее всего, найдете медную руку. С Локо и Мороком вы разобрались, а со столицами неясно, поскольку их с древних времен в Крыму было много.

Оставив на столе сто евро, сыщик распрощался с профессором и поехал к Свидлову. Ему было грустно. Ночные сны, непонятный поступок генерала Улагая, его что-то скрывающая внучка... Сыщик понимал, что обстоятельства заставляют его заглядывать в чужую тайну, знание которой не принесет радости, зато ударит по чьим-то судьбам и идеалам. Профессия детектива двигала его, специалиста по несчастьям, от одного горя к другому, заставляя ощущать себя человеком, живущим на темной стороне луны.

- Ты как-то хвастался, что начальник секретного архива в Краснодаре – твой родственник, - подождав, когда кабинет Свидлова освободиться от посетителей, напомнил Вилкин. – Попроси его срочно выяснить, какое особое поручение выполнял отряд чекистов, уничтоженный в августе 1920 года генералом Улагаем в станице Брюховецкой.

- Умом тронулся?! – изумленно воскликнул Свидлов. – Разглашение секретных сведений без официального запроса: служебное преступление. Его с работы турнут, когда узнают.

- А откуда узнают? – возразил Вилкин. – Позвонишь на домашний телефон: вряд ли он прослушивается. Этой тайне восемьдесят лет, она принадлежит исчезнувшему государству. Для ученых подобные архивы давно открыты. Меня время поджимает, поэтому и прошу.

- Да? – призадумался Свидлов. – А что ему обещать?

- Неделю бесплатного отдыха в Ялте в летний сезон в санатории "Сосновая роща".

- Эксплуатируешь друзей как гнуснейший капиталист, - покачал головой Свидлов.

- "Не корысти ради, а только волею пославшей меня жены", - с улыбкой процитировал Вилкин классиков.

- Не мешало бы эту жену завести, - проворчал Свидлов. – Ладно, позвоню. Что-то еще?

-Да.

Закончив разговор со Свидловым, сыщик отправился в агентство. Он не был здесь несколько дней: сокрушенно вздохнув при виде легкого слоя пыли, укоризненно погрозил пальцем портрету Аллы Пугачевой и полез в кладовку за шваброй и веником. Наведя чистоту, включил компьютер и нырнул в омут Интернета.

- На второе сегодня: твоя любимая котлета по-киевски, - похвасталась Анна Николаевна, когда сын приехал на обед.

- Научилась ее готовить? – изумился Вилкин.

- Подлизываюсь, - созналась Анна Николаевна. – Вдруг смилуешься и поведаешь, на какие мысли тебя навели статьи Домье и холодильник Улагиной.

- Только в том случае, если понравится котлета, - комично надул щеки сыщик.

- Холодильник – это склад для желудка, - признав, что обед выше всяческих похвал, начал рассказ Вилкин. – Обычно в нем среди прочих продуктов хранится палка колбасы, ветчина, другие мясные изделия, которыми можно утолить голод в любое время суток. А в Улагинском холодильнике я увидел продукты из сои, овощи, фрукты, соки – и ничего мясного. "Вегетарианка?" – предположил я. Спрашивать напрямую у дам ее воспитания: парвеню, дурной тон; к тому же Улагина принадлежит к числу лиц, прячущих информацию о себе и охотно обманывающих. Пришлось пригласить ее в ресторан, где, подтверждая мои подозрения, она проигнорировала мясные блюда.

Прервав рассказ, Вилкин, устраиваясь поудобней, пересел на диван.

- Организовывая геокэшинг с внушительным призом, "Ситоев" должен был собрать информацию о финалистах, - и я понял, что Домье знал о данной особенности Улагиной и использовал ее, чтобы устроить ажиотаж вокруг Крымского геокэшинга. Его статья, опубликованная в тот день во Франции, недвусмысленно намекает: ждите, произойдет нечто ужасное.

- Ты хочешь сказать, что Домье отравил котлету и подложил в сумочку Улагиной шприц и записку? – поразились Анна Николаевна.

- Именно! Думаю, и кафе он выбрал заранее, с минимальным количеством посетителей и кошками для демонстрации отравления... Понимаешь, мама, - поднявшись из-за стола, Вилкин прошелся по комнате, - меня все дни мучили вопросы: кто автор и в чем смысл отравления Улагиной? Почему после происшествия в «Селене» появился Ангел и зачем понадобилось меня убивать? Чтобы изолировать и устроить Улагину? Но чем напугала кого-то безобидная девушка?.. И я понял: в кафе случилось что-то еще, о чем я и Улагина не знаем.

Вилкин, задумавшись, помолчал.

- Самым трудным оказалось вычислить Домье, его готовность для карьеры применять подлые методы. Остальное было несложным: поскольку Домье дилетант, то наверняка вновь использовался яд, - причем тем же способом, как и в случае с Улагиной. Увидев в кафе отсутствие второй кошки, убедился в своей правоте.

- Но Улагина вместо милиции обратилась за помощью к тебе, - напомнила Анна Николаевна.

- Преподнеся Домье неприятный сюрприз, поскольку скандала не получилось, - объяснил Вилкин. - Зато с Коноводовым и Заториным его замысел реализовался: отравив вторую кошку, он убедил их, что Улагина замышляла убийство.

- Котлеты Коноводова и Заторина тоже были отравлены? – недоверчиво уточнила Анна Николаевна.

Вилкин отрицательно покачал головой:

- Слишком рискованно: вдруг кто-то не поверит и съест котлету. Домье не собирался становиться убийцей, его задача: предложить эту роль

геокэшерам. Отрезав часть своей котлеты, Домье ввел туда яд, и, скормив кошке котлеты Коноводова и Заторина, бросил ей отравленный кусочек, демонстративно проглотив лежавший на тарелке остаток. Вид дохлой кошки убедил Коноводова и Заторина, что Улагина – убийца, для маскировки отравившая свою котлету.

- Улагина думает, что авторы покушения Заторин или Коноводов, а те такого же мнения о ней! – от возбуждения Анна Николаевна даже привстала со стула. – Выживет тот, кто убьет первым!

- Домье попал в яблочко: через день меня – как компаньона Улагиной – пытается убить Ангел. Моя смерть готовилась как предупреждение Улагиной: если что – ты труп! Улагину временно щадили: во-первых, она разгадывала головоломки – непосильное для мужчин занятие, во-вторых, у нее есть загадочная вещь, необходимая кому-то из геокэшеров.

- Домье - негодяй! Поступать подобным образом бесчеловечно! - возмущенно заявила Анна Николаевна.

- Он действует в рамках идеологии "Франция для французов", считающей некоренных жителей страны – в том числе белоэмигрантов - людьми второго сорта, подлежащими изгнанию или уничтожению. Их готовы терпеть слугами или чернорабочими, но не адвокатами вроде Коноводова, коммерсантами типа Заторина или преподавателями лицея, как Улагина. Стравить этих людей, заставить убивать друг друга, оставаясь в стороне и насмехаясь над их страхом и отчаянием – обычная для этих "патриотов" позиция. На Украине хватает подобных политиков, с лозунгом: "Русский язык – для буфетов и туалетов!".

Полежав часа полтора на диване, Вилкин поехал к Свидлову.

- Отдых в "Сосновой роще" мой родич отработал полностью, - Свидлов протянул Вилкину исписанный лист бумаги. – Продиктовал мне по телефону.

Схватив листок, Вилкин быстро пробежал его глазами:

- Вот оно что: чекисты везли сундучок, наполненный реквизированными на Кавказе и Кубани ювелирными и золотыми изделиями. Отряд полностью уничтожен, судьба драгоценностей неизвестна. Нынешняя их стоимость: около двадцати миллионов евро... Понятно, почему Улагин не выполнил приказ Врангеля.

Спрятав записку в карман, Вилкин с сожалением произнес:

- Выходит, Слащев ошибался, характеризуя Улагин честным человеком. Мать права: не подозревая об этом, красные купили генерала.

Договорившись со Свидловым о дальнейших действиях, сыщик поехал на встречу с Улагиной, думая о том, что генерал, вероятно, не успел вывезти сундучок, передав эту миссию по наследству своей внучке. Окружавший царицу Лебедь нимб начал меркнуть: она хотела найти и присвоить то, что когда-то украл ее дед, - а Вилкин не любил воров даже в самых изящных упаковках.

- Значит, Ялта, - Улагина изучала привезенную сыщиком информацию по головоломке. – Утром туда выезжаем: я всегда хотела там побывать.

- Вы продали текст головоломки? – поинтересовался Вилкин.

- Нет. Встречаемся через час.

- Кроме текста, продайте расшифровку первого слова головоломки, чтобы в Ялту выехали все. Все равно они обнаружат, куда вы отправились.

- "Мы отправились", - поправила сыщика Улагина. – Я поеду только с вами. И, разумеется, сделаю так, как вы предложили.

Компаньоны замолчали, глядя друг на друга.

- Вы ничего не хотите сообщить? – спросил сыщик.

Заколебавшись, Улагина задумалась, потом отрицательно покачала головой:

- Возможно, позже... Неизвестно, как вы отнесетесь к моим словам.

- Англичане говорят: "Когда Бог создал время, он создал его достаточно", - медленно произнес сыщик. – У вас оно еще есть.

Пообещав приехать в десять часов утра, Вилкин распрощался. Улагина сидела, размышляя, не пора ли довериться сыщику – умному и порядочному человеку, - без помощи которого явно не справится, - и, ничего не решив, отправилась торговаться с конкурентами.

В тот вечер Надежда долго не засыпала, перечитывая привезенные из дома двухтомные "Записки" Врангеля. Отложив книгу, лежала, вспоминая рассказы матери о деде, умершем до рождения внучки, и возмущалась несправедливостью судьбы, возложившей на нее неженские обязанности перед родом. "Завтра в дорогу!" – вздохнув, выключила настольную лампу и погрузилась в сон.

Прошел час, второй... Неожиданно ключ, торчавший с внутренней стороны двери, провернулся и, медленно приоткрыв дверь, в комнату бесшумной тенью скользнул человек. Ориентируясь при свете луны, подошел к спящей Улагиной, вытащил из кармана марлевую повязку, смочил ее жидкостью из флакона – по комнате поплыл запах хлороформа – и прижал к Надеждиному лицу. Удовлетворенно хмыкнув, включил в комнате свет, запер дверь на ключ и, вывалив вещи Улагиной из сумок на диван, начал тщательно их осматривать. Закончив это занятие, внимательно ощупал сумки, вернул вещи на место и застыл в раздумье. Его взгляд упал на врангелевские "Записки". Схватив их, грабитель занялся изучением обложек – и вздрогнул от негромкого щелчка: ключ в двери вновь провернулся и на пороге показался человек в маске Фантомаса. Грабитель обернулся, отшвырнул книгу и принял боевую стойку; маска Фантомаса, остановившись, поманила грабителя к себе. "Ты кто?" - негромко спросил грабитель, отступая к окну. Неизвестно, чем бы закончился диалог, если бы не вмешалось третье лицо в маске Разбойника: выпрыгнув из-за оконных гардин, Разбойник ударил грабителя по голове мешочком с песком. Подхватив падающее тело, опустил на пол; подбежав к кровати, убрал с лица Улагиной и сунул в карман тряпку с хлороформом. Снял сумки с дивана, поднял и положил на стол "Записки" и кивнул Фантомасу. Подхватив грабителя, маски вытащили его тело в коридор, выключили свет. Тонкие клещи, обхватив ключ снаружи, закрыли им замок, - и в комнате воцарилась тишина.

Надежда проснулась с ощущением, что ночью что-то произошло. Болела голова; "Записки" лежали не там, где она их оставила, вещи в сумках были переложены. Но дверь заперта, и письмо деда с остальными бумагами по-прежнему хранятся в тайниках, выскобленных Надеждой перед отъездом из дома в обложках двухтомника. Подумав, она решила никому ничего не говорить. Вокруг нее происходили странные события, и она боялась нечаянным поступком задеть камушек, который сдвинет лавину.

Вилкин приехал вовремя; поставив сумки в багажник, он открыл заднюю дверцу, помогая Надежде сесть в машину, и оторвал "Фольксваген" от тротуара. Надежда догадывалась, что нравится Вилкину, но поощрять это чувство не собиралась: сыщик был наемным слугой, получавшим от нее – по местным меркам – значительные деньги. Сегодня он казался усталым, осунувшимся, и зевал так часто, что Надежде стало неприятно, и она перевела взгляд на дорожные пейзажи. Окрестности Марселя тоже отличались красотой – особенно в направлении итальянской границы, - но та красота была жесткой, цивилизованной, а здесь создавалось ощущение, что въезжаешь на карете в старую, добрую сказку детства.

- Как много высотных построек! – воскликнула Надежда, глядя на приближающуюся панораму города.

- Каждое новое высотное здание, меняя направление ветров, ухудшает целебный климат Ялты, - скривился молчавший всю дорогу сыщик.

- Но он по-прежнему самый посещаемый на Украине курорт? – заинтересовалась Надежда.

- Да, только контингент меняется. Советская власть сделала его курортом для бедных, сейчас здесь отдыхает среднее сословие, а через десяток лет это будет город для богатых, вроде Флориды или Канарских островов, - притормозив, Вилкин свернул в переулок. – Мы остановимся в "Чайной горке" – это один из лучших пансионатов Ялты, я дружу с его владельцем. Я звонил вчера, нам приготовили два люксовских номера. Не возражаете?

Удивившись солидным знакомствам компаньона, Улагина одобрительно кивнула головой.

Потом был въезд в прекрасный пансионат, улыбающийся хозяин, обнимающий Вилкина и галантно целующий ручку Улагиной, и тишь уютных, зовущих к отдыху комнат. Договорившись о встрече за обедом, Надежда прилегла на диван, счастливая, что наконец-то попала в город, мысли о котором занимали ее семью последний год: когда случайно в принадлежавшей деду шкатулке был обнаружен тайник с письмом и списком драгоценностей.

Отдохнув, Надежда спустилась в холл, где в телефонной будке для междугородних телефонов увидела Вилкина. Услышав краем уха, что сыщик просит соединить его во Франции с каким-то Чановым, Надежда, не унижая себя подслушиванием, направилась на прогулку, думая о том, что у ее компаньона неожиданно обширные связи, и вполне вероятно, статус детектива в Украине выше, чем во Франции, где он располагается на верхнем уровне социального дна.

Обед состоялся в кафе "Маэстро" - уютном заведении с маленьким бассейном, из которого пыталась вылезти мраморная купальщица, и поваром, умеющим готовить солянку. Не обратив внимания на попытку Надежды оплатить "свои" блюда, Вилкин рассчитался по счету и предложил пройти к морскому вокзалу, где, ткнув пальцем в ростанную колонну с двумя сидящими друг к другу спиной русалками, безапелляционно сказал:

- В головоломке говорится о правой руке вот этой особы: другой в окрестностях нет.

Подойдя к колонне, Надежда внимательно ее осмотрела:

- Вы считаете, что контейнер закопан в двух метрах от руки: прямо под ней?

- Сомневаюсь, чтобы это был контейнер! – хмыкнул Вилкин. – Локо – злой обманщик и негодяй, – как и ваш Домье, - а именно они подталкивают копать здесь. Где остановились ваши соперники?

- В гостинице "Бристоль", - ответила Надежда, недоумевающая по поводу услышанного по адресу Домье ругательства.

- Перепишите эту записку и спрячьте в сумочку, - сыщик протянул Улагиной листок бумаги с текстом: "Колонна с русалкой перед морским вокзалом, копать под правой рукой". – Пригласите на ужин конкурентов. Поддержите разговор, который я там заведу, - и проверим, насколько верны мои предположения.

Пока Улагина переписывала записку и навещала соперников, сыщик сидел в "Фольксвагене", размышляя над фразой "от столице к столице". Она была столь же бестолковой, как идиомы Кэрролла, и Вилкин начал гадать, нет ли между ними связи.

- Кстати, Домье тоже в "Бристоле", - усаживаясь в машину, оживленно сообщила Улагина. – Он не только готов составить нам компанию на ужин, но и предложил оплатить счет: включая и вас, Валерий Александрович!

Посмотрев на радостное лицо Улагиной, сыщик улыбнулся:

- Домье информирован о вашем вегетарианстве?

- Да, - смутилась Улагина. – А вам откуда известно?

- Из Франции сообщили: вы ведь слышали, как я туда звонил.

Поняв, что сыщик иронизирует, Улагина обиженно отвернулась.

- Поехали в Никитский ботанический сад, - неожиданно предложил Вилкин. – Вы там никогда не были: и неизвестно, будете ли.

- Как и вы не попадете в Марсель! – вспыхнула Улагина.

- Это не моя родина, - трогая машину с места, безразлично заметил сыщик. – Моих следов не окажется на Марсе, в Лас-Вегасе, Антарктиде... Человек должен жить там, где находятся могилы его предков.

Исподлобья взглянув на Вилкина, Надежда вдруг поняла, что сыщик теряет к ней интерес как к женщине – и ужаснулась. Если, разгадав головоломку, - а Надежда была уверена, что он это сделает в ближайшие дни, - ее компаньон распрощается и исчезнет, она останется одна, с неразгаданной тайной и двумя пытающимися ее ограбить шакалами. Конечно, он нищий человек, вынужденный из-за бедности мыть полы в своем жалком

агентстве, но он симпатичен и умен, - да и возьмет она его при необходимости в свою постель, а не жизнь.

Вилкина удивила перемена, произошедшая с его работодательницей: обычно чопорная, она во время прогулки по Никитскому саду то и дело брала его под руку, показывая свое расположение, но, занятый расчетами мероприятий, значения этому не придавал. Действие становится событием, когда происходит вовремя. Надежда опоздала: пик влюбленности Вилкина миновал. Пламя разгорается от дров, брошенных в горящий, а не затухающий костер.

Ужинали в ресторане "Хуторок "Ла Мер". Джентльменов слегка смущало соседство сыщика: их взгляды откровенно спрашивали Улагину, зачем она привела за стол человека не их круга, - но обилие спиртного и простодушное поведение Вилкина, не скрывавшего восхищения старшими братьями по цивилизации, примирило с его присутствием.

Разговор незаметно перешел на геокэшинг.

- Кто-то у вас ловко придумывает задачки! – воскликнул Заторин, обращаясь к Домье. – Причем в самый цвет попадает. Я столько узнал о Симферополе и Белогорске!

- Правильно сделали, что столицы выбирали! – поддержал Заторина Коноводов. – Ялта тоже южной столицей считается.

- Путешествуем от столице к столице! – сострил Заторин. – Осталось с последней шарадой разобраться.

- А мы уже разобрались! – пьяно хихикнул Вилкин. – Надежда Яковлевна скромничает: в сумочке у нее, между прочим, лежит расшифровка. Завтра пойдем копать!

При этих словах сидевший с загадочной улыбкой и отмалчивающийся Домье ехидно покосился на сыщика.

- Пошли танцевать! – икнув, сыщик схватил возмущенную Улагину за руку и потащил в круг танцующих; вскоре к ним присоединились остальные.

Гуляли весело. Через час сыщика окончательно развезло и Улагиной пришлось вызывать такси, куда джентльмены с некоторой брезгливостью погрузили детективную рабочую силу. Впрочем, доехав до "Чайной горки", сыщик неожиданно протрезвел и не только заплатил за такси, но и помог Улагиной добраться до ее комнаты.

Первые утренние лучи солнца, скользнув по верхушкам гор, медленно спустились вниз, в готовящийся к очередному дню город. Звякнув, отправился по маршруту первый троллейбус, зашелестела шинами по пустынным улицам спешащая куда-то машина... Открылась дверь гостиницы "Бристоль". Вышедший из нее мужчина, неся саперную лопатку, быстро зашагал к морскому вокзалу и вскоре, согнувшись, вгрызаясь в землю у основания колонны. Минут через десять, судя по напрягшейся позе кладоискателя, лопатка во что-то уперлась. Мужчина нагнулся – и упал, отброшенный раздавшимся взрывом.

Сидевший на дереве метрах в пятидесяти от происшествия Вилкин спустился вниз; подойдя к телефону-автомату, позвонил в "Скорую помощь":

- Взрывом на площади перед морским вокзалом ранен человек. Запишите: французский подданный, живет в гостинице "Бристоль"... Моя фамилия? Маска Разбойника.

Бросив трубку, сыщик неторопливо пошел вверх, к ждавшему на соседней улице "Фольксвагену".

Надежда проснулась поздно и лежала, думая о предстоящем дне. Вспомнился дом: этажерка с книгами, девичий гардероб, в котором постоянно чего-то не хватает, выставленные на уголках шкафов амулеты счастья... Мама, озабоченная денежными вопросами и идеей выдать дочку замуж.

Приняв душ и одевшись, Надежда с раздражением приготовилась идти и будить пьянчугу-компаньона, наверняка не отошедшего после вчерашней попойки. "Лимон и горячий чай – для джентльменов, соленый огурец и стопка водки – для русских, - объясняла когда-то мудрая мама. – Иначе их с места не сдвинешь".

"Водка в ресторане найдется, а где достать огурец?" - размышляла Надежда, когда раздался стук в дверь и после разрешающего оклика в комнату вошел подтянутый, в свежeweыглаженной рубашке сыщик.

- Предлагаю позавтракать на набережной, в кафе "Туборг", - сказал он, с растерянностью посмотрев на изумленное лицо Улагиной. – У вас Врангелевские мемуары имеются: можно их почитать?

подавив выкрик: "Нет!", Надежда вздохнула и неловко произнесла:

- Возьмите с собой: там решим.

Не удивляясь странной фразе, сыщик взял книги, благодарно поклонился и повел девушку к выходу.

Как зависит человек от наполненного желудка! Съев роскошный завтрак, компаньоны умиротворенно сидели, глядя на панораму моря.

- Утром увезли в больницу Коноводова: его ранило взрывом в том месте, где вы собирались копать, - вдруг небрежно сообщил Вилкин.

- Взрывом? Коноводова? – с трудом уясняла Улагина. – Кто подстроил? Неужели Домье?

- Вы, уважаемая Надежда Яковлевна, - сыщик насмешливо смотрел на опешившую Улагину. – Приготовили в сумочке записку с неправильной расшифровкой, подговорили меня об этом упомянуть, зная, что нечистый на руку Коноводов стащит записку и ринется копать, заложили взрывчатку: и слава Богу, что человек остался жив! А если учесть, что это второе ваше покушение на внука соратника Улагая, то мнение милиции будет однозначным.

- Как "второе"? – не веря своим ушам, воскликнула Надежда.

- Первое вы не отрицаете, - усмехнулся сыщик и рассказал о событиях, произошедших в кафе "Селена" после отъезда Улагиной в гостиницу "Украина".

- Ваши конкуренты и Домье будут настаивать, что отравление и взрыв организовали вы, - и я не удивлюсь, если ужинать вам придется в камере следственного изолятора.

Представив нарисованную сыщиком картину, Улагина ужаснулась:

- Это несправедливо!

- Отвечу притчей: у распутного, жадного богача работал дворник, - настолько бедный, что даже жены не имел. Зато у него была Библия, при чтении которой дворник радовался своему грядущему блаженству в раю и адским мукам хозяина... Заболел бедняк и скончался. Сидит в чистилище, смотрит: а рядом хозяин. Возликовал бедняк. Тут ангел входит, объявляет божье решение: "Бедняка – в ад, богача – в рай!" "Почему?" – закричал бедняк. "Богач перед смертью вызвал священника, покаялся и получил отпущение грехов, - объясняет ангел. – А у тебя на священника денег не хватило". "Это несправедливо!"- возмутился бедняк. "Где в Библии ты видел слово "справедливость"? – спрашивает ангел. – У нас, как и на Земле, все по закону. Проваливай в ад!".

- Что мне делать? – закусив губу, спросила Улагина.

- Рассказать о сундучке. Пора понять, что сами с этим делом не справитесь.

- Хорошо, - Улагина прижала тонкие пальцы к вискам. – Моя бабушка была у деда второй женой, первая осталась в России, - не знаю, почему. Дед женился на бабушке в Албании: он там во главе казачьего отряда участвовал в государственном перевороте и захвате власти Зогу в Тиране, благодаря чему получил албанское гражданство и солидную должность в армии. Мать рассказывала, что выросла в доме с достатком и получила хорошее образование. Когда началась вторая мировая война, ситуация в Албании ухудшилась и дед купил дом в Марселе, отправив туда маму и бабушку. С тех пор они видели деда редко, наездами. В конце войны дед перебрался в Югославию, потом – во Францию, где и умер. После него осталось много вещей, в том числе старинная шкатулка. Мама удачно вышла замуж, я у нее – единственная дочь. Училась в Марселе, потом окончила Парижский университет. Внезапно умирают отец и бабушка, я вернулась в Марсель, стала работать в лицее, увлеклась геокэшингом. Год назад, роюсь в старых вещах, обнаружила в шкатулке тайник, а в нем: письмо деда Врангелю и опись драгоценностей, составленная чекистами и находившуюся, вероятно, в сундучке, захваченном у красных в августе 1920 года в станице Брюховецкой.

Взяв "Записки", Улагина вынула из обложек пожелтевшие листы бумаги и передала Вилкину. На трех листах перечислялись золотые и драгоценные изделия: опись была скреплена печатью и подписями чекистов. Исписанный большими ровными буквами четвертый лист содержал следующий текст:

" Ваше высокопревосходительство!

Петр Николаевич!

Понимаю, что мне нет оправданий, и не хочу оправдываться. Ваши слова при последнем нашем свидании каждый день жгут мое сердце, - и только мне известно, насколько они справедливы.

Этот сундучок с драгоценностями, отбитый у чекистов, в тайну которого, кроме меня, посвящены два человека... Мне показалось это ниспосланным

Богом подарком, выпадающей раз в жизни удачей... И я не пошел на Екатеринодар, испугавшись риска и случайностей войны. Я понимал, что Белое движение обречено, а на чужбине каждый будет выживать в одиночку.

Вы напомнили мне о чести Воина. По этой и по иным причинам я оставил сундучок Иоанно-Златоустовской земле, поручив охранять его человеку, близкому мне только местом рождения.

Дальнейшую судьбу военного трофея решать Вам.

Список драгоценностей прилагаю.

Остаюсь преданный Вам генерал-лейтенант С.Г. Улагай.

31 октября 1924 года!

- Вот как! – задумчиво протянул Вилкин, прочитав письмо. – А что дальше?

- Находка оказалась неожиданностью: о сундучке дед никогда не упоминал. Я и мама предположили, что, уплывая в сентябре 1920 года пароходом из Ялты, дед оставил где-то или у кого-то сундучок с драгоценностями. Вероятно, в 1924 году дед собрался передать сокровище Врангелю, но передумал, и письмо отправлено не было. Его можно понять: публичное признание в краже опозорило бы не только деда, но и семью.

- Мы долго не знали, как поступить, - продолжала Улагина. – Сокровище принадлежало умершим людям несуществующего государства: захваченные в России, драгоценности хранились в Украине. И мы решили, что имеем на них полное право: в крайнем случае, моральное.

- Разве что моральное, - буркнул Вилкин. – Нынешняя власть, прослышав о сундучке, мгновенно его отнимет, и даже полагающиеся двадцать процентов вряд ли получите. Откуда узнали о кладе Заторин и Коноводов?

- От нашей горничной: она дальняя родственница Заторина. Я и мама слишком много болтали.

- Женщины умеют хранить тайну: но сообщая, - согласился Вилкин. Подозвав официанта, он оплатил счет и повез Улагину в пансионат.

- Ждите в номере: вам позвонят Домье или Заторин и сообщат о несчастном случае с Коноводовым, - инструктировал сыщик Улагину. – Сделайте вид, что впервые слышите о взрыве. Поезжайте с ними в больницу к раненому. Будьте готовы к тому, что Заторин и Коноводов, угрожая заявлением в милицию, потребуют у вас половину сокровищ. Соглашайтесь. А я займусь нашими делами.

Провожая глазами удаляющийся "Фольксваген", Надежда вспоминала мамины слова: "Счастье женщины начинается с того, что мужчина перекладывает на свои плечи ее ношу", и думала о непонятном человеке по имени "Валерий Вилкин".

Обедать компаньонку сыщик привез на набережную, в кафе "Челентано".

- Здесь вкусное пиво: в такой жаркий день его обязательно надо попробовать, - объявил он, подзывая официанта. – Поведайте о своих успехах.

- Вы оказались правы, - усмехнулась Улагина. – Отправив Домье, - который то и дело подозрительно на меня косился, - Заторин и Коноводов

пригрозили оставить меня в здешней тюрьме, если я не отдам им шестьдесят шесть процентов сокровищ. После торга согласились на половину. А чем обрадуете вы?

- Я нашел того, кому ваш дед поручил хранить сундучок, - улыбнулся сыщик.

- Не может быть! – подскочила Улагина. – Как вам это удалось? Когда нас познакомите? Наверное, это очень старый человек?

- Все свое время, - веско произнес сыщик. – Успеете наобниматься с дедовским сундучком. Меня Домье тревожит. Он наверняка послал в газеты восторженную репликацию о ранении геокэшера и теперь очень кстати будет ваш арест, о котором в массовой печати аршинными буквами напишут: "В погоне за призом "Ситоэна" участники готовы на преступления!" Вы над головоломкой не размышляли?

- Нет, - созналась Улагина. – Не до того было. Но...

Надежда задумалась:

- Вчера во время ужина произнесли фразу, - не помню, какую, - объяснившую все. Но ваши пьяные выкрики увели мысли в сторону... Вы часто такой запойный?

- Только в компании красивой женщины, - галантно ответил Вилкин, морща лоб. – Вы правы: что-то было... Но что?

Послеобеденное время компаньонов заняли экскурсии в Ливадийский и Воронцовский дворец. Когда вернулись в пансионат, сыщик предупредил Улагину, что встретятся они только утром, высадил ее из машины и уехал по своим загадочным делам.

Погуляв по парку, Надежда заскучала. В последние дни она привыкла к опеке, к тому, что рядом находится озабоченный ее расположением мужчина, - и когда Домье, позвонив, предложил вместе поужинать, она с удовольствием приняла приглашение.

Зайдя утром в номер Улагинной, сыщик весело спросил:

- Как отдохнули, многоуважаемая компаньонка? Не скучали без меня?

- Пыталась, но не получилось! – лукаво ответила Улагина. – Домье постарался: угощал ужином в "Белом льве".

- Так, – посуровел лицом сыщик. – Простите за хамский вопрос: после ужина он заходил в ваш номер?

- Вопрос действительно наглый, - сухо произнесла Улагина. – Удовлетворю ваше нескромное любопытство: полчаса мы здесь провели – пили чай. Не забывайте: Домье – джентльмен!

- И в руках у этого джентльмена был, как всегда, небольшой коричневый "дипломат". И минут на пять, выполняя его пустяковую просьбу что-то принести, вы выходили из номера. Правильно?

- Да. Ну и что? – зло воскликнула Улагина, думая о том, что разбаловала сыщика и не указать ли ему на дверь. – Неужели вы думаете, что я поверила тем басням, что вы сочинили о Домье?!

- Младенец в джунглях, - пробормотал Вилкин и вдруг, открыв гардероб, ринулся его осматривать. Задумался, рыская глазами по комнате, заглянул под кровать, в тумбочку для телевизора...

- Как вы смеете! – подняла крик Улагина и запнулась, увидев, как сыщик вынимает из тумбочки и укладывает в пустой пакет шприц, флакончик с жидкостью и нечто, напоминающее кусок мыла.

- Что это? – удивленно спросила Надежда.

- Презент господина Домье: шприц, цианид, взрывчатка... Миниатюрный набор диверсантки Улагиной, - объяснил сыщик, направляясь к выходу. – Запомните: я зашел предупредить, что уезжаю по делам. Из номера ничего не уносил и ничего здесь не искал. Ясно?

- Да! – покорно ответила Улагина, с ужасом глядя на исчезающий за дверью пакет.

Упав в кресло, Надежда с трудом осмысливала произошедшее. Предаваться этому занятию ей пришлось недолго: в дверь постучали и на пороге появились два работника милиции.

- Ознакомьтесь с ордером на обыск, - протягивая Надежде бланк с печатью, сказал один из них. – После проедем в городской отдел внутренних дел, следователь возьмет у вас показания.

Допрашивали Улагину долго. Происшествие у морского вокзала не причинило Коноводову серьезных повреждений, - отброшенный взрывной волной, он при падении на бетон повредил руку и получил гематому на голове, - но применение взрывчатки в мирном городе, с подачи Домье освещенное европейскими газетами, получило общественный резонанс, заставив активизироваться механизм расследования. Из Симферополя был доставлен официант Сидоров, сообщивший о дохлых кошках, озабоченность вызвало мнение Домье о связи геокэшеров с зарубежной русской мафией, настораживали объяснения Заторина и Коноводова, указывавшие на Улагину как на инициатора отравления. К счастью для Надежды, доказательства ее причастности к преступлению оказались косвенными – сделанный по телефонной наводке неизвестного обыск результатов не принес, - да и привезенный сыщиком адвокат быстро доказал следователю отсутствие оснований для ареста девушки.

- Поздравляю с обретенной свободой! – услышала Надежда, когда – задерганная, измученная, перепуганная подпиской о невыезде – вышла из горотдела.

Возле "Фольсвагена", улыбаясь, стоял Вилкин.

- Поехали в "Туборг", - предложил сыщик. – У меня – хорошие новости.

Самой приятной новостью для оставшейся без завтрака Надежды было то, что ее накормят. Тяжело передвигая ноги, она забралась на переднее сиденье и не шевельнулась, когда машина остановилась возле "Туборга".

- Настолько плохо? – заглянув Улагиной в лицо, участливо спросил сыщик, - и тут Надежда разрыдалась. В этих слезах было все: оторванность от дома, усталость от геокэшинга, горечь разочарования в людях, страх перед западней, куда ее втокнули. Обняв девушку за плечи, - Надежда с

готовностью уткнулась в мужское плечо, - Вилкин растерянно гладил компаньонку по голове, смущенно повторяя:

- Ну, ну, не надо! Вы умная, смелая, вы – лучше всех! Все равно мы победим!

Выплакавшись, Надежда отстранилась от Вилкина, достала из сумочки платок, зеркальце, косметичку, скомандовала сыщику: "Отвернитесь!" и занялась приведением себя в порядок.

- Где обещанные яства? – услышав повеселевший голос Улагинной, разглядывавший окрестности сыщик выскочил из машины, открыл дверцу и почтительно препроводил компаньонку за стол.

Съев вкусные блюда из рыбы и выпив бокал муската, Улагина окончательно успокоилась и потребовала:

- Что за новости? Рассказывайте.

- Благодаря вашей подсказке я проанализировал беседу на позавчерашнем ужине и вспомнил: в реплике говорилось о первой и второй головоломках как о пути от столицы к столице. Если думать в данном направлении, то вторая головоломка начиналась с философского определения пустоты и правила симметрии требуют заключительную часть третьей головоломки рассмотреть тоже в рамках философской категории. Тогда, минуя Локо, мы переходим к Мороку как к владельцу Истины, понимаемой в диалектике как движение от начала к концу.

Достав лист бумаги и авторучку, Вилкин начал иллюстрировать свои мысли графически:

- Учитывая, что фраза "Локо=200 в пропасть" – ловушка, мы получаем, что в третьей головоломке есть все, кроме расстояния до тайника. Но зато они имеются в первой и второй головоломках, на которых и указывает Морок. Сложив цифры "сто", "пятьдесят" и "сто пятьдесят", получаем цифру "триста". Взяв указателем линию большого пальца правой медной руки русалки, я отсчитал по прямой тридцать метров и оказался возле крымской сосны. Поработав лопатой на северной стороне дерева, вырыл маленькую шкатулку, честь открытия которой предоставляю вам.

Достав из "дипломата" контейнер, сыщик поставил его на стол перед Улагинной. Недоверчиво посмотрев на сыщика, Надежда нажала на выступ и контейнер открылся. Сунув вглубь руку, вынула и просмотрела документы.

- Написать фамилию и данные удостоверения личности – и я собственник шикарного автомобиля, - изумленно воскликнула она.

- Что мешает: пишите! – улыбнулся сыщик, протягивая компаньонке авторучку.

Нерешительно взглянув на сыщика, Улагина начала заполнять документы.

- Часто представляла этот момент, - но получилось иначе, - закончив писать, Надежда положила документы в сумочку, достала пачку денег. – Восемь тысяч евро, - как договаривались!

Придвинув авторучку и деньги Вилкину, Надежда с волнением спросила:

- Вы меня не бросите? Поделим сокровище на четверых, включая вас.

- Спасибо, - поблагодарил Вилкин, пряча деньги и авторучку в "дипломат". – Но наша ближайшая задача: узаконить находку. У Домье хватит наглости по приезде во Францию объявить документы поддельными.

- Но как? – Улагина беспомощно взглянула на сыщика.

- Не знаю, - замялся сыщик. – У меня друзья в газете "Большая Ялта", посоветуемся с ними.

Поднявшись на второй этаж старинного здания, Улагина вслед за Вилкиным прошла в большую комнату, заполненную мебелью, компьютерами и фотографиями известных людей. Главный редактор газеты Андрей Васильевич – худощавый мужчина с умными глазами, - представил своего заместителя Татьяну Александровну – стройную красивую шатенку с обаятельной улыбкой, - и "директора" помещения кота "Серого".

Вникнув в проблему, Андрей Васильевич задумался. Потом решительно сказал:

- Устроим пресс-конференцию: обычно мы проводим ее в ночном клубе гостиницы "Бристоль". Татьяна обзвонит коллег, а тебе, Валерий, нужно заманить туда господина Домье. Справишься?

- Конечно! – кивнул головой сыщик, и работа закипела.

Вилкин доставил на пресс-конференцию не только Домье, но и Заторина с Коноводова, вытащив последнего из больницы. Осмотрев содержимое контейнера, Домье с кривой улыбкой поздравил Улагину, но, получив в руки микрофон, оживился, похвалил себя за прекрасно организованный геокэшинг, поведал о величии и могуществе компании "Ситозн", и с гордостью, под вспышки фотокорреспондентов, вручил Улагинной документы для получения приза.

После пресс-конференции по предложению Домье поехали отмечать событие в "Хуторок "Ла Мер": пригласив, естественно, редакцию "Большой Ялты". К этому времени Домье окончательно пришел в хорошее настроение и даже продемонстрировал собравшимся умение говорить изысканные тосты, - так что ужин прошел в благодушной и веселой обстановке.

- Как удалось привезти Домье на пресс-конференцию? – спросила Улагина, поднимаясь с Вилкиным по ступенькам в пансионат "Чайная горка".

- Пригрозил, что сообщу о его проказах с котлетами и взрывчаткой руководству "Ситозна", - засмеялся Вилкин. – Судя по ужасу Домье, оно не в курсе его гнилых дел.

- Вы – волшебник! – убежденно заявила Улагина. – Я не верила, что они существуют, но сейчас...

- Обыкновенный сыщик, - отмахнулся Вилкин. – Разве что для меня это не профессия, а способ жизни.

Остановившись возле своего номера, Надежда посмотрела на Вилкина и нерешительно произнесла:

- Останетесь?

Подойдя вплотную, Вилкин взял руки Улагинной, поднес их к губам, поцеловал и, отпустив, мягко сказал:

- Спасибо, но это лишнее. Спокойной ночи!

И, повернувшись, пошел в свой номер.

Утром Надежду разбудили бегущие по потолку солнечные лучи. Понаблюдав за ними, Надежда потянулась, выпрыгнула из постели и, сделав несколько гимнастических упражнений, подошла к окну. Белые пятна домов, пересыпанных, словно укропом, зеленью, горы, на верхушках которых кокетливыми барышнями примостились облака. Ялта. Лето. И сегодня Вилкин отведет ее к сундучку.

Засмеявшись, Надежда занялась водными процедурами и выбором одежды, соответствующей настроению, чтобы к девяти часам, собранной и терпеливой, ждать Вилкина.

Завтракали в "Туборге".

- Я заметила: вы вчера в ресторане отвели в сторону Коноводова и Заторина и что-то им втолковывали. Это связано с сокровищем? - поинтересовалась Улагина.

- Да. Объяснял, как заслужить право на участие в разделе пирога. Сдав вас милиции, Домье лишил их возможности вас шантажировать.

- И что потребовали?

- Сейчас они должны находиться у следователя и писать заявления о том, что, желая подшутить в рамках геокэшинга над госпожой Улагиной, готовили ей у колонны примитивную ловушку в виде взрывпакета. Но из-за неопытности Коноводова ловушка сработала, когда шутник ее устанавливал. В отравлениях они тоже вас не обвиняют: кошки сдохли по причине ботулизма в котлетах, чем должна заниматься санэпидемстанция, а не милиция.

- Шито белыми нитками.

- Для отказа в возбуждении уголовного дела хватит, а большего и не надо. Милиции не нужны непонятные истории с иностранными гражданами.

- А когда начнем делить пирог?

- Позавтракаем, прогуляемся по набережной, подъедем к следователю, где с вас снимут подписку о невыезде, захватим в "Бристоле" раскаявшихся соперников, - и отправимся к пирогу.

- Валерий Александрович! - рассердилась Улагина. - Когда вы прекратите говорить загадками? Куда отправимся? Как вы нашли сундучок?

- Проанализировав письмо Улагая, - улыбнулся Вилкин. - Иоанно-Златоустовская земля - или кладбище - находится в верхней части Поликуровского холма. На этом кладбище, вошедшем после Отечественной войны в созданный мемориал, похоронен в январе 1901 года композитор Василий Сергеевич Калинин, родившийся в селе Воин. Это наименование: единственное, что связывает музыканта и казака. Думаю, что под памятником, установленным на могиле Калиникова в 1911 году, и закопал Улагай в сентябре 1920 года сокровище.

- Почему я должна делиться с Заториным и Коноводовым? - возмутилась Улагина. - Какое отношение имеют они к драгоценностям?

- Жадность просыпается? – понимающе кивнул Вилкин. – Сотник Петр Коноводов – дед Виктора – обнаружил сундучок в станице Брюховецкой и доставил его генералу, денщик вашего деда Василий Заторин хранил его до отъезда Улагая в Ялту. Генерал упоминает о них в письме как о близких людях. Ничего не получив из сокровища, они ощущали себя ограбленными, передав это чувство следующему поколению, - и наблюдали за вашей семьей. Думаю, болтливая горничная появилась у вас не случайно.

- Извините, - Надежда опустила голову. – Они имеют право. Откуда так много знаете?

- Мемуары, научные исследования, Интернет, информация моего однокурсника из Франции, - перечислил сыщик. – Взял из этой массы необходимое и соединил логикой.

- Рядом с вами тяжело находиться: никогда не угадаешь, что вам известно, - содрогнулась Улагина. – Приглашайте меня на прогулку.

Спустившись по бывшей Елизаветинской улице, прошли мимо построенного в 1873 году каменного мола к фонтану, постояли, лоя руками водяные брызги. Став частицей фланирующей по набережной публики, подошли к огромному пришвартованному теплоходу "Аустерлиц".

- Отплывает сегодня вечером, с заходом в Марсель, - показав на теплоход, грустно сказала Надежда. Вилкин промолчал.

Зайдя в горотдел милиции, выяснили, что уголовное дело прекращено и улагинская подписка о невыезде отменена. Завернув в "Бристоль", - откуда рано утром выехал в Симферопольский аэропорт Домье, - загрузили заднее сиденье "Фольксвагена" Заториным и нарушителем больничного режима Коноводовым, - и отправились на Поликуровский мемориал. Поднявшись по ступенькам, остановились у памятника Калининскому.

- Копайте, - протянув лопату Заторину, предложил Вилкин. – Вносите свой вклад.

Сумрачно глянув на сыщика, Заторин нажал ногой на черенок. Коноводов и Улагина стояли, напряженно глядя на размеренные взмахи лопаты. Скользнув случайным взглядом по лицу отодвинувшегося на задний план сыщика, Надежда поразила его насмешливому выражению, - и вздрогнула от плохого предчувствия.

- Есть! – воскликнул Заторин, почувствовав, как лопата уперлась во что-то твердое. Несколько энергичных движений: и обнажилась дубовая поверхность сундучка.

- Обкапывай вокруг! - посоветовал Коноводов, впери алчный взгляд вглубь ямы.

Минут через десять, поднатужившись, Заторин вытащил из ямы сундучок.

- Легкий какой-то, - пробормотал он, трясущимися руками поднимая крышку.

- Пустой! – выкрикнул Коноводов, злобно посмотрев на Улагину. – Ты решила нас обмануть?!

- Он не совсем пуст! – заглянув в сундучок, возразил Вилкин и, став на колени, пошарил в дальнем углу. – Вот!

В его руке замерцала маленькая черная жемчужина, которую сыщик, поднявшись, протянул Улагиной.

- Возьмите на память о деде. Клад, вероятно, выкапывали глубокой ночью, поэтому жемчужину не заметили. Сокровище для удобного перемещения переложили в мешки, а сундучок, чтобы не оставлять следов, вернули в землю.

- Когда это случилось? – спросил Коноводов.

- Весной или летом 1925 года, - ответил сыщик. – Предлагаю вернуть сундучок его стражу, привести могилу в порядок и поехать обедать в кафе "Маэстро". Там и поделюсь сведениями.

Заглянув еще раз в сундучок, Заторин вздохнул, опустил его в яму и забросал землей. Через час кладоискатели сидели в "Маэстро", а еще через полчаса внимательно слушали Вилкина.

- У наших предков было исчезнувшее ныне понятие "офицерская честь". Эта честь не позволила полководцу побежденной армии Врангелю бросить на произвол эвакуированных из Крыма солдат, она же толкнула генерала Улагая на поступок, невероятный для современной морали.

Сыщик задумчиво посмотрел на линию горизонта, на купальщицу и продолжил:

- Врангелевскую армию начали грабить сразу после прибытия в Турцию: отняли корабли – в счет продовольственной помощи, пытались забрать оружие. Англия, торопившаяся возобновить поставки из России дешевой древесины, угля и пушнины, требовала вышвырнуть людей без подданства обратно в Крым, - и не сделала этого только из-за опасения вооруженного сопротивления эмигрантов... Врангель понимал, что армия должна остаться боеспособной, иначе будет уничтожена вчерашними союзниками, - и создает военно-политическую организацию РОВС. Основная часть войск передислоцируется в Болгарию и Сербию, где для самообеспечения занимается строительством, сельскохозяйственными и другими работами. Руководство РОВС обращается к правительствам европейских стран с просьбой о финансовой помощи, но получает вежливые отказы.

Вилкин помолчал. Улагина, Коноводов и Заторин слушали, затаив дыхание.

- И вдруг в 1926 году у Врангеля появляются деньги: достаточные, чтобы не только улучшить снабжение армии, но и открыть в странах Европы пять военных училищ, офицерскую артиллерийскую школу в Софии, два кадетских корпуса, корпус-лицей, Высшие военно-научные курсы и Военно-технические курсы. Источник этих денег неизвестен, но я уверен, что это были сокровища, переданные Врангелю генералом Улагаем.

Вилкин перевел взгляд на Улагину.

- Когда я прочитал письмо генерала, то понял, что он никогда бы его не отправил. Прятаться за бумажку, - способ действия трусливого или интеллигентного человека, - а генерал таким не был. И, преодолев слабость

духа, положил письмо в шкатулку и забыл о нем... Думаю, в 1925 году с маленьким отрядом казаков он тайно, ночью на контрабандистском судне приплыл сюда, - граница тогда фактически не охранялась, - высадился на Поликуровском холме, выкопал клад и лично отвез Врангелю.

- А почему в мемуарной литературе об этом не упоминается? – с сомнением спросил Коноводов.

- Уверен, что обязательным условием, поставленным Улагаем Врангелю, было молчание. Вор остается вором, даже вернув украденное. Из-за вероломных действий Улагая в Таманском десанте погибли солдаты и офицеры. Обнародованная, история с сундучком погубила бы генерала, - и Врангель это понимал.

- Надеюсь, - Вилкин обвел всех взглядом, - что в память о генерале вы сохраните его тайну.

- Обещаю, - подумав, произнес Коноводов.

- Конечно! – поддержал его Заторин, неожиданно добавив:

- Я закончил корпус-лицей.

Улагина красноречиво молчала.

- Коснусь еще одной темы, - Вилкин рассказал о провокационных действиях Домье.

- Негодяй! – процедил Заторин. - А я на Надежду грешил. Так и чешутся кулаки набить ему морду.

- Есть другие способы, - холодно проговорил Коноводов. – Оставьте это мне.

- Правильно, - поддакнул Вилкин. – У вас, кроме арестованного Ангела, достаточно нужных людей.

Не обращая внимания на вытянувшееся лицо Коноводова, сыщик поднялся, пожимая на прощание руки мужчин. Сев в машину, Вилкин и Улагина проехали к морскому вокзалу.

- Берем билет на "Аустерлиц"? – обернулся сыщик к Надежде.

- Да, - согласилась Надежда, грустно напомнив:

- По условиям контракта вы отвечаете за меня, пока не отправите во Францию.

Приобретя билет, отправились гулять по набережной: лакомились мороженым, пили сок, фотографировались в старинных одеяниях, рассматривали выставленные на продажу картины художников, одну из которых Надежда купила. Потом поехали в "Чайную горку", упаковали и погрузили в машину вещи, попрощались с хозяином. Перекусив в "Челентано", отправились к теплоходу.

- Спасибо за все! – взяв Вилкина за руки, тихо сказала Надежда. – Если б не вы... Возможно, мы еще встретимся?

- Не знаю, - всматриваясь в лицо Надежды и словно стараясь его запомнить, произнес Вилкин. – Но за свою короткую жизнь я понял одно: при расставаниях с близкими людьми прощаться надо навсегда.

Опустив голову, Надежда взяла сумки и пошла к пароходному трапу. Таможенный досмотр, палуба, проем двери, - и она исчезла. "Будь счастлива,

царевна Лебедь!" – молча пожелал Вилкин, поворачивая туда, где ждал его "Фольксваген" – и долгая дорога в Симферополь.

Было темно, когда теплоход отдал швартовы. Стоя на верхней палубе, Надежда смотрела, как удаляются огни Ялты, думала о Вилкине, мчавшемся сейчас сквозь ночь по серпантину дороги, о ставшем таким близким и понятным деде, отплывавшем когда-то от этого причала, и повторяла, повторяла слова, которыми генерал Врангель закончил свои "Воспоминания": "Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний... Прощай, Родина!".

ГЕРБ ДЕ ЭМЕРВИЛЕЙ

Поезд прибыл в Арион на рассвете. В привокзальном кафе меня угостили чашкой крепкого кофе и объяснили, где находится стоянка такси.

Через полчаса я входил в холл гостиницы "Найтингель". Хозяйка гостиницы, госпожа Мюре — красивая, с пышным телом и слегка удлиненным овалом лица, женщина 30 — 35 лет, записав в журнал постояльцев данные удостоверения, проводила меня в номер, находившийся на третьем этаже и, сообщив, что завтрак сейчас принесут, удалилась. Распаковав чемодан, я принял душ, дождался завтрака и, закрыв комнату на ключ, вышел на улицу.

Сразу возле гостиницы расположился громадный старинный парк, а немного дальше — обветшавший замок, сохранившийся, как объяснял краеведческий справочник, еще с тех времен, когда провинция принадлежала участнику крестовых походов графу Роберу де Эмервиль. После того, как в 16 веке граф Гоше де Эмервиль и двое его сыновей за чернокнижие были казнены, род де Эмервилей начал угасать, а когда в 19 веке последние представители рода в поисках счастья переселились в другие края, замок опустел, начал разрушаться и, взятый на баланс муниципалитета, превратился в городскую достопримечательность, с удовольствием исследуемую туристами.

Зайдя в парк, я побродил по пустынным аллеям и, вспомнив наставления Синха, уселся на вкопанную возле векового дуба скамейку.

Вокруг пели птицы; всходило солнце. Осень уже готовилась красить листву в желтую краску. Я задумался, перебирая обстоятельства своего приезда.

— Извините, но вы заняли скамейку, на которой по утрам я привык отдыхать — прервал мои размышления резкий голос. Я повернул голову и увидел широкоплечего, плотного телосложения мужчину сорока лет, сердито смотревшего на меня.

— Я не знал — усмехнувшись, пояснил я, и, решив не ссориться, встал. — Уступаю вам место.

Мужчина, не ожидавший такой легкой победы, недоуменно застыл, затем что-то обдумав, предложил: "Присядьте! Вы мне не мешаете. Интересно побеседовать с приезжим, начинающим осмотр города с посещения парка".

— Как вы узнали, что я приезжий? — удивился я.

— Местных жителей сюда не заманишь — особенно утром. Здесь слишком много тишины и нет привычной им городской толкучки.

Мужчина замолчал, внимательно меня разглядывая, и с внезапной подозрительностью спросил: "Что у вас с левой рукой?"

Раздраженно поморщившись, я сухо ответил: "Паралич кисти — уже несколько лет, — в связи с чем и ношу черную перчатку. А почему это вас взволновало?"

— Так — заметно успокоившись, проговорил наблюдавший за мной мужчина. — Мало ли что померещится... Присядем, а то торчим, как столбы на проезжей дороге.

Мы расположились на скамейке. В начале разговор носил случайный характер: мы обменялись мнениями о погоде, о пейзажах парка и достопримечательностях города, о газетных новостях, потом заговорили о себе. Мужчина сказал, что его зовут Эмри Фосс, он — владелец расположенного на ближайшей улице двухэтажного особнячка, который купил по приезду в город около двух лет назад. Живет один, не считая немой экономки; занимается изучением философских трактатов и раздумьями над бытием. В Арионе поддерживает знакомство с немногими его жителями: слишком они меркантильны и не умеют мыслить дальше проблем насущного дня.

Откровенность Фосса меня удивила: мне даже показалось, что она нарочита и с ее помощью он, словно удочкой, пытается выудить нечто со дна моей души. Наверное, поэтому я представился более сухо: Франк Дюрен, рантье, имею медицинское образование и иногда практикую, увлекаюсь музыкой, археологией; в Арион приехал недели на две с целью отдыха, остановился в гостинице.

— В какой гостинице: "Найтингель"? — поинтересовался Фосс.

— Да, — ответил я. — А что?

— Ничего, — задумчиво посмотрев на меня, сказал Фосс. — Миссис Мюре овдовела в позапрошлом году при очень загадочных обстоятельствах. А остальное... Нужно ли всему верить?

— Нет, вероятно, — согласился я и, встав, попрощался с Фоссом, добавив, что люблю утренние прогулки и завтра в это же время обязательно буду здесь.

Вернувшись в гостиницу, я поднялся наверх и недоуменно замер: комната носила следы тщательного и не очень аккуратного обыска. Странно: неужели Синх ошибся и я иду по ложному пути, не подозревая, что ветер опасности дует с другой, неизвестной мне стороны? И этому неизвестному я уже хорошо известен... Блестящие перспективы, ничего не скажешь!

Убедившись, что ничего из вещей не пропало, я поколебался, решая, нужно ли ставить в известность госпожу Мюре, и пришел к выводу, что в моей ситуации лишний шум вреден. Разобрав постель, я, стирая накопленную в поезде усталость, улегся отдыхать.

Через несколько часов, проснувшись и пообедав, отправился знакомиться с городом. Ничего особенного, отличного от других провинциальных городов, в нем не было: широкая, в многоэтажных домах и рекламных вывесках, центральная часть, тишина усадеб и зелень садов окраины, — только замок придавал городу оригинальность и я потратил два часа на изучение крепостных стен и длинных замковых переходов. Людей, пришедших в замок с этой же целью, было немало, и тем не менее именно там я обнаружил, что за мной следят. Молодой парень лет двадцати пяти, с черными, курчавыми волосами, одетый в светлую рубашку и синие джинсы,

шел, держась поодаль, однако так, чтобы видеть меня и мои действия. Походив по замку и убедившись в верности своего вывода, я вернулся в гостиницу, с беспокойством думая, какую цель пытается реализовать новая неожиданность и в какой мере связана она с моими замыслами, о которых знал только Синх, — но он скорее бы умер, чем повредил мне неосторожным словом. Ясно одно: меня вталкивали под пресс навязываемых извне обстоятельств и я мог только гадать, как освободиться от их власти.

Через холл гостиницы я прошел в ресторан и, сев за угловой столик, заказал отбивную и стакан мартини. Меня интересовали действия Курчавого (как персонифицировал я "хвост"), но он не вошел даже в гостиницу, что объясняло многое, хотя и не все.

Внезапно я уловил на себе чей-то взгляд. Уронив салфетку, нагнулся и, резко подняв голову, встретился взором с глазами сидящего поодаль сухопарого мужчины, похожего по одежде на процветающего коммерсанта. Несколько секунд мы откровенно изучали друг друга, потом Коммерсант (иначе я его назвать не мог) отвернулся и занялся вычитыванием меню.

Итак, я ошибся, думая, что слежка прекратилась, и предполагая в связи с этим, что ее организатор находится в "Найтингель": Курчавый просто передал меня Коммерсанту, и я не заметил, когда и где это произошло.

Расплатившись с официантом, я поднялся в свой номер и внимательно осмотрел комнату: никто в мое отсутствие не заходил. Включив телевизор, я послушал вечерние новости, посидел перед окном, наблюдая люминесцентные огни вывесок и размышляя о возникающих проблемах, затем лег спать.

Следующие три дня не принесли ничего нового. По утрам я прогуливался в парке, ведя длительные беседы с Фоссом, потом бродил по городу, изучал замок, посещал кафе и кинотеатры, — в общем, вел обычную жизнь отдыхающего от забот и трудов туриста. Курчавый упрямо ходил за мной; изредка я видел Коммерсанта, чья роль в происходящих событиях оставалась мне непонятной. Я выяснил, что Коммерсант проживает в гостинице на одном этаже со мной; чувствовалось, что я ему любопытен, но знакомства он мне не навязывал; я тоже держался от него поодаль. Более всего меня интересовало общение с Фоссом, оказавшимся интересным и приятным собеседником. В нем чувствовался глубокий интеллект с примесью мистицизма; любимой темой его разговора были рассуждения о том, что мир мертвых отличается от мира живых лишь материально-биологическим воплощением: эти миры сосуществуют, зачастую вторгаясь друг в друга, и тогда мертвецы разгуливают по земле, не отличаясь от обычных людей. При этих словах Фосс странно посматривал на меня, словно я напоминал ему ожившего покойника.

Я уже начинал привыкать к размеренному течению будней, когда в ночь на четвертые сутки моего пребывания в Арионе случилась очередная неожиданность.

В тот вечер я лег спать поздно, - меня мучили кошмарные сны и когда я проснулся от шума, то вначале решил, что одетый в белое человек, залезающий в мою комнату через открытое окно, является продолжением сна. Человек был худой, со всклокоченными светлыми волосами на голове и горящими, налитыми свирепой силой глазами, пристально смотревшими в только им видимую точку.

Оружия у меня не было; я затаился на кровати, наблюдая, как незнакомец медленно, держа перед собой вытянутые руки, подходит к столу, огибает его и направляется ко мне. "Лунатик или человек под гипнозом!" — понял я, сосредоточивая энергию мозга на приказе незнакомцу вернуться обратно, — и надеясь, что моя воля окажется более сильной, чем та, которая двигала непрошеным гостем.

Незнакомец остановился: лицо его перекосила судорога; он сжал руками пустоту и, тяжело дыша, произнес: "Я должен тебя убить! Я должен тебя убить!". Повторив это несколько раз, незнакомец вдруг обмяк, руки его бессильно опустились; постояв, он медленно побрел к окну и, выбравшись наружу, пошел по десятисантиметровому карнизу, так уверенно переставляя ноги, словно находился на земле, а не на высоте третьего этажа.

Вскочив, я бросился к окну, интересуясь маршрутом его движения: к моему удивлению, незнакомец миновал окна комнаты, принадлежавшей, по моим вычислениям, Коммерсанту, дошел до угла дома и, свернув, исчез из поля зрения. Изучив расстилавшуюся внизу улицу и никого не обнаружив, я закрыл окно, улегся на кровать и долго раздумывал о той опасной игре, в которую кто-то включил меня в качестве жертвы.

Утром, когда я пришел в парк, Фосс сразу обратил внимание на мой утомленный вид и, словно невзначай, поинтересовался, не было ли у меня ночью каких-либо неприятностей. Я объяснил, что меня замучила бессонница. Фосс недоверчиво выслушал меня и, покачав головой, заметил, что гостиница "Найтингель" — зловещее место, и у меня будет возможность в этом убедиться. Я чувствовал, что Фосс что-то знает, в том числе и о ночном визите, и ждет откровенности, которую я никак не мог ему подарить.

Изучивший мои привычки Курчавый в парк не заходил, ожидая меня у входа, да и вообще свою "службу" начал нести с изрядной ленцой и мне ничего не стоило в любой момент от него улизнуть. Но надобности в этом не было, и я, распрощавшись с Фоссом, отправился, как обычно, фланировать по городу. Пообедав в ресторане, я вернулся в "Найтингель" и лег отдыхать, рассудив, что от приступа головной боли — следствие ночного напряжения сил — это лучшее средство. Спал я недолго: меня разбудил громкий стук в дверь.

— Сейчас открою! — крикнул я, вскакивая и надевая халат. Распахнул двери: вокруг никого нет.

— Глупые шутки! — с досадой подумал я и вдруг увидел лежавший на полу конверт. Осторожно взяв его в руки, я вернулся в комнату. Повертев конверт — надписей на нем не было, — я вскрыл его и достал записку со

следующим машинописным текстом: "Сегодня в 23 часа в замке возле часовни вам помогут найти то, за чем вы приехали в Арион".

Перечитав записку несколько раз, я задумался: неужели, кроме меня и Синха, в наши планы оказался посвящен еще кто-то, использующий теперь знание в собственных целях? Или это шантаж и провокация — но со стороны кого и зачем?.. В любом случае идти нужно; тайны открываются ищущим.

Полежав около часа в постели, я принял душ и уселся читать новеллы В. Ирвинга; потом поужинал и вышел в город. Долго бродил по улицам, наблюдая, как затихает на них жизнь и, определив, что время близится к 23 часам, направился в замок.

Фонарей здесь не было, но их вполне заменяла спешившая к полнолуннию луна; я шел, решая, каким путем—верхним или нижним — подойти к часовне. Слежка отсутствовала и это окончательно утвердило меня в мысли, что ночная встреча покончит с окружавшими меня загадками или что-то в них прояснит.

В часовню я решил пройти не через крыльцо, а сверху, через старую башню. Этот путь позволял избежать засады и имел одну особенность, о которой перед отъездом рассказал Синх.

Осторожно шагая по ступенькам, я вслушивался в тишину, замирая при каждом подозрительном шорохе. Вот и часовня. Войдя в нее, я понял, что я не один: от стены отделилась фигура рослого мужчины в маске.

— Рад, что вы точны — сказала маска. — Мы находимся в месте исповедей, и я надеюсь услышать подробности вашего приезда в Арион.

Голос был незнаком; начало разговора мне не понравилось; на мгновение я пожалел о своем приходе.

— В записке указано, что объяснения будут даны мне — тщательно выбирая слова, проговорил я. — А именно: как найти то, за чем я приехал в Арион.

— В этом тайны нет: вы приехали из столицы за карьерой и деньгами. Карьеру вы хотите получить от полиции, от нас — деньги — насмешливо произнесла маска. — Поэтому вас ждет смерть и спасти от нее может лишь откровенность.

— Ловушка — наглая и не очень умная — подумал я.— Но ясно главное: этот бандит с манерами провинциального актера ничего обо мне не знает!

— Вы меня с кем-то путаете: деньги у меня есть, а о карьере не забочусь со дня рождения, — сказал я, поворачиваясь к выходу из часовни. — Поэтому предлагаю распрощаться.

— С чем: с жизнью? — засмеялся собеседник. — Учитывая ваше поведение, придется вам помочь.

Мужчина хлопнул в ладоши: в часовню вбежали два человека с дубинками и в масках, набросившиеся на меня. Я почувствовал, как струится во мне, подчиняясь воле, поток психозэнергии: рука одного из нападавших была остановлена на излете удара, но действия второго я успел нейтрализовать лишь частично и его дубинка задела мою левую руку. К на-

падавшим присоединился их предводитель; силы становились неравными и я бросился наверх, в башню.

— Стой! — закричал главный из бандитов. — Тебе не уйти: замок окружен!

Вместо ответа я ускорил бег; задыхаясь, вбежал на башенную площадку, кинулся к левой стене, нащупал выбитый герб де Эмервилей и нажал на выступ, о котором говорил Синх. Часть стены отошла в сторону; вскочив в образовавшийся проем, я пошарил справа от себя, нашел рукоять механизма и рванул вниз, вернув кусок стены на прежнее место. Глухо, как сквозь слой ваты, я услышал, как пробежали, стуча каблуками и чертыхаясь, мои преследователи; вспомнив указания Синха, я побрел в кромешной тьме, более всего опасаясь старинных западней. Брел я долго: потайной ход, спускаясь вниз, благополучно вывел меня в парк, — к дубу, возле которого по утрам я сидел на скамейке, беседуя с Фоссом.

— Интересно: имеет Фосс отношение к нынешнему событию? — подумал я. — Или я вновь ошибаюсь?!

Держась в тени деревьев, я вышел из парка; постоял около входа в гостиницу и, убедившись, что вокруг пусто, вбежал в холл, где, кроме ночной горничной и швейцара, никого не было. Отвернувшись от их удивленных взглядов, я поднялся в номер, придвинул к двери стол, закрыл окно и долго лежал, усталый и опустошенный...

Завтрак подавали в комнату; в это утро, к моему удивлению, тележку с подносами вкатилла госпожа Мюре, которую я со дня приезда почти не видел. Улыбаясь, госпожа Мюре спросила, нравится ли мне Арион, доволен ли обслуживанием, расставила на столе блюда, выслушала мои ответы и, очаровательно смущаясь, предложила составить ей компанию на сегодняшний вечер: ее ресторанный шеф-повар изобрел новое блюдо и я должен его попробовать.

— Если не хотите в ресторан, то можно посидеть у меня — добавила госпожа Мюре многозначительно. — Я ведь вдова: это дает определенную свободу действий.

Я согласился, объявив, что начнем с ресторана, а потом — куда приведут обстоятельства. Госпожа Мюре поощрительно засмеялась и вышла, пожелав приятного аппетита.

Завтракая, я перебирал варианты предстоящего вечера. Я не сомневался, что мотивы, двигавшие госпожой Мюре, отнюдь не сексуальные, — от меня вновь чего-то добивались. И мне в моей ситуации поиска того, что находится неизвестно где, не оставалось другого выхода, как плыть по течению подхватившей меня волны событий.

Фосс в это утро был угрюм и неразговорчив. Пытаясь изменить его настроение, я предложил вместе пообедать. Это была не первая попытка застольного сближения с Фоссом, но обычно я наталкивался на отказ; сегодня Фосс согласился сразу, даже настроение его улучшилось.

Слежка за мной прекратилась; убедившись в этом, я купил в магазинах заранее намеченный набор вещей и спрятал их в башне. Потом посмотрел в кинотеатре кинофильм Бергмана и поспешил в кафе, где меня ожидал Фосс.

Обед заказывал я; мы долго сидели, смакуя еду и напитки. Фосс рассказывал родословную де Эмервилей, которую знал настолько хорошо, что я спросил, не находится ли он с ними в родственной связи.

— Нет, — ответил Фосс. — Род де Эмервилей исчез: лет десять назад оставался в живых один представитель этой ветви, граф Эгмонт, но и он погиб.

Пообедав, мы вышли на улицу и направились к скверу, куда мамы и няни приводили прогуливать своих детей. Смотреть, как играют дети — одно из немногих занятий, наполняющих меня чистотой и свежестью. И причина не только в воспоминаниях детства, хотя и они оказывают воздействие, — просто дети являются самой незащитной и искренней частью человечества, наполненной такой любовью и верой в мир и живущих в нем взрослых, что для нормального человека не оправдывать эту веру невозможно.

Возле скамейки, на которой расположились я и Фосс, бегала, подбивая вверх голубой воздушный шарик, маленькая девочка; после очередного удара шарик оказался на моих коленях.

— Ты почему одна играешь? — спросил я девочку, возвращая шарик. — Няня твоя где?

— Вон она, — девочка показала на толстую даму в зеленом, беседующую поодаль с соседкой на важные женские темы. — Мне с ней скучно, с другими веселее.

— Тем более, что другие всегда могут тебя чем-то угостить, — засмеялся Фосс и показал девочке на меня. — Если хочешь, этот дядя купит тебе мороженое.

Я удивился словам Фосса, поскольку подобных намерений не имел; однако, увидев, с какой надеждой посмотрела на меня девочка, улыбнулся, кивнул головой и, поднявшись, направился к стоявшей на тротуаре будке мороженщика.

— Дяденька! — выйдя на тротуар, услышал я голос девочки. Я обернулся. Девочка бежала ко мне, размахивая голубым шаром.

— Второй дяденька попросил, чтобы вы и ему мороженное купили, с шоколадом! — закричала девочка, подбегая.

— Куплю! — согласился я, повернулся и замер: прямо на меня мчалась, свернув на тротуар, огромная черная машина. Не раздумывая, я прыгнул на капот, прокатился по верху кузова и, отброшенный в сторону, ударился о землю. Машина, пролетев по инерции еще несколько метров, ударила девочку, подбросив ее тельце вместе с голубым шаром вверх и, развернувшись, умчалась прочь. Я успел заметить, что за рулем сидел блондин, пытавшийся позапрошлой ночью убить меня в номере гостиницы.

Полуоглушенный, на дрожащих от слабости ногах, я встал с земли и подбежал к девочке. Она была мертва; я слышал, как кричат в парке, спеша сюда, женщины. Прижав руки к груди девочки, я отключился от внешних

воздействий и сосредоточился на структуре биоэнергии девочкиного тела, стараясь импульсами собственного психодинамического поля заставить ее сердце забиться и погнать кровь по венам, а деформированным органам — принять первоначальную форму. Напряжение сил было настолько велико, что я боялся потерять сознание; наконец девочка задышала и открыла глаза.

— Она жива?! — подбежавшая нянька, плача, подхватила девочку на руки. — Где врач, вызовите врача!

— У девочки небольшой шок, — успокоил я няню. — Но больница не помешает.

Кто-то из набежавшей толпы остановил такси и усадил туда няню с девочкой; подъехали полицейские. Спеша исчезнуть до официальной регистрации события, я через сквер быстро направился на параллельную улицу. Фосса, как я и предполагал, в сквере не было.

В гостинице я долго лежал на кровати, самовылечиваясь и восстанавливая энергию тела и думая, надолго ли хватит меня в водовороте изматывающих приключений.

Вечером в условленный час я спустился в холл и минут пять ждал госпожу Мюре; в ресторан мы вступили дружной, счастливой парой. Столик для нас был накрыт заранее. Госпожа Мюре блистала нарядным платьем, золотыми украшениями и многообещающей улыбкой, — надеюсь, что я в парадном костюме был не менее великолепен.

Ужин затянулся. Звучала музыка, и я несколько раз приглашал госпожу Мюре — или Марту, как она попросила себя называть — потанцевать; во время танца она прижималась ко мне пышным телом.

— А теперь посидим у меня! — категорические заявила госпожа Мюре, когда было испробовано сюрпризное блюдо — в котором сюрприз явно преобладал над вкусом, - и выпито шампанское.

Я согласился. Пока что наши разговоры дальше гастрономических или фривольных тем не распространялись и я надеялся, что у себя в комнате госпожа Мюре наконец-то объяснит цель сегодняшней встречи.

Выходя из ресторана, я обратил внимание, с каким интересом изучает меня и госпожу Мюре Коммерсант, весь вечер просидевший неподалеку от нас; мне показалось, что он подал какой-то знак, но неясно, кому.

Гостиный зал госпожи Мюре поражал красотой и изысканностью. На столе вместе с легкими закусками стояли бутылки со старыми, коллекционными винами: меня принимали по первому разряду.

— Интересный вы человек, — прерывая беседу, вдруг сказала госпожа Мюре. — Я слышала, вы умеете исчезать и непонятным образом защищаете себя от прикосновений. А мне можно до вас дотронуться?

— Женщине можно все, — машинально ответил я, стараясь понять, чего добивается госпожа Мюре, раскрывая свою осведомленность о происшествии в замке.

— А какую сумму денег хочет господин Дюрен в дополнении к женскому вниманию? — спокойно, по-деловому спросила госпожа Мюре.

Чего-то в этой истории я не понимал. От меня хотели откупиться, но кто и зачем?

— Деньги мне не нужны, я ищу другое — изучающе глядя на госпожу Мюре, рискнул я приоткрыть карты.

Госпожа Мюре задумалась.

— Это ваше последнее слово? — спросила она.

— Да, — ответил я, раздумывая, не рою ли сейчас под собой громадную яму.

— Что ж, мужественных мужчин нужно ценить — и целовать, — улыбнулась госпожа Мюре и, подойдя вплотную, попыталась меня обнять. Что-то внутри меня не позволило допустить ее руки так близко к своему горлу; я уклонился от объятия и огорченно сказал: "Извините, Марта, я к этому не готов. Давайте подождем!".

Явно разочарованная моим поступком, госпожа Мюре вернулась в кресло; внимательно разглядывая меня, она недоуменно пожала плечами и предложила: "Выпьем! Надеюсь, это придаст вам смелости".

Не будучи в этом уверен, я все же протянул руку к бокалу с налитым в нем клико — и застыл, почувствовав идущую от вина волну опасности. Отвлекая меня объятиями, красавица Марта успела что-то бросить в бокал. Позавидовав самообладанию и актерской игре своей визави, я размашисто потянулся к блюдцу с дольками лимона и "нечаянно" столкнул бокал на пол.

— Ах, как вы неловки! — сердито воскликнула госпожа Мюре, вскакивая и подходя ко мне. — Бокал не разбился?

— Нет, — ответил я, нагибаясь, как последний дурак, вниз: и тотчас струя газа из баллончика, поднесенного к моему лицу госпожой Мюре, наполнила мое сознание темнотой.

Очнулся я в каком-то подвале, прикованный к стене цепями. Судя по всему, отношение ко мне было самое серьезное. Электрическая лампочка горела вполнакала, тускло освещая белые каменистые стены и бетонный пол. Меня не обобрали: все вещи были при мне. Повернув циферблат часов к свету, я установил, что сейчас около часа ночи. Я был без сознания сорок минут; далеко меня унести не могли и, вероятно, я находился в подвалах "Найтингель".

Самочувствие было отвратительным: болела голова, я досадовал на себя за допущенные промахи и отсутствие осторожности.

Голос раздался внезапно и шел откуда-то со стороны: "Господин под именем Дюрен, расскажите о себе!"

— Меня зовут Франк Дюрен, я — рантье, приехал сюда отдохнуть и, как видите, отдыхаю со всеми удобствами, — сказал я. — А кто со мной говорит и где вы?

— Беседа, в виду вашей опасности, ведется через микрофон, — объяснил голос, принадлежавший, судя по тембру, незнакомцу из памятной встречи в замке. — Вы — не Дюрен, мы проверили ваши данные, они — ложные.

— Тогда кто я? — спрашивая, я сердился на себя за промашку с именем: хотя кто мог предполагать, что мою личность будут устанавливать настолько тщательно?!

— Вы — Энрико Ковальски, полицейский сыщик, прибывший из столицы для раскрытия нашей организации. Об остальном говорить не будем. Нас интересует, какую информацию вы передали в полицию, а какую оставили для торговли с нами. Возможно, мы найдем общий язык: говорите!

— Я предпочитаю молчать, поскольку уверять вас в ошибке бесполезно, — устало сказал я. Понимая, что когда-нибудь погибну — от злой силы, старости или рокового случая, — я и в самом страшном сне не мог представить, что умру вместо другого, неизвестного мне человека, — а иного выхода из ситуации явно не было, в чем и удостоверили меня насмешливые слова бандита: "Не унижайте себя ложью! Помните: у вас обыскали комнату, устроили слежку, вам назначили ночью встречу в пустынном месте, вас пригласила к себе малознакомая женщина, — вы что, уклонялись от встреч или ставили кого-то в известность, как подобает добропорядочному рантье? Нет, вы, ничему не удивляясь, повсюду совали свой нос, реагируя на малейшее проявленное к вам внимание. Поэтому отвечайте лучше на вопросы".

Меня начали спрашивать о каких-то людях, событиях, угрожать, уговаривать. Я молчал.

— Что ж, — заключил голос невидимого собеседника. — Жаль расставаться навсегда с мужественным врагом, но другой вариант вы отвергли сами. Прощайте!

Я услышал свист и почувствовал удар в левую руку: в нее впилося нечто длинное, белое, похожее на толстую иглу.

— Пуля с нервно-паралитическим ядом, — понял я. — Об особенности моей левой руки они не подозревают.

Я громко застонал, закрыл глаза и повис на цепях, имитируя наступление паралича. Как я и предполагал, через несколько минут меня освободили от цепей и, закутав в прорезиненную ткань, куда-то понесли. Судя по репликам, меня собирались под видом несчастного случая бросить в текущую вблизи Ариона реку, чему я решил не препятствовать.

Вскоре меня засунули в багажник машины и повезли. Минут через двадцать машина остановилась: меня вытащили из багажника и, пронеся несколько шагов, положили на настил деревянного моста. Я слышал плеск реки; чувствовалось дуновение ветра.

Бандиты возились с ограждением: причиной моей смерти должна была явиться непрочность мостовых перил, на которые я якобы облокотился перед падением в воду. Я лежал, прислушиваясь к их разговору, и думал, не пора ли мне "оживать". Я сумел бы нейтрализовать свою "похоронную команду", однако побег вызвал бы такую мгновенную и массивную атаку бандитской организации, что мне или пришлось бы немедленно уехать из Ариона, или продолжать поиск, подвергаясь ежесекундной опасности — и это теперь, когда многое прояснилось и оформилось планом действий!

Поэтому, решил я, придется пойти на риск, чтобы стать для бандитов мертвым, выигрывая время и свободу поведения.

Бандиты закончили работу. Наступил самый опасный момент: не захотят ли они добавить в меня порцию яда за пределы левой руки, после чего я уж точно окажусь утопленником?! К счастью, судьба меня пощадила: убежденные в моем параличе, бандиты положили меня на затрещавшие перила, толкнули — и я вместе с куском ограждения рухнул в реку, счастливый, что перила упали до, а не после меня.

Некоторое время я плыл под водой, держа направление к берегу; осторожно вынырнул, оглянулся: на мосту никого не было. Темнота расстилалась густым покровом; я держался на поверхности реки, несущей меня прочь от города, и вслушивался в тишину. Возле моста заурчал, постепенно удаляясь, звук мотора: бандиты наконец уехали. Я подплыл к берегу и выбрался на землю.

До города было недалеко: я шел к замку и через полчаса был в помещении башни. Найдя герб де Эмервилей, я открыл потайную дверь и нырнул в знакомый проход. В нише лежали принесенные утром надувной матрац, одеяло, фонарик, еда и одежда. Не предвидя ночного происшествия, я понимал, что из гостиницы, ввиду ее опасности, придется скрыться и готовился к этому заранее, — и теперь был рад своей предусмотрительности.

Переодевшись, я разложил матрац и уснул, надеясь, что привидения замка, если они существуют, оставят меня в покое. Заставив себя проснуться на рассвете, я позавтракал, потайным ходом прошел в парк и уселся на скамейку, готовясь к разговору с Фоссом — в том жестком варианте, который советовал Синх.

Фосс появился не скоро. Я ожидал, что он хотя бы вскользь упомянет о вчерашнем наезде на меня и объяснит свое исчезновение, но Фосс принялся жаловаться на бессонницу, на кошмарные сны, мучающие его на рассвете.

— Между прочим, — заметил он, — мне в эту ночь приснилось, что вы мертвы.

— И вы пришли с надеждой в этом убедиться, — холодно произнес я. — Сочувствую вашему огорчению и посему сообщаю: завтра уезжаю, поскольку осмотрел в Арионе все интересное — за исключением вашего дома.

— Да?! — вздрогнул Фосс, с беспокойством глядя на меня. — Вы считаете, что в моем доме есть нечто, интересное для вас?

— Уверен, — подчеркнул я, не спуская глаз с Фосса, внезапно обмякшего и постаревшего.

— Возможно, вы правы, — задумчиво сказал Фосс. — Согласен: сегодня вечером я устрою вам экскурсию по своему дому. Жду вас в двадцать часов.

Фосс встал, попрощался и ушел, оставив меня думать над тем, что Фосс слишком легко уступил и не собирается ли он закончить экскурсию моими похоронами?..

Сделав вылазку в магазин, я провел остаток дня в замковом убежище, отдыхая и готовясь к вечеру.

Дом Фосса окружал высокий глухой забор, ворота были оббиты листовым железом. Ровно в двадцать часов я нажал кнопку переговорного устройства, расположенного на калитке, и назвал себя. Калитка распахнулась; я прошел по кирпичной дорожке к дому. В глубине двора стояли два сарая, остальную площадь занимал небольшой сад и огород. Двухэтажное здание высилось, словно средневековая крепость: на окнах я увидел металлические решетки; входная дверь, как и ворота, была оббита листовым железом.

Дверь открыла пожилая женщина; я поздоровался, она молча кивнула и показал рукой, чтобы я следовал за ней. Я понял, что передо мной — немая экономка Фосса.

Меня привели в обширную комнату на первом этаже, служившую, судя по накрытому столу, столовой. Сидевший в огромном кресле Фосс хмуро приветствовал меня и предложил располагаться; я выбрал место напротив него. Экономка принесла отбивные; Фосс наполнил бокалы, мы выпили и принялись за еду. Фосс был немногословен; я не препятствовал его размышлениям.

— Между прочим, — выпив второй бокал, Фосс повеселел, — в гостинице рассказывают, что вы утонули.

— А тело нашли? — дегустируя "Наполеон", спросил я.

— Пока нет, — Фосс посмотрел на меня с таким нехорошим интересом, что мне стало жутко. — Но ищут. По слухам, госпожа Мюре очень огорчена вашей гибелью.

— Что ж, бывают милосердные женщины, — заметил я. — Смерть мужа она переживала не менее сильно?

— Наверное, — ухмыльнулся Фосс. — Он утонул, — как и вы, — и, хотя все уверены, что утонуть ему помогли, полиция ничего доказать не смогла.

— Ох, эта полиция! — покачал я головой. — Она заботится только о тех, кто успел позаботиться о себе сам. Как вы, например.

— Откуда такие мысли? — удивился Фосс.

— Решетки на окнах, железо на дверях... — пояснил я.

— А, это... Не знаю, вам виднее, — холодно проговорил Фосс и спросил, — дом будете смотреть?

— Да! — твердо сказал я.

Мы поднялись; Фосс шел впереди, показывая мне кухню, бильярдную, библиотеку, гостиную. Комнаты были недурно обставлены, подбор книг в библиотеке свидетельствовал о хорошем вкусе. Однако меня не покидало ощущение, что атмосфера дома пропитана страхом, ожиданием какой-то угрозы.

— Мой кабинет, — объяснил Фосс, вводя меня в угловую комнату второго этажа. — Я настолько привык к нему, что обычно здесь и ночую.

Как и везде, широкое окно комнаты было заделано решеткой; вплотную к окну примыкал письменный стол, заваленный книгами и рукописями. В левом углу стоял громадный металлический сейф с выбитым на дверце гербом де Эмервилей, в правом разместился вместительный диван с приби-

тым над ним ковром — и именно к ковро постоянно возвращался мой взор: на нем висела на вделанных в стену цепях высохшая человеческая рука.

— И что вы скажете? — напряженно сказал Фосс, перехватив мой взгляд.

Равнодушно пожав плечами, я с безразличным видом показал на руку: "Это муляж?"

Несколько секунд Фосс молча, удивленно рассматривал меня; потом в его глазах вспыхнула радость: "Нет, рука настоящая. Она принадлежала графу Эгмонту, последнему представителю рода де Эмервилей: я отрубил ее в страшной схватке, случившейся между нами ровно десять лет назад".

Фосс разговорился; он смотрел на меня без прежнего недоверия, почти дружелюбно: "Это случилось в полночь, на берегу моря: я стрелял, но ему удалось отвести пулю. Но Эгмонт не знал, что я владею магией и гипнозом — это его и погубило. Я тоже был сильно ранен и упал, потеряв сознание. Мой друг, нашедший меня под утро, позже рассказал, что я лежал на песке один, сжимая пальцами отрубленную руку де Эмервиля: вокруг никого не было. Скорее всего, тело Эгмонта унес прилив — оно находилось у самой кромки волн. Я долго болел, после выздоровления скитался, пока не купил этот дом. Вот только рука... Закопать или выбросить, то есть отпустить ее от себя, я не мог из-за непредсказуемости последствий, а уничтожить — боюсь: по родовой легенде де Эмервилей, в 16 веке казненный граф Гоше пришел за отрубленной у него рукой из преисподней и, не найдя ее, убил палача, — тогда, кстати и появился их герб: рука, разрывающая сковавшие ее цепи".

Фосс ткнул пальцем на дверцу сейфа.

— Удивительная история! — промолвил я. — Только непонятно, из-за чего началась у вас вражда с де Эмервилем.

Фосс заколебался, потом с извиняющей усмешкой проговорил: "У меня сегодня — как исповедальный вечер: все рассказываю, словно кто-то за язык дергает... Я охотился за сейфом, где хранился архив де Эмервилей — в том числе и рукопись Сен-Жермена, изгнанного в свое время из семейства де Эмервилей за разглашение родовых тайн. Однако выяснилось, что до архива можно добраться только через труп владельца. Около года я шел по следу графа, пока мои люди не отыскали его и не выманили на берег моря. Там, при блеске звезд, я увидел его в первый и последний раз...".

— Затем ваш друг, пользуясь смертью Эгмонта, выкрал и увез сейф, — перебил я Фосса. — Выздоровев, вы забрали сейф и годами изучали архив, стремясь разгадать Сен-Жерменовский секрет бессмертия, но не смогли. Так?!

— Да, — прошептал Фосс, с ужасом глядя на меня. — Откуда вы знаете? Неужели...

— Мне нужен архив, — ледяным тоном объявил я. — Откройте сейф.

— Вы слишком легко хотите получить то, что мне досталось дорого, — овладев собой, зло сказал Фосс. — Из этого дома выходят не все, кто зашел: некоторых выносят!

Я увидел расширенные зрачки Фосса, почувствовал, как страшная сила сдавливает меня, разрывает внутренности. К счастью, я успел поставить блок

основному потоку смертельной психоэнергии и перевел ее на ближайшие предметы; один из импульсов попал на стул: тот зашатался и рассыпался на кусочки.

Равновесие биополей восстановилось. Я перевел дыхание и спросил: "Вы не забыли мою просьбу?"

— Нет, — угрюмо сказал Фосс. Он стоял мокрый, измочаленный, опустошенный. Шаркающими шагами подходя к столу, он достал ключ и открыл сейф.

Вытащив архив, я быстро просмотрел рукописи и сложил все в купленную сегодня сумку.

— Нельзя ли договориться о тайне Сен-Жермена?—умоляющим голосом спросил Фосс.

— Можно, — ответил я. — Если сообщите, где и под каким именем проживает ваш друг, с помощью которого вы дважды пытались меня убить.

— Улица Барбароссы, дом четырнадцать, Карл Ирвин, — облизнув пересохшие губы, быстро сказал Фосс.

— Если не обманули, завтра получите обещанное, — я повернулся, направляясь к выходу. Фосс плелся рядом, похожий на побитую собаку. Я вышел из ворот, посмотрел на него и на миг почувствовал жалость: "Прощайте! Постарайтесь до завтра дожить!"

Фосс изменился в лице; уходя, я слышал, как скрежещут по металлу дверные запоры.

Убедившись, что за мной не следят, я свернул в парк, отнес сумку через потайной ход в замок, вернулся и, остановив такси, попросил подвезти меня к полицейскому участку. Расплатившись с водителем, я зашел в дежурную часть, назвал себя и сказал, что необходимо срочно переговорить с комиссаром полиции.

— Вам повезло, — он еще на работе, — заметил дежурный и, спросив по внутреннему телефону, примет ли комиссар господина Дюрена, объяснил мне, как пройти в его кабинет.

Комиссар оказался полным мужчиной с небольшой лысиной и цепкими, щупающими глазами. Пригласив меня сесть, он спросил: "Вы тот Дюрен, который вчера ночью исчез из гостиницы?"

— Да, — ответил я. — И мне хочется сообщить об обстоятельствах этого исчезновения.

Комиссар включил магнитофон. Я подробно рассказал о преследовании меня Курчавым, о ловушке в замке (умолчав о тайнике и другом, могущем показаться странным), о захвате и плен и попытке убийства, не осуществившемся из-за незнания бандитами, что моя левая рука искусственная и яд не проник по ней в тело.

Комиссар прервал меня только один раз — в начале разговора. Попросив подождать, он вызвал кого-то из соседней комнаты. К моему удивлению, вошел человек, которого я прозвал Коммерсантом.

— Энрико Ковальски, — представился он. — Вас приняли за полицейского по моей вине: я подстроил это, отводя подозрения от себя.

Мной должен был стать первый поселившийся в то утро и гостинице мужчина, — им оказались вы. А позже, насколько я понял, вы своими действиями окончательно убедили преступников в правильности их выводов.

— Вы всегда так работаете? — насмешливо опросил я и, видя, что Ковальски не понимает, объяснил, — спасая себя за счет другого?

Ковальски вспыхнул и сердито посмотрел на меня.

— Успокойтесь, — вмешался комиссар и попросил меня продолжить рассказ.

Произвел он сильное впечатление, особенно, когда я назвал услышанные в подвале имена и эпизоды.

— Вы узнали больше нас, — с удивлением констатировал комиссар. — Ковальски тоже установил ряд фактов, но его сведения касаются периферии и связей, а вы проникли в центр.

— Организация госпожи Мюре, — главный перевалочный пункт, через который в страну переправляют наркотики, — пояснил Ковальски. — Мы наблюдаем за ней уже полгода, а сегодня — отчасти благодаря вам — будем ставить в ее деятельности последнюю точку.

Пока комиссар через дежурного собирал оперативные группы, а Ковальски ездил куда-то за спрятанными агентурными материалами, я сидел в коридоре, наблюдая царившую вокруг суматоху. Наконец группы были собраны, проинструктированы и разъехались выполнять задание.

В течение часа полицейские задержали и доставили в участок восемь человек, и среди них — моего старого знакомого Курчавого. В подвале гостиницы и у двух членов банды обнаружили наркотики и незарегистрированное оружие — в том числе и то, из которого стреляли в меня.

— Для предъявления обвинения хватит: остальное покажет суд, — заключил комиссар. — Жаль, не поймали госпожу Мюре: она сбежала из гостиницы за десять минут до прихода полиции. Горничная рассказывает, что перед этим кто-то звонил ей по телефону.

— Странная история, — задумчиво сказал я. — Лично у меня алиби: я все время находился в коридоре.

— Не обижайтесь, мы вам верим, — засуетился комиссар, и, меня неприятную тему разговора, спросил: "Куда вы теперь?"

— У меня оплачен до завтра номер в гостинице, — пожал я плечами. — Но я попрошу у вас до утра охрану: госпожа Мюре, да и другие члены банды, еще на свободе, и могут попытаться устранить меня как нежелательного свидетеля.

— Резонно, — согласился комиссар. — Мы возьмем вашу комнату под наблюдение.

Меня отвезли в "Найтингель" и проводили в номер. Здесь ничего не изменилось: вещи лежали там, где я оставил их, уходя на свидание с госпожой Мюре.

Полицейские пожелали мне спокойной ночи. Я ответил им тем же и тщательно запер за ними дверь...

Рано утром я проснулся от громкого стука. Вскочив, я накинул халат и повернул ключ в замке: в открывшуюся дверь вошли полицейский комиссар и Ковальски.

— Извините за вторжение, — поздоровавшись, сказал комиссар. — Получено сообщение, что на рассвете при очень странных обстоятельствах убит ваш знакомый Фосс. Мы едем туда и я буду рад, если вы составите нам компанию. Ждем вас внизу.

Комиссар и Ковальски ушли. Я умылся, оделся и спустился к ожидавшей меня машине.

Калитка, ведущая во двор Фосса, была распахнута; возле ворот толпились зеваки, стоял полицейский. Еще несколько полицейских и экономка Фосса встретили нас в доме; увидев меня, экономка открыла в ужасе рот и стала показывать что-то, тыча в меня пальцем.

— Насколько я понимаю, — сказал Ковальски, оборачиваясь, — она обвиняет в убийстве вас.

— Спросите об этом у ваших сотрудников, дежуривших в гостинице, — устало возразил я — Вы же знаете, что это исключено.

Мы поднялись на второй этаж. Ведущая в кабинет Фосса дверь была снята с петель и стояла, прислоненная к стене; дверной проем загораживал сейф, отодвинутый в сторону так, чтобы можно было пройти.

— Вчетвером еле оправились, — объяснил сопровождавший нас инспектор. — Какая сила переместила сейф к двери, — непонятно, и вообще история жуткая.

Протиснувшись, мы вошли в кабинет. Оконная решетка была сломана, стекла выбиты, мебель разбросана по комнате, словно здесь бушевал вихрь. Фосс, раскинув руки, лежал на полу: на его лице застыл ужас, на шее виднелись отпечатки пяти пальцев.

— Задушен, — констатировал комиссар. — Вы не помните: над диваном что находилось?

Комиссар показал на ковер, где висели обрывки оборванных цепей.

— Высушенная человеческая рука, — пояснил я. — Фосс любил собирать диковинки

— А что лежало здесь? — спросил Ковальски, заглядывая в пустые ящики сейфа.

— Какие-то рукописи, семейные реликвии, — пожал я плечами. — Фосс говорил о них вскользь.

Мы вышли из кабинета. Комиссар дал указание полицейскому инспектору составить протокол, снять отпечатки пальцев и сфотографировать место происшествия, после чего, спустившись вместе с нами на первый этаж, начал с помощью знавшего язык глухонемых полицейского допрашивать экономку. Женщина рассказала, что она проснулась на рассвете от дикого грохота и криков, доносившихся из кабинета хозяина; она побежала вверх, стала стучать в запертую дверь, — среди воплей Фосса ей послышалось имя "Дюрен", потом Фосс захрипел и смолк, хотя в комнате что-то продолжало происходить, слышался странный

шум. Женщина побежала на улицу, разбудила соседей и долго втолковывала им о случившемся, пока те не догадались позвонить в полицию. Больше она ничего не знает, кроме того, что этот господин — женщина показала на меня, — был вчера вечером у ее хозяина в гостях и чем-то очень его расстроил.

— А что скажете вы? — обратился ко мне комиссар. — Фосс давно вам известен?

Я рассказал о нашем случайном знакомстве, передал содержание наполненных мистикой разговоров, сознался, что вчера рассердил Фосса, неудачно пошутив над его верой в привидения,

— Откровенно говоря, — заключил я, — Фосс интересовал меня, как бывшего врача, с медицинской точки зрения: он болел редкой формой шизофрении — раздвоением сознания.

— По свидетельству экономки, перед смертью Фосс выкрикнул ваше имя. Почему?

— Наверное, он звал меня на помощь, — пояснил я. — Все-таки мы с ним почти подружились.

— Возможно, вы правы, — задумчиво произнес комиссар. — Тем более, что ваше алиби подтвердили два наших сотрудника, державших под наблюдением двери и окно гостиничного номера.

Я промолчал, подумав, что мое вчерашнее решение обеспечить себе алиби с помощью полицейских оказалось верным.

— Откуда у Фосса сейф с гербом де Эмервилей? — внезапно спросил Ковальски. — Он что: их потомок?

— Не знаю, — сердито ответил я. — Его биография меня не интересовала.

Экономка по данному вопросу пояснений дать не смогла, зато припомнила следующее: к Фоссу несколько раз заходил худощавый блондин по имени Карл — все, что ей о нем известно.

— Что ж, будем искать, — вздохнул комиссар и попросил Ковальски: — "Возьмите у господина Дюрена официальное объяснение: ведь он, если мне не изменяет память, собирается нас покинуть?!"

— Да, — подтвердил я. — Уеду шестнадцатичасовым поездом.

— Всего хорошего! — комиссар протянул на прощанье руку и пошел к машине.

Я и Ковальски уселись за стол в гостиной; оформив протокол допроса, Ковальски показал, где нужно расписаться, положил бумаги в портфель и, улыбаясь, сказал: "Между прочим, господин Дюрен, не такой вы простак, каким прикидываетесь, и о смерти Фосса многое знаете: я сомневаюсь в случайности вашего с ним знакомства. Люди госпожи Мире, — я с ними ночью беседовал, — легенды о вас рассказывают, а они лгать не любят. И не Дюрен вы, а неизвестно кто, поэтому не смогу я отпустить вас из Ариона ни сегодня, ни завтра".

— Вы удивительно доверчивы к сплетням и вымыслам, — холодно промолвил я. — Я при желании могу сочинить, что вы, прикрываясь мной, шантажировали госпожу Мюре, а вчера днем, используя как отягчающий

факт мою мнимую смерть, вступили с ней в прямой контакт и получили за молчание огромные деньги. Опасаясь разоблачения, вы предупредили Мюре об аресте, а ночью, предложив устроить побег за границу, убили ее, успев перед этим узнать, что я — не Дюрен.

Ковальски сидел бледный, глядя на меня со страхом и ненавистью. Я догадался о его истинной роли, сопоставив ряд фактов: госпожа Мюре и ее банда предлагали мне деньги, которые требовал кто-то другой; Ковальски не сообщил в полицию, что я перед исчезновением из гостиницы был у госпожи Мюре; лишь он имел возможность позвонить Мюре перед приездом полиции — однако решиться на данный шаг он мог, если ранее лично брал у Мюре деньги; собранная госпожой Мюре информация обо мне оказалась у Ковальски: получить ее он мог только после моего "возвращения в живые" — но рисковал ночной встречей с Мюре явно не из-за данных сведений (зачем я ему?!), а для того, чтобы уничтожить опасного свидетеля.

Собравшись с силами, Ковальски хрипло рассмеялся: "Молодцы мы: столько друг о друге напридумывали! Я не возражаю против вашего отъезда".

В его глазах я прочитал свой смертный приговор. Необходимо было срочно менять ход событий.

— В знак нашего взаимопонимания примите подарок: я знаю, кто убил Фосса, и предлагаю вам проехать со мной и лично задержать преступника.

Лицо Ковальски напряглось: подумав, он кивнул головой: "Согласен, но учтите: я возьму с собой двух полицейских".

— Правильное решение! — одобрительно воскликнул я. Несколько секунд Ковальски настороженно изучал меня, раздумывая, нет ли в моих словах подвоха, потом встал и, подозвав двух полицейских, велел всем пройти к машине.

— Улица Барбароссы четырнадцать, — назвал я адрес водителю — и мы поехали.

Ирвин жил в большом сером трехэтажном здании, примыкавшем к скверу, где не так давно на меня было совершено покушение. Консьержка сообщила, что его квартира находится на втором этаже, и помогла ее отыскать.

— Кто там? — услышали мы, постучав, испуганный голос.

— Откройте, полиция! — властно крикнул Ковальски. В квартире послышался шум, потом — звон разбиваемого стекла.

— Ломайте дверь! — воскликнул я. — Он убегает через окно.

По команде Ковальски полицейские вышибли дверь. Мы бросились в комнату: она была пуста, окно — распахнуто.

— Вот он! — закричал я. Ирвин, прихрамывая, перебежал дорогу, ведущую в сквер. Вскочив на подоконник, я прыгнул вниз: к счастью, удачно. Вслед за мной прыгнул Ковальски, затем — полицейские.

В этот утренний час в сквере было пусто. Мы бежали, с каждым шагом догоняя Ирвина. Поняв это, он остановился, вытащил пистолет, собираясь швырнуть его на землю — и вдруг увидел меня. Лицо Ирвина исказила

ненависть: подняв пистолет, он прицелился и выстрелил. Стрелял он метко: я с трудом отвел летевшую в меня пулю, направив ее в бежавшего рядом Ковальски. Схватившись рукой за сердце, Ковальски застонал и рухнул на песок дорожки.

— Стреляйте! — отпрыгнув в сторону и падая, крикнул я полицейским.
— Иначе он нас убьет!

Полицейские открыли огонь: одна из пуль с подправленной мной траекторией пробила Ирвину мозг.

Поднявшись, я подошел к Ковальски, потом — к Ирвину: оба были мертвы.

Полицейские вызвали по телефону комиссара и экспертно-следственную группу.

— Вы просто притягиваете к себе смерть, — сказал мне комиссар, обзревая место происшествия. — И непонятно, как остаетесь живы... Что случилось?

— Ковальски преследовал убийцу Фосса, — я показал рукой на Ирвина.
— Уверен, что экономка его опознает... Во время перестрелки погибли оба.

Комиссар, нагнувшись, осмотрел Ковальски, вытащил из кобуры его пистолет и, вздохнув, произнес: "Удивительно своевременная смерть — учитывая открывающиеся обстоятельства... Его жене повезло: она будет получать пенсию, а не носить тюремные передачи".

Комиссар повернулся ко мне: "Полчаса назад в канализационном люке было найдено тело госпожи Мюре: ее застрелили около часу ночи".

— Проверьте этот пистолет, — я кивнул на пистолет Ковальски.

— Я за ним и приехал, — ответил комиссар, с интересом посмотрев на меня, — и улыбнулся, увидев мое удивление: "Я тоже умею размышлять, особенно когда есть над чем. На вилле, принадлежавшей госпоже Мюре, сегодня утром обнаружили в тайнике бумаги с очень любопытными записями... Вот так-то, господин, именующий себя Дюрен".

Я застыл, собираясь с мыслями. Заметив мою реакцию, комиссар добродушно сказал: "Не волнуйтесь, господин Дюрен: я не люблю копаться в личных тайнах — у меня хватает служебных... Прощайте!"

Комиссар уехал. Дав письменные показания, я вернулся в гостиницу, где уже все знали о смерти хозяйки. Собрав вещи, я заказал билет на поезд и отправился прощаться с Арионом.

Побродив по улицам, я прошел к замку. Поднявшись в старую башню, зашел в потайную дверь и включил фонарик.

Я сделал это вовремя. Рука, висевшая в кабинете Фосса, летела на меня, звеня обрывками цепей и, шевеля пальцами, жаждущими вцепиться в мое горло. Импульсом биоэнергии я сбил ее на пол; рука, перебирая неровности почвы, поползла, стараясь дотянуться до тифлов. Еще одним ударом биоэнергии я отбросил ее в сторону, схватил сумку с архивом и, нажав рычаг, выскочил на площадку башни. Каменная плита плотно отгородила меня от темноты потайного хода и беснующегося там дьявольского обрубка, мучающегося из-за неудовлетворенного порыва превращать живое в мертвое.

Я представил ощущение Фосса, когда покоившаяся годами рука вдруг начала рвать цепи, стремясь к человеческому горлу. Вряд ли он успел понять то, что знал я, покидая его дом: обрушив на меня поток смертельной психоэнергии, которую я с помощью блока вогнал в висевшую на стене руку, Фосс подготовил свою гибель. Потерпев от меня поражение, он лежал на диване, излучая ненависть и жажду мести, чутко воспринимаемую сформировавшимся в самостоятельную монаду (т. е. ожившем) биополем, заполнившим материальную субстанцию руки — пока очередная волна Фоссовской энергии, переполнив критерий неподвижности, не побудила руку к действию.

Теперь замок де Эмервилей приобрел привидение, притянутое сюда сохранившейся в клетках руки генной памятью. Дневной свет для привидения опасен, но я не завидовал тем, с кем оно встретится ночью. Страшной оказалась участь руки, отрубленной у меня Фоссом десять лет назад, а теперь обретшей индивидуальность существования.

Десять лет... Я вспомнил мерцание звезд, удары морских волн, игравших моим полумертвым телом, пока я не был случайно подобран рыбацкой лодкой; наставника детских лет Синха, сумевшего найти меня и спасти от неминуемой смерти, многолетние поиски неизвестного нам вора и убийцы, пока Синх, идя по следам сейфа с гербом, не наткнулся на внушившего ему подозрения Фосса, свой приезд в Арион... Через несколько часов я буду уже в дороге, а сейчас...

Я остановился на бывшем подъемном мосту и долго смотрел на мощный двор, угловую башню с гербом, стены замка — то, чем когда-то владели и что потеряли мои предки, — и, повернувшись, пошел прочь, зная, что навсегда покидаю эти места: я, граф Эгмонт, последний из рода де Эмервилей.

СОДЕРЖАНИЕ:

Детективное агентство «Аргус»

Перстень.....
Многоженец.....
Ожерелье.....
Рейдер.....
Бизнесмены.....
Выборы.....
Клад.....

Герб де Эмервилей.....